

Наталья Казьмина

О ТЕАТРЕ,
О ЖИЗНИ,
О СЕБЕ

2008–2011

ВПЕЧАТЛЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, РАЗДУМЬЯ

Наталья Казьмина

**О театре, о жизни, о себе.
Впечатления, размышления,
раздумья. Том 2. 2008–2011**

«Прогресс-Традиция»

2017

УДК 792.03
ББК 85.334(2)

Казьмина Н. Ю.

О театре, о жизни, о себе. Впечатления, размышления, раздумья. Том 2. 2008–2011 / Н. Ю. Казьмина — «Прогресс-Традиция», 2017

ISBN 978-5-89826-466-6

Двухтомник дневников освещает жизнь Московских театров за период с 2001 по 2011 годы. Это впечатления от увиденных спектаклей, театральных событий, радостных и грустных, общений с театральными и околотеатральными людьми, доставляющих удовольствие, иногда огорчения. Размышления о жизни театральной и жизни вообще. Очень интересны раздумья о прошлом и настоящем русского (и не только) театра. О режиссерах, актерах, драматургах – без которых нет театра – главного объекта профессионального интереса автора. Эти дневники – личный взгляд и личные оценки человека не случайного и не последнего в театральном «государстве», они будут интересны и будущим поколениям театральных людей. Все ключевые события в стране и в театральной Москве нашли отражение в этих мемуарах. Человек искренний и независимый пишет о своем личном отношении ко всему, что привлекало ее и в театре и в жизни Москвы.

УДК 792.03
ББК 85.334(2)

ISBN 978-5-89826-466-6

© Казьмина Н. Ю., 2017
© Прогресс-Традиция, 2017

Содержание

Дневничок	7
2008	7
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Наталья Казьмина

О театре, о жизни, о себе.

Впечатления, размышления, раздумья. Том 2. 2008–2011

В книге использованы фотографии Виктора Баженова, Владимира Белоусова, Виктора Васильева, Михаила Гутермана, Эдгара Зинатуллина, Александра Иванишина, Станислава Красильникова, Александра Курова, Владимира Луповского, Зураба Мцхвтаридзе, Валерия Мясникова, Кена Рейнольдса, Виктора Сенцова, Валерия Скокова, Евгения Франова

© Казьмина Н. Ю. (наследники) идея, 2017

© Орлова И. В., 2017

© «Прогресс-Традиция», 2017

Дневничок

2008

«...Ст. Рассадин (литературовед, литературный критик, 1935–2012). «Русские». Читаю с большим удовольствием. Очерки о русских писателях 19 века. Придумана книжка, начиная с заголовков, хорошо. Образованность автора чувствуется во всем. Свободе обращения с фактами завидуешь. Их поколение, шестидесятников, при всем легкомысленном к ним отношении других, было очень образовано. Остальные – все жиже и жиже. И любимые герои у них достойные – Пушкин, Грибоедов, Жуковский... Всё приличные люди...»

1 января

Фильм А. Кончаловского «Глянец».

Нравы «попсовой тусы» уловлены и точно, и смешно. Только разоблачения, про которое говорил наш режиссер – проповедник до премьеры, не получилось. Мораль вышла совсем другая. Это, конечно, грязноватая и циничная компания, наш бомонд, но если ты упертая, но честная, тебе повезет. Финал, когда золушка из провинции становится королевишной, женой А. Домогарова, дико пьющего, но все-таки миллиардера, смотрится достойным вознаграждением за муки. Абсолютно по лекалам Голливуда изготовленный фильм. И разницы между Кончаловскими Андроном и Егором не стало никакой. Среднее кино во всех смыслах они делают оба. Т. е. в Голливуде А. не зря торчал, рецептам научился, технику освоил, но «автором» перестал быть. А. Тарковский, его приятель, войдет в историю кино всей судьбой, а Кончаловский? Ну, может быть, «Первым учителем» или «Романсом о влюбленных», как знаковыми фильмами советских 70-х, но не стопроцентной личностью.

...Мечтаю выспаться.

3 января

Умер **Александр Абдулов**. Жаль его безумно. Хороший был актер и мужик во всем. Таких – все меньше. Сгорел как-то вдруг, от рака легких. Хотя боролся, как зверь. В одном из последних интервью сказал немножко странно: «Я думаю, все будет хорошо. Я верю в это. Как говорил Юрий Владимирович Никулин, мой любимый клоун, когда его спрашивали про Мухтара, – «Он постарается». Я постараюсь!».

4 января

Звонок **А. Шапиро**. Немного неудобно. Обещала Ирке К., (жена Шапиро) что позвоню по поводу спектакля сама, но так и не собралась. Он меня опередил. Сказала правду, но мягче, чем ей (поняла, что она ему уже доложила). Не получилось что-то.

5 января

«Шум за сценой» Майкла Фрейна, реж. А. Леньков, постановка П. Хомского, Театр Моссовета.

Обожаю эту комедию положений. Я когда-то очень на ней смеялась. Кстати, это был севастопольский спектакль В. Петрова, ныне и давно мне неприятного. А ведь как начинал, сколько обещал! А потом история с «Живым трупом» в Омске, воспетым М. Дмитриевской

и ужасным в натуре. «Золотая маска» с «Женщиной в песках», что подмыло его репутацию. А сейчас – теплое местечко в Школе-студии, шестерка при О. Т. и Толе С.

Спектакль Инны Данкман, который был в Моссовета и который все хвалят, вспоминая, я не видела. Этот, чем больше на него смотришь и пытаешься разобрать, вызывает страшную досаду. Доисторическая режиссура. Вернее, дорежиссерский театр. Нестолличный вид. Собрались, договорились, кто откуда выходит, и поехали. Смешной только 3 акт (это для тех, кто досидит), но и то не потому, что сделано так, а потому что в пьесе уже перепутано все, что можно.

Неудачный домик (тяп-ляп) построила М. Рыбасова. Не очень старалась В. Севрюкова (*художник по костюмам*).

Как можно было назначить на роли соперников (по сюжету) актеров разного возраста и амплуа, да еще внешне похожих А. Межулиса и А. Смирнова. Если не знаешь, спутаешь. Смешная Е. Валюшкина (она это умеет), но на одной красочке ведет роль. Неприятный, заштампованный сам Ленков, играет жирно, приемом наружу. Лучше всех В. Каншина, которая построила роль логически от начала до конца и помнит и про маслины, и про газету.

6 января

«Бесприданница» П. Фоменко. Мастерская.

Это очень плохо, во всех смыслах. Не заразительно – самое последнее дело в театре. Поверить в то, что можно уйти от Карандышева – Е. Цыганова (хотя гримом и костюмом мальчика подпортили) к Паратову – И. Любимову невозможно. Вожеватов – Щенников – циник с рыбьей кровью (вообще всё страшно лениво разворачивается). Выглядит не хозяином умелым, а сыночком чьим-то, который бросает на ветер чужое состояние. Кнуров – А. Колубков – маловыразительный эскиз на тему Прибыткова. Лариса – П. Огуреева – дура. Маменька – Н. Курдюбова – бессердечная дура: у нее уже двух дочерей зарезали, она третью упустила за реку с цыганами и молча, «сдержанно» курит, а на реплику Карандышева «Где ваша дочь!», абсолютно спокойно и презрительно говорит, что он сам виноват.

И очень скучно всё. Понравился только Томас Моцкус, который играет полового в трактире. Он живой.

Очень странное это новое здание Мастерской на набережной. Какое-то «ласточкино гнездо». Снаружи – всё округло, внутри – будто всё углом. Снаружи – ну просто станция метро или «Бородинская панорама». Внутри – современный офисный центр, серо-черный мрамор, металлическая отделка. Сам зал неплох, скромный, без рококошек, бело-голубой, удобный, отовсюду видно. Фойе с какими-то подушками и амфитеатром, еще одним подобием зала (конференц-зала?), большой буфет и крошечный гардероб, в котором после спектакля меня чуть не задавили (не рассчитали строители). Один женский туалет – у гардероба, на самом видном месте: в антракте я подумала сначала, что очередь громадная стоит одеваться, народ бежит, потом еще больше сконфузилась, поняв, что тетки пописать хотят. А второй туалет, внизу, стыдливо прикрыт, но его не найти, если не знать.

В общем, не обрадовало меня это здание и мероприятие.

Зато театр «порадовал» невероятно. Было дикое количество нашего брата. Кого только не было! И всех абсолютно (я пришла рано, делать было нечего – разглядывала) посадили лучше меня. Я сидела в 6 р. амфитеатра, сзади еще два ряда и стенка. Со мной рядом, правда, сидела советница Французского посольства, дама очень предприимчивая и энергичная и из страны, между прочим, которая так любит Фоменко. Пожалуй, это был прокол. Тоже в амф., но ближе, сидели Н. Агишева, Г. Ситковский и Н. Старосельская, остальные вальяжно в партере. У Веры М. тоже был амфитеатр, так она поскандалила и получила партер. А мне все это смешно. И потом я сразу вхожу в положение театра, понимаю и оправдываю всех.

Критиков много, сажать их вместе нельзя. Хотя на этот раз целый ряд был – одни критики. По-моему, при таком зале сыграть хорошо нельзя.

В самом переду были В. Вульф, И. Соловьева, почему-то Маша Седых, ну и, конечно, «сладкая парочка».

7 января

Дом актера. Встреча с Павликом (*Тихомиров*) и Витой Севрюковой (*художник по костюмам*) по – поводу вечера 18 января. Хотя бы кое-как сложили действие. Я предложила несколько ходов, а не просто навал эпизодов.

* * *

Встреча с Толей Васильевым. У Нади Калининой. Ели блины, грызли орехи и сушеные маршарины, пили коньячок, разговаривали о европейском театре, который дрейфует к представлению, зрелищу, подальше от собственно драматического театра. Толя хорошо выглядит, пополнил, бороду иначе постриг, короче и кружком. Спокоен, весел, даже обнялись при встрече. В общем, оттаял. Не дергается. Рассказывал про Лион. Программа у него там очень сложная и насыщенная. Рассказывал про фр. театр, который, как и многие у нас, движется от драматического спектакля к зрелищу, перформансу.

8 января

Поездка к М. Эскиной. Пресс-релиз, переделка. Оля Галахова у нее была два дня назад, но сделала, по словам Маргоши, не то, что надо. Релиз скучный, а ее комментарий – просто расшифрован и не переведен из устного состояния в письменное. Пришлось переделывать. М. А. лежит постоянно, трещина в позвоночнике, в ожидании операции. Энергетика прежняя. Но жаль ее несказанно. И отказать ей ни в чем не могу.

9 января

Слава богу, сделали дело. Последний вариант письма Маргоша приняла, отдали ксерить, к пресс-конференции, 14 января.

Была в бассейне, получила хоть маленькое удовольствие. Должна была пойти в театр, Женя Розанова (*театровед, сотрудник театра ШДИ*) приглашала на В.Терлю (*актер*), а потом сказала себе, как мама мне обычно: «Не пойти – это что, смертельно?» И пошла в другую сторону.

Ст. Рассадин (*литературовед, литературный критик, 1935–2012*). «Русские». Читаю с большим удовольствием. Очерки о русских писателях 19 века. Придумана книжка, начиная с заголовков, хорошо. Образованность автора чувствуется во всем. Свободе обращения с фактами завидуешь. Их поколение, шестидесятников, при всем легкомысленном к ним отношении других, было очень образовано. Остальные – все жиже и жиже. И любимые герои у них достойные – Пушкин, Грибоедов, Жуковский... Всё приличные люди.

Хотя сам Рассадин, которого я когда-то защищала от Д. Быкова (*русский писатель, поэт, критик*) мне неприятен (как и Д. Б. с каждым годом все больше). В нем есть желчность неудачника. Откуда? Интересно, он когда-нибудь завидовал другу Эйдельману (*историк, писатель, пушкинист, 1930–1989*), на которого постоянно в этой книжке ссылается? И еще: раздражает стиль с ветвистыми отклонениями от темы; довольно часто мне кажется, что он просто потерял предложение, не дописал; я теряю из-за этого логику. Иногда мне кажется, что он ломится в открытую дверь и утверждает с доказательствами то, что и без

них ясно. А иногда он к чему-то клонит, а я не разберусь. Может быть, разность в образованности сказывается?

Купила «ЖД» Быкова. С первого раза не пошло совсем. Даже раздражает.

10 января

Встреча с В. Семеновским и М. Токаревой.

Начали с обсуждения планов следующего номера. Кто что будет делать. И не просто делать, а «спасать». Валера впервые, по-моему, сказал фразу «Буду делать его, как последний». Это после совещания у Швыдкого, которое его вроде бы защитило от «наезда» СТД. Рассказал, как унижался, прося писать тех, кто ему не симпатичен, но про кого намекают. Любезничал с Давыдовой, Егошиной, Соловьевой. Кстати, на швыдковское совещание из критиков пригласили лишь двоих: М. Давыдову и Б. Любимова. Со смехом Валера (Маринка Т. тоже шутила и облегчала пилюлю) рассказывал, как И. Соловьева пыталась им руководить. Он ей про статью и дело, а она ему загадочный вопрос: «А что мы будем делать с критиком на букву “К”?»». «Я сначала подумал, что она имеет в виду Р. Кречетову, они не в ладах давно». А потом оказалось, что речь идет обо мне. Как он это понял? Дальше разговор замотал. А мне, гордой, в лом было спрашивать. Но настроение испортилось не на шутку. Ах, ты старая...

12 января

В гостях у Тани Аграненок. Как всегда, мило, вкусно. Ворох подарков.

Взяла почитать Дину Рубину, рассказы. Это, конечно, компания В. Токаревой, с одной стороны, и Л. Улицкой, с другой. Прозрачно, с острым чувством детали и очень печально. Слишком много про смерть и потери.

14 января

Пару дней Дину Рубину почитала и бросила. Слишком портится настроение. И так-то я зимой получеловек, и солнца нет, и уныние одолевает, а Рубина, талантливая, без сомнения, загоняет в угол.

* * *

Пресс-конференция в Доме актера.

17 января

Репетировали вечер Виты Севрюковой. Вернее, они репетировали. Меня Вита с Пашей просили посидеть. Чувствовала себя дурой. Мое дело сценариста кончилось. Они на взводе, а я и помочь не могу. Только «жилеткой» поработать да поволноваться.

* * *

21.00. Телеканал «Культура».

Записывали сюжет про спектакль Фокина. «Расскажите нам про “Женитьбу” В. Фокина». Я им объясняю, что еще не видела, а они – «у нас такой формат». Попросила показать репортаж с репетиции – «еще не готов». Так и пришлось говорить вслепую. Три минуты в новостях – это мизер, хотя «формат» называется «Крупный план».

18 января

«Потайной шов». Вечер В. Севрюковой. ЦДА.

Во второй раз (после чеченского вечера) Паша втянул меня в эту аферу – «подавать идейки», писать сценарий. В конце – концов сложилось, я уложила Пашины номера и Витыны истории в какую-то одну развивающуюся цепочку. Идею оформления тоже подала. Дальше как-то весело все закрутилось. Потом уже поняла, что все-таки я их подтолкнула (а то я все со своими комплексами). Смешно работали, весело, легко. Я успела испугаться последней, когда за 10 минут до начала половина артистов курила, бродила по дому, болтала, пила кофе, и казалось, что ничего не готово. А ведь их всех надо было одеть и загримировать. А было 63 человека, а костюмов – 79. Главными же в этот вечер были костюмы. В итоге Паша с каменным лицом всех успокаивал: «Все будет хорошо!» и вылавливал из костюмерных актеров на выход. Витку выпихнули на сцену, а я осталась у занавеса с единственной бумажкой, где было написано, кто за кем и после каких ее слов выходит. В общем, я стала помрежем. Совершенно была сражена тем, как проявилось актерское братство, четкое отношение профессионалов к делу. Только один актер оказался не на высоте – В. Качан. Дарта-ньян моей юности, можно сказать. Думая, видимо, что я действительно помреж, все время требовал к себе отдельного внимания. Конечно, я не отвечала. Если бы была свободнее и увереннее, что все пройдет хорошо, я бы ему сказала. А тут подумала: «Сейчас мне не до тебя. Но уж потом... я тебе припомню!»

Тише всех и экономнее всех в движении были большие артисты. И. Чурикова – готова заранее, О. Остроумова с Г. Тараторкиным – заранее. И. Алферова, как сумасшедшая, повторяла текст «Чайки». О. Кабо неистово репетировала свое танго. Мне казалось, что только она и репетировала. В. Талызина брюзжала, но, когда надо, и вышла, и сделала пируэт. Она и Алферова дважды переодевались. Кабо и И. Карташева – трижды. В. Аллентова приехала при полном параде прямо после спектакля, только спросила, откуда и куда выходить. Парился в своей кардинальской мантии старенький, трогательный А. Адоскин. По такому случаю, он даже написал Вите оду. Незаменимые, но незаметные скользили костюмеры, без шума, без пыли, не раздражаясь. У С. Безродной просили 2–3 солисток, она привезла весь оркестр, 22 человека. Если учесть, что вечер начинался в 9, а в 12 они отъезжали в Петербург, это дорогого стоит. И все бесплатно, чтобы на пять минуточек показаться на сцене, сказать пару слов, покружиться в костюме. Таких актеров и такой театр ничего не убьет. Все-таки наши – особенные!

Ч. Чаплина играла в начале Безродная, кусочек, и под Чаплина я предложила делать дефиле в конце – чистый ход, прелестная атмосферная музыка. Дефиле Таня Борисова (*хореограф, постановщик*) прошла ногами одна, репетировала с каждым на словах, но не со всеми и по кусочкам. Нам с Витой, что-то в последний момент вписывающим в план вечера, это так понравилось! Но не успели мы размяться, как Таня сказала: «Нет девочки, это невозможно. Мы уже не успеем сказать им, у кого сколько минут. Как же они, бедные, уложатся в размер мелодии?». Это было чаплинское попури из 12 номеров, и каждый должен был выходить под новую мелодию или наплывая друг на друга. В итоге сошлись на том, что пусть импровизируют под музыку, какая попадется.

Не увидев из вечера почти ничего, проторчав за кулисами и чуть не поседев, когда того нет, сего нет, перед дефиле я сказала Паше, что все. Хочу посмотреть из зала. И они уложились почти идеально! Невероятно. Это было так красиво и так смешно. Они играли на «языке» так, как будто всю жизнь по нему ходили. И общались, и отыгрывали друг друга. Талызина точно под музыку сбросила мантию и показала плечико. Чурикова захотела участвовать. На полпути с Алентовой встретились и поцеловались – эффектно. Мальчишки в немыслимых камзолах и длинноволосых париках из спектакля «Обрученные» шикарно отыграли появление Кабо из «Сирано». А как Тараторкин оценил шедшую перед ним даму – взглядом настоящего ценителя – невероятно для него, он такой обычно скучный. О. Дроздова в платье из «Бесов» прошла, скромно потупив глазки, – чисто Анна Каренина. Довольно уверенно

держалась Клава Коршунова, гораздо лучше, чем в спектакле «Дама с камелиями». Очень смешной выход придумали себе Л. Артемьева и Ю. Рудина. А под финал, как и положено, пошла Витка. И аплодисментов было полно. И букетов. И радости. Даже привереда П. Каплевич (*российский художник и продюсер театра и кино*) был доволен.

На самом деле, это замечательная идея – вечер художника. Был когда-то творческий вечер Татьяны Сельвинской (*русский театральный художник, живописец, педагог*), который помнят до сих пор. Где я это вычитала? Не помню. Называлось как-то «Дама и три кавалера», что ли? И «кавалерами» были О. Шейнцис, Д. Боровский и Э. Кочергин, кажется. Надо изредка делать что-то подобное.

Ну, а потом выпила бокал вина, схватила два бутерброда и помчалась на поезд. Я сегодня тоже, как и Безродная, а с нею и мои герои, В. Зельдин и Ф. Чеханков, уезжала в Питер. Когда я просто «упала» в купе, поняла, как устала.

19 января

Ночь в поезде не спала. В Питере мокрый снег и ветер ужасный, гулять негде и некуда. Так что, получив номер в «Октябрьской», я еще и выспалась. Потом поболтали по телефону с М. Заболотней. Пообедали с Леной Вольгуст (*театральные критики*). Обеим я привезла гонорар от «Красоты». В театре повстречались с М. Токаревой. Она была с Нателлой Товстоноговой (*сестра Г. А.*) Как же она хорошо выглядит! Видно, что очень старая женщина. Но очаровательная. Сказала, что теперь любит Фокина: «Он замечательно выступил на обсуждении двухтомника!». Сам Валера потом рассказал, как это было. Пошел, потому что книги Товстоноговские понравились. Сидел один на диване, а рядом было пустое место. «Как прокаженный! Представляешь? Никто рядом не сел. Дураки». Пусть радуется. Значит, живой. Одни – бояться, другие – не любят. Когда все дуют в одну дуду, в сто раз хуже. Маринка была несколько излишне возбуждена. У нее так бывает на людях.

«Женитьба» В. Фокина. Александринский театр.

Шуточка. Обычно Фокин пугает. А тут пошутил. И довольно удачно. С ностальгической нотой. С большим вкусом. На сцене залит каток, на котором разъезжает вся русская классическая литература. В смысле, типажи. «Ошинеленная» «Женитьба» Эфроса его поколение поразила, но он хотел иначе. В итоге вышло, что не только из «Шинели», но просто из Гоголя вышли все...

Уже в поезде услышала репортаж про Рождественскую ярмарку в СПб. На ней была продана картина В. Матвиенко, она нарисовала Медведя (обыкновенного рыжего мишку?!). Картину продали за 11 млн. руб., дороже всех. Портрет с тюльпанами Майи Плисецкой пошел за 1,5 млн. Вот так. Матвиенко еще пошутила, что непосредственная работа мэра стоит дешевле.

21 января

«Волки и овцы» А. Вилькина. Центр «Вишневый сад».

Так медленно и печально, что я думала, это никогда не кончится. Островского так «психологически» играть нельзя, тем более, когда в конце «добро побеждает зло». И больше всех, к сожалению, не понравилась Оля Широкова-Мурзавецкая. Такая ханжа в черном. Ну, так нельзя. Рядом кто-то водевильно комикует, а у Оли с С. Ковалевым – Чугуновым идет Достоевский да и только.

* * *

Получила номер «Театра». Новый. Встретила в СТД В. Оренова (*театральный критик, режиссер*). Давно не виделись. Поболтали, попили кофе. Он мне вдруг предложил работу. Вместо себя возглавлять кафедру творчества в РГГУ (?!). Интересно, в чем фишка? Володьку я знаю сто лет, как облупленного, поэтому отношусь к нему ровно, хотя и знаю – его прижимистость, хитрость (всё под себя). Он никогда ничего никому не сделал просто так. Помню, как продал мне Анненского «Книги отражений» за два номинала. А как он использовал мою идею с Кантором? Я его вспомнила, первой сделала 2 подборки в «Театре», он после меня – целый номер ТЖ (*Театральная жизнь*), поехал в Польшу, орден даже себе какой-то отхватил. И помню, как в польском посольстве, на фильме о Канторе, куда меня позвали, спросили: «А вы читали ТЖ?» Я им: «А вы “Театр” читали?» Оказалось, нет. Сама виновата, надо ходить и себя продавать. Уж это Володя умеет.

22 января

Я позвонила Маргоше и взмолилась, чтобы она убрала с вечера М. Рощина (*советский, российский прозаик, драматург, сценарист, 1933–2010*) О. Загуменова, с которым каши не сварить, сказала, что он дело завалит. Она, подумавши, попросила Володю Иванова. Он, надо отдать ему должное, подхватил, разруководился. Вчера мы даже встречались, привлек Вадика Жука (*актер, сценарист*), Пашку. Никаких его обычных обид («Чего тебя звать на спектакль, ты все равно не напишешь!» – хотя я-то как раз писала про «Время и семья Конвей», который мне понравился) – виду не показывает. И все довольно бойко покатилося. Сегодня он показывает Туминасу «Матренин двор», который сделал с Сашей Михайловым и его женой Еленой Михайловой. Я Паше сказала, что надо пойти – по всем статьям этикета.

В итоге мы пошли и получили удовольствие. У Володи, когда он не задумывает что-то многолюдно-грандиозно-музыкальное, получается хорошо.

«Матренин двор» А. Солженицына, реж. В. Иванов. Малая сцена Вахтанговского театра.

Чистый спектакль. Чистый дуэт А. и Е. Михайловых. «Дуэль» артистов. И Вова мне, наконец, понравился. Такой намеренно старомодный психологический театр. Но от того, что актеры уж 20 лет не принимали участия в нашей сумасшедшей беготне (они ушли в церковь), их не коснулись ни разговоры, что теперь надо по-другому, или – теперь можно по-другому. Саша с русой бородкой стал очень похож на Солженицына, дополнительная краска. Лена при первом появлении разочаровала: показалась старой, располневшей, простоватой, даже блеклой, особенно рядом с ним. Но, как сказала первые слова, впечатление исчезло, округлое лицо показалось светлым, голос – девическим.

Повесть, собственно, не инсценирована, а читается (с сокращениями) – от автора и от героя, который то пересказывает события, то переходит к диалогу. А Матрена хлопчет возле своего домика-киота. На ней синее ситцевое платье в цветочек и валенки, на нем тупорылые ботинки и вещмешок за плечами. Физические действия то иллюстрируют происходящее, то с ним расходятся. Безыскусность. У актеров есть явный чтецкий талант, все, что рассказывают, предстает перед глазами.

Есть, конечно, монотонность, не понравился сусальный финал. На сцене почти возводится могильный крест, вместо разобранного домика-киота остается лишь дверная притолока, и Лена кладет к ней цветы, зажигает свечи. Это уже за гранью театра, и можно было сделать условнее.

Туминас, по-моему, растрогался, даже глаза повлажнели, говорил с волнением. Предложил это играть в рамках театра. Я за Володьку рада.

М. Давыдова разнесла спектакль в щепки – все недостатки возвела в степень, отказав спектаклю и этим чистым людям и в праве, и в искренности. Какая же мерзость!

* * *

Набралась храбрости (не люблю я этого), позвонила **М. Нееловой** – в связи с юбилеем М. Рощина. Идея такая: ни ее, ни Кости Райкина в Москве не будет, и я предложила им заранее встретиться и записаться вместе, несколько слов в адрес МихМиха. Все-таки «Валентин и Валентина» их «сделала». Костя, естественно, сказал сразу «да», а Марина, как всегда, начала тянуть резину. «Да зачем, да что я, как...» В общем, она подумает.

23 января

«Горе от ума» Р. Туминаса.

Пошла во второй раз себя проверить. Потатила с собой маму. Спектакль идет, конечно, хуже. Азарт после таких рецензий и слухов актеры подрастеряли. Хотя важные вещи, которые мне нравились и в первый раз, нравятся и сейчас. И. Стебунов-Чацкий будет замечательный. С. Гармаш, конечно, пустился в разнос. И. Древнов абсолютно пробалтывает и проваливает сцену Репетилова. Тут требуется держать смысл, быть остранным и при этом читать весь монолог технически виртуозно (быстро, но понятно, как в цирке). Он не делает ни того, ни другого, ни третьего.

Мама смотрела с любопытством, но осталась холодна. Семеновский с Алей после антракта сказали: «Один-ноль в твою пользу». Т. е. права я, а не Токарева, а я и забыла, что звала их в судьи. Горфункель тоже понравилось.

Римас Валере шепнул, когда тот его поздравлял: «За что они меня так? Только за то, что чужой?» Вот уж плевать с высокой колокольни. Пока кусают и хотят кусать, ты живой и сильный. Я это и Фокину говорила, и Райкину, и Панкову, и даже Димке Крымову (а себя уговорить не могу). Когда начинают в унисон хвалить, все подряд, вяло и неискренне, вот тогда надо начинать нервничать. А сейчас, они счастья своего не понимают.

24 января

«Сон в летнюю ночь» Ю. Авшарова.

Щука. Курс Ю. Погребничко. Ю. М. приглашал крайне взволнованный, потому что спектакль закрыли. Кафедра в количестве 4 человек, и каких! В. Этуш, П. Любимцев, Радик Овчинников и Ю. Нифонтов. Ну ладно, Этуш. Но эти трое! Молодые да ранние. Тоже в свое время обижаемые. А теперь что, почувствовали, что скоро им одним швейную машинку крутить? Паша совсем с ума сошел, головокружение от успехов у него появилось точно. Так безапелляционен, что страшно! На юбилее Авшарова, перед началом, почти на весь зал, стоя передо мной, во весь голос возмущался «Горем» Туминаса. Да так театрально, так грубо! А поскольку я отвечала ему тихо, со стороны это выглядело так, будто он меня отчитывал.

А спектакль у Авшарова, на самом деле, милый. Кроме меня это сказали и сам Погребничко, и В. Непомнящий, и Леня Хейфец.

В духе Театра ОКОЛО, напоминает о временах вахтанговского и турандотовского, брехтовского и любимовского «бедного театра». Смешно – что на русской сцене редко играют комедии Шекспира. Главный прием один – всю пьесу играют будто бы ремесленники, простаки. Намек на то, что великих актеров осталось мало, и средний тоже невысок. При этом ребята всерьез и очень здорово подают текст Щепкиной-Куперник. И ритм чувствуют, и интонируют, и смысл держат. Все три пласта (волшебный, героический и прозаич-

ческий) соединились, не выглядят отдельно. Смысл – на всех уровнях, фей и эльфов, королей и королев, горожан или ремесленников – насильно мил не будешь. Любовь – это дар, а назло, через силу, не заставить любить никого.

25 января

Встреча с В. Ивановым. **По поводу вечера М. Рощина.** Приехала Таня Бутрова (*театровед, жена Рощина*), пришел Жук, Пашка. Я еще раз подумала: как хорошо с этими людьми, с живыми глазами, потому что Загуменнов сидел, как рыба, не повернув головы. Что он может? Какой режиссер из него получится!? Даже главный режиссер г. Вольска, куда он намылился, из него никуда. «Молчалин наших дней», сказала про него Марго.

Володя был в ударе. Видимо, все-таки мой «сценарий» его зацепил. Во всяком случае, фонтанировал. Жук тоже был... благосклонен. Кое-что решили и кое-куда двинулись.

* * *

На секторе – скучное обмывание званий и юбилеев, первый тост выпили, а дальше не о чем говорить. Я поздравила Шахиню, Т. Никитину и Т. Никольскую с Татьяниным днем.

Весь вечер угробила на то, что говорила по телефону: про вечер Рощина, сборник, «Театр», про фигну всякую. Я так устаю от этих разговоров...

26 января

Позвонила днем **Неелова**. Извинилась за молчание. Ее два дня не было. Но уже поздно, я же не могла и Костю, и оператора держать на привязи всю неделю? В итоге дала ей моб. Райкина – пусть связываются и решают сами.

27 января

Хоронили В. Шумакова, замечательного хирурга, и И. Дмитриева (*советский и российский артист театра и кино, 1927–2008*).

Атлантида продолжает тонуть.

* * *

«Роберто Зукко», Бернар-Мария Кольтес.

Пошла во второй раз, чем явно обрадовала и Каму, и Гету. Лешке Демидову (он тоже был) понравилось. И очень. Встретила Людочку Титову (*актриса театра и кино*), которая мне издалека тепло и мило махала рукой (она была с дочкой Варей). Гета рассказала смешную историю про журнал «Эсквайр», для которого их с Камой фотографировали «демонстрантами».

28 января

С утра – кафедра РГГУ. Пошла посмотреть, что это за работу предложил мне Оренов. Не понравилось. С деканом не встретилась. Она, назначив мне определенное время, просила подождать еще час. В другое время я, может, и не возмутилась бы, и подождала, но меня ждали у Дашки в школе. Поэтому я ушла. А из того, что мне рассказала секретарь Володи, я поняла, что кафедра дышит на ладан. Надо доказывать необходимость ее существования, и главное – не столько читать лекции по истории театра, сколько приглашать в РГГУ всяких замечательных людей (устраивать встречи на уровне даже не факультета, а всего университета). Володя, как я понимаю, пересидел там времечко, пока ему не попалась более «хлеб-

ная» работа. Наприглашал тех, кого везде и всегда приглашает, своих друзей, типа Кима, Левитина, Геты и т. д., потом выдохся, получил то ли Челябинский ТЮЗ, то ли еще какой-то и укатил. А я опять брошена в прорыв. Что ж мне так не везет на легкие деньги?!

* * *

Говорили с **Мариной Нееловой**. Час, наверное. Обо всем. В частности об Александровой и Хаматовой. К Маше она относится с уважением и явной симпатией. Уверяла меня, что она не глупа. Ну, может, начиталась? Сказала, что она трудяга, и к делу настоящему относится, вникая. Чулпан мы косточки перемыли. Но она дает повод. М. с явным сарказмом – про первую артистку поколения. Я – про карьеризм, который ущемляет искренность. Про коньки говорили. Я не видела, мама моя и Ленка Сидякина говорили, что у нее это ловко получается. Но зачем? Это и Сандрик меня спросил после «Меченосца»? «Лажовое кино. А твоей Чулпан, уже знаменитой, зачем это нужно? Она же может уже выбирать, где сниматься». Она везде давно одинаковая, очень травестюшная, играет героинь, от которых герои умирают, но сексуальности – как, кстати, было у Марины – ни на грош. «Но она свое получит. Она хорошо знает, как строить карьеру», – сказала Марина. Но голосом поколения, как Марина, она не станет. Будет официально известной. И ко мне всегда так истово, но фальшиво кидается. «Вы – для меня!»

Еще Марина меня испугала тем, что вокруг нее вертится А. Жолдак. Долго рассказывал про свое историческое значение в Европе, про то, как его там ценят, про свой крутой авангардизм и про то, как он решил теперь (!) поработать с большими актерами. И пришел ее соблазнять. А она ничего не видела, не знает. Я начала было ее отговаривать. Потом одумалась. Сказала, что пусть спросит Костю, мы с ним вдвоем парились на его «Кармен» – чудовищной!!! Сказала – пусть сама посмотрит, не соглашается вслепую. Она очень смешно и язвительно его пересказывала, но я совсем не поняла, что она ему отказала. А что он ей предлагал!!? «Королева Лир» – очередная переделка классики. «Медею» Еврипида – он запросто изменит «своей» Маше Мироновой. И третье – совсем уж непонятное – «Слуга двух господ», где Марина должна играть Труффальдино. Всё – дурацкая затея. «И почему-то им всем хочется чего-то трагического» – это Марина. «Причем потом они это трагическое превращают в балаган» – это я. Она – с сожалением – хочется играть, а у кого и что? Я начала ее уговаривать что-нибудь сотворить с проверенными кадрами, Фокиным, Гинкасом, Райкиным. Она – с обидой: они живут своей жизнью, бегут, о ней не думают. Я: так надо подать сигнал, что она хочет, чтобы они о ней подумали! А она говорит, что время идет, и она это так понимает, а продолжает лежать на диване.

29 января

ГИИ. Собирались у директора (без Веры) (*Максимова*). Обговаривали план и сроки «Вопросов театра». Все мы успеваем. Зачем Вера гонит пургу и истерит, я не понимаю.

30 января

Демидов благодарил за встречу с С. Сосновским. Я свела их, его и **Алену Бабенко**, чтобы С. им посоветовал, как потратить спонсорские деньги на постановку.

Почти весь день телефон не смолкал. Опять рутина, переговоры о вечере Рощина. А для статьи про «Горе» написала два абзаца.

Оренов прислал мне статью о Васильеве, которую вроде бы собирается печатать М. Дмитриевская. А Коля Песочинский (*театровед, историк театра и театральный критик*), как сообщил Володя, уже не кланяется с ней за это. Я попросила почитать. В итоге – гадость ужасная. Пасквиль наподобие «Дела о конокрадстве». Отталкивается от книжки Полины.

Называет все время Богданову талантливым писателем, а сам приводит самые, на мой взгляд, неудачные ее формулировки. Лежачего не бьют, это нехорошо. Написано талантливо, убедительно и успокоительно для тех, кому хочется верить, что Васильева никогда не было. Талантливо, но с такой филистерской самодовольной интонацией. Так гадко! При этом даже по тексту видно, что кроме «Взрослой дочери» и «Вассы», он ничего не видел.

Сил махать руками, шуметь, разносить новость по Москве, перестать с ним здороваться, когда жизнь прожита бок о бок, у меня нет. Это выглядело бы как-то театрально и нелепо. И потом он взял с меня слово, что, пока статья не вышла, я никому про нее не скажу. Но я ему самому скажу, что я думаю о статье. И скажу, что обязательно ему отвечу, если он это опубликует.

31 января

Таня Бутрова сказала, что 31-е – еще один день рождения **Рощина**, это когда ему М. Дебейки (*американский кардиохирург*) сделал операцию, т. е. попросту спас. Она смеется, что я теперь самый большой специалист по М. Рощину: «Теперь тебе надо докторскую по нему защитить». Я тут кандидатскую никак не защищу, а она... Все-таки лень. Хотя дел, действительно, на пару месяцев.

1 февраля

До сектора успела слетать в Дом актера. Сбор у В. В. Иванова. Весело, когда люди умеют в связке работать, в компании, в общую копилку кидать мысли и идеи.

На секторе обсуждали В. Березкина, его Летопись творчества Боровского. Он попросил меня обсудить, я ему отказать не могла, хотя дел по горло. Претензии у меня были. Главная – он впихнул туда (по кускам) почти всю книжку Боровского, это как-то нехорошо. Ну, и не секрет, что Витя все видел, все знает, но писать и описывать не мастак. Я нашла тон и постаралась деликатно что-то посоветовать. После меня выступала наша новоиспеченная докторица Гудкова. Она говорила с присущей ей интонацией сноба и знатока, хмыкая и посмеиваясь. Многие вещи говорила даже правильные, но форма... Эти наши «большие ученые» (как люди средние и корпоративные поэтому) держатся друг за друга. Для своих выражения выбирают (у них получается, что и Старикова, и Звенигородская, и Светаева, и их аспиранты – безупречны), а к чужим – беспощадный гамбургский счет, причем, именно с позиции «мы, большие ученые», как говорит Люда С. И такое для них удовольствие – тыкать людей носом в ошибки. После выступления Гудковой Слава сотворил скандал, которого никто не ждал.

Все знают, что у Славы с Витей ужасные отношения, и один скандал осенью у них уже был: Витя даже написал ему письмо, просто вызов на дуэль, про то, что Слава – индивидуалист, а не руководитель сектора, все гребет под себя, окружает себя бездарными людьми, которые пашут на него, как рабы, про то, что на секторе никто не занимается живым театром и т. д. А Слава бегал жаловаться в дирекцию: «Оградите меня от оскорблений». А тут он вдруг (и все на взводе, дрожащим голосом, вроде как, сдерживая «священный гнев») спрашивает сектор, будем ли мы рекомендовать эту работу Ученому совету. С чего? Столько всего сектор пропускает беззвучно, а тут вдруг...

Слава проигрывает, по-моему, свои позиции одну за другой. В общем, скандал случился грандиозный. Витя опять говорил про то, что Слава не имеет права руководить сектором, он его только заваливает. Когда Витя отказался комментировать свой текст, Слава сказал ужасную вещь, оказывается, «шутит»: «Великий немой». Т. к. все знают, как сильно Витя заикается, когда волнуется, это выглядело и некрасиво, и бестактно. После сектора я узнала, что Витя опять послал Славе письмо, которое тот переслал в дирекцию и опять побежал жаловаться.

2 февраля

Запись Нееловой и Райкина. Это самый большой подвиг, который я совершила из принципа.

Встретились в 17.00 на Другой сцене. И Марина была хороша, и Костя – герой, только в 15.00 сошел с поезда, который привез его из Киева с гастролей, собрался, слетал в «Сатирикон», а в начале шестого уже был у Марины, это дорогого стоит. И сказали оба о Рощине замечательно. Все-таки они прекрасные в таких своих проявлениях. Что тут? Воспитание, чувство долга, любовь к Рощину, немножко, наверное, и уважение ко мне? Все вместе. Да! Еще в прошлый раз Марина мне рассказывала, как Костя «пел вам дифирамбы».

3 февраля

«Орнитология» А. Строганова, реж. В. Агеев. Другой театр. ДК им. Зуева.

Позвал сам Володя: «Это то, за что мне не стыдно». И. Гринева, сыгравшая тут главную роль, уже получила «Чайку», кто-то еще говорил, что спектакль замечательный. Кроме Гриневой – А. Багдасаров и А. Усов, мой любимый.

Я никогда не думала, что Строганова (*драматург, поэт, писатель*) можно играть, как А. Николаи (*самый популярный за рубежом итальянский режиссер, 1920–2004*).

7 февраля

Случайно включила Новости по России и обалдела. Торжественный **репортаж о 85-летию Романова**, питерского первого секретаря. Тон почти умильный: его так любил Брежнев, он должен был стать его преемником, но в результате интриг Черненко, не стал, его оклеветали. Про свадьбу дочери во дворце, на романовской музейной посуде, рассказали, а дочка (пухленькая ухоженная дамочка, потупив глазки) сказала, что все вранье, шутку про то, что и раньше в Питере правил Романов, и теперь правит, рассказали. Показали во всех видах аккуратного седенького старичка. В общем, отнеслись со всем уважением. Ничего, конечно, не сказано о его знаменитом самодурстве и управлении культурой в 70-е и 80-е. А я смотрела и думала: хотя бы С. Юрский (которого, по сути, он выгнал из города) не увидел этот репортаж.

10 февраля

Вечер М. Рощина.

17 февраля

«Странная миссис Сэвидж» Д. Патрика, реж. А. Денников. Театр Образцова.

Идея опять прекрасная – сделать бенефис В. Васильевой. Герои сумасшедшего дома – куклы в живом плане с актерами. Не все куклы, надо сказать, удачные, плосковатые. Похожи на кукол, а не на людей.

Сладковатость и почти фальшь, на грани. Многозначительность и для комедии, и для детектива. Дети Сэвидж сыграны карикатурно, не смешно, неприятно. Хотя принцип ясен (жалко, что слишком ясен): куклы похожи на людей, а люди – бездушные куклы.

Главное – принцип антрепризных спектаклей: легкая, по касательной, не перегруженная психологией игра.

Три финала. И последний – чисто кукольный. Над ширмой разыгрывается рождественская мистерия: хорал, приход волхвов, ясли с Христом, барашки вокруг.

Опять – режиссура – самое слабое его место.

21 февраля

По «Культуре» была замечательная передача о **К. Малевиче** (*российский и советский художник-авангардист, 1879–1935*). Плотная и по фактам, и по мысли. Умная, ясная. Его там называли «отцом современного дизайна и архитектуры». Это тоже важно – что не только живописи!

Опять рассуждения и версии о «Черном квадрате». На мой взгляд, это попытка выйти за рамки «дозволенного». В основе – стремление, мечта к идеалу, преодоление гравитации, пут и кандалов канона. И делает это человек, на грани разумного существующий, а не наши сытые и тщеславные жолдаки и серебрянниковы.

Сначала «Квадрат» был гениальным манифестом, потрясающей идеей, а потом его же идея его и съела. Отсюда – обет молчания, объявление о смерти живописи. Он дошел в идее до края, после можно было только прыгнуть еще выше или замолчать. Не успела я все это подумать, как художник, участвующий в этой передаче, некто Дмитрий Гутов, высказал замечательную мысль: Малевич поставил подножку всем авангардистам XX века. «Если ты создаешь что-то гипер-новое, ты оказываешься в роли жалкого ученика М.»

Я: он разрушил искусство до атома, возвратиться назад – невозможно, а повторять «черный квадрат» – бред. Вот мы и живем в бреде.

22 февраля

«Унтиловск» Л. Леонова, реж. Р. Овчинников. Щука.

Хорошая пьеса оказалась. Психологически насыщенная и даже изощренная. Сложности Радик не прибавил. Более того, мысль о том, что от революции пострадали и старые, и новые люди, продемонстрировал прямым, как палка, прологом, выпустив и в зал, и на сцену, комсомольцев в кожанках, красных косынках, включив Интернационал. Они в спектакле – глупые и радикально прямолинейные. «Старые» – жалкие и неприятные, как у Маяковского – «нечистые». Тогда про и зачем ставить сегодня? Непонятно. Ни драмы, ни конфликта. Паша Любимцев, который слушал меня сначала в штывы (я ведь обещала придти, после того, как похвалила Авшарова, и сказала, что не верю, что его спектакль может быть хуже всех), но потом вдруг помягчел: «А у вас много замечаний таких же, как у Этуша», он авторитет.

Радик с каждым актером психологически поработал мало, разбора логического, нет, а для Леонова он нужен. «Приспособлений» у ребят (а персонажи возрастные, деревня, много им малопонятного) немного, и все простые. Многие – это явно – списывают свои роли с подобных киношных. Несколько неплохих работ есть, но и это эскизы, а не полноценные образы. Один мальчик играл ужасно: мастерил, кривлялся, сюсюкал, плюсовал, весь был «толстинками» обложен. Сечь и сечь, на мой взгляд. Паша, недоуменно: «Да? А мне показалось, и не только мне, что он очень смело играл». Хоть стой, хоть падай. А какую истерику он мне устроил по поводу «Горя от ума» Туминаса, с которого ушел в антракте? Радика люблю, но это все так неточно и торопливо. Трусливо его поздравила и убежала. Он, по моему, все понял.

24 февраля

Э. Рязанов по первому каналу рассказывает про свой фильм «Забытая мелодия для флейты». Ничтоже сумняшеся, говорит: ждал, мол, я Л. Филатова, пока он снимался у К. Худякова в «Чичерине» (?) На самом деле, фильм «Чичерин» делал, между прочим, А. Зархи, а у Худякова Филатов снимался в «Успехе», в «С вечера до полудня», в «Иванцове», еще где-то. И идет это на всю страну. Конечно, старик Рязанов мог ошибиться, но тот, кто его записывал и, наверное, имеет отношение к кино, не должен был его поправить и перезаписать?..

25 февраля

Вечер А. Ильина. ЦДА.

Все произошло точно так, как я и предсказывала. Должно, скучно, неостроумно.

Мы с Пашкой хотели, чтобы вечер был игровым, стремительным, чтобы в нем была динамика за счет общения на сцене ведущего Миши Полицеймако, быстрого, шумного, немного циничного, и Андрея Ильина, вот такого, как есть, вялого, внутренне закомплексованного (теперь я в этом уверена) и консервативного. Я написала хороший сценарий, он его отверг. Кстати, передо мной не извинился, а Пашку после вечера не поблагодарил. Андрюша рассказывал длинные неинтересные истории, которые он сочинил с помощью своей странной помощницы Наташи – беспрекословна, смотрит в рот, договаривает предложения, когда ему лень.

Предвидя, что все будет так, смирившись, что все будет так, я все-таки расстроилась. Многим, кстати, вечер понравился. Я рада за них. Я 3,5 часа еле высидела. А. должен сказать спасибо друзьям, которые замечательно и бодро его поддерживали – Ленка Бушуева, Рапорт, Домогаров, Полицеймако. Андрей снимал и надевал очки, шумно вздыхал, говорил «Ну во-о-т!» и не смешно шутил. Хорошо читал Гамлета и Хлестакова, которых играл 30 лет назад – спасибо А. Ф. Кацу, намертво сделано, поэтому до сих пор живо. Лучше, кстати, ничего не сыграл. И Михаилом Чеховым не стал, как ему предсказывали, ни куражу, видимо, не было, ни интеллектуального уровня, скажем, Гвоздичко, который прошел сходный путь (вместо Нижнего Новгорода – Кропоткин и Ярославль, та же ранняя профессионализация).

29 февраля

Скандал с В. Максимовой. Гиря до полу дошла. Я не смогла сдержаться и сказала все. Что со мной нельзя так разговаривать. Она – редактор – составитель ВТ! А я все делаю, правлю, готовлю номер для типографии, оформляю грант, с ним бегаю, она «руководит» да еще и постоянно взвинчивает атмосферу. Делать «черную работу» позволяет (потому что сама не хочет или не может), но критикует. «Все не так, номер плохой, не успеем, ты не сделала...». Я ей сказала, что в такой атмосфере работать невозможно. Я так не привыкла. Когда сказала, что все брошу, пусть везет сама, она тут же испугалась, отъехала и стала делать комплименты. «Я тебя ценю... я прислушиваюсь к твоему мнению... ты совершенно не терпишь критики... хорошо же ты прожила жизнь, если тебе слова не скажи, ты уже лезешь в бутылку». Кто хоть немного меня знает, сразу скажет, что это не про меня. Жизнь давно поменялась, но свою распушенность она поменять не может. И, главное, все ее терпят.

1 марта

Кажется, первый раз в жизни весна меня не радует. Сегодня долгожданное солнце появилось, раньше я делала стойку мгновенно и просыпалась, а теперь... что-то и тут прокол.

Прочла **книжку рассказов Рубиной**. Она, конечно, замечательно пишет. Я ее запомнила еще с «Юности», а потом, когда все стали читать, почему-то сопротивлялась. «Высокая вода венецианцев», как же замечательно она описала город. Его чувствуешь, его нюхаешь, вдыхаешь. А вообще-то читать ее еще грустнее, чем Улицкую. Замечательная кропотливая наблюдательность, но такая печаль. Понимаешь, что все позади, что ждать уже нечего. Все главное состоялось. Одной статьей больше, одной меньше... И плакать хочется горько-горько, как в детстве.

2 марта

Умерла **Софико Чиаурели**. 71 год. Ведь немного. Год начался обвалом смертей. Хочешь, не хочешь, а поверишь, что високосный год гадкий. И опять уходит под воду Атлантида нашего детства.

* * *

Дочитала книгу **М. Туровской «Герой нашего времени-2»**. Не понравилось. Слишком много публицистики, политизированности (в осадке – желание пнуть все советское; задним числом это смотрится, как желание продемонстрировать свою сегодняшнюю лояльность), умных слов. Неталантливо.

6 марта

Блины у Маргоши.

Сначала пресс-конференция о Доме актера, которому никак не дадут жить спокойно. Россвязьохранкультура, сильно смахивает (по своим функциям) на советский «лит», и продолжает измором, затаившись, брать Дом. Судебного решения нет, хотя Ельцинский указ есть. Главное, что прозвучало, что актеры пошли голосовать за Медведева, потому что он сказал по ТВ, что вопрос решится в пользу актеров. Вообще все хорошо говорили. Замечательно Максакова. Она последнее время всегда говорит потрясающе (вечер Ульянова, Рощина, и две пресс-конференции, первая в январе). Причем, каждый сказал по-своему, в своем амплуа и темпераменте. Н. Цискаридзе, потупившись: надо позвать президента в дом, мы ему спляшем и споем, я даже встану на стульчик и прочту стихи, пусть посмотрит, как живут не самые последние люди в культуре. Возмущенно, по-военному – Этуш. Валера Баринов, сняв золотые очки, похожий на старого профессора. Юра Васильев – про то, что «мы пойдет до конца».

Сказала комплимент А. Кацу (я его давно не баловала) – про то, что сделанное хорошо, остается таким и 30 лет спустя. Про то, что лучше всего, театральнее всего, звучали на вечере Ильина монологи Гамлета и Хлестакова из спектаклей Каца. А в остальном, сказала я Кацу, его ученик меня разочаровал, он оказался незначительным человечески. А. Ф. покивал и грустно откомментировал: «А ничего, Наташенька, не бывает просто так. Все имеет значение: все эти съемки в дурацких сериалах, игра в дурацких спектаклях. Я ему говорил». Оля Волкова (за два дня до этого я ей жаловалась по телефону на Ильина тоже) назвала его «прорабом». Хороший актер, но стал прорабом: все время строится, ему не нужны жена и дети, люди, сам себе хозяин. Думает, что хозяин.

А потом ели блины в ресторане и пели песни, стол на стол. И тут проявились люди. Те, кто веселился от души, и те, кто судачил и обсуждал всех потихоньку. Как были хорошими Аня Гуляренко и Саша Андриенко, так и остались, а Света Брагарник, как не нравилась мне, так и не нравится.

7 марта

ТВ-Культура. «Линия жизни» **Юлии Рутберг**. Странное дело: способный человек, стильный, голос, пластика, умение быть смешной (редкое умение) – и постоянное ощущение... фальши от того, что и как она говорит. Есть артисты, которые «хлопочут лицом». Но я не видела, чтобы так сильно «хлопотали» ртом. Наконец я поняла, в чем ее проблема. Она постоянно играет в жизни роль Большой актрисы.

14 марта

«Мистерия-буфф. Вариант Чистых» Н. Рощина. ЦИМ.

Типичная заметка об этом спектакле. На вопрос, чем привлекла его пьеса, десятилетиями не ставившаяся на сцене, Николай Рощин в интервью РИА Новости сказал: «Тем, что в ней есть возможность выразить свою ностальгию по революционному духу в обществе,

которое в конце концов может превратиться в простого потребителя. Мы говорим о духовном выборе, о неизбежности духовного перерождения людей»...

«Мы руководствовались словами самого автора, который сказал, что «революция расплавила все, нет никаких законченных рисунков, не может быть и законченной пьесы!», – сказал Роцин...

По словам Роцина, Маяковский хотел, чтобы пьесу каждый раз меняли, оставляя только суть, чтобы она «не превратилась в музейный экспонат». На сцене возникает последняя чеховская усадьба умирающего мира. В ожидании неотвратимого люди ищут различные пути к спасению: пытаются строить новый ковчег, выбирают себе нового царя, устраивают себе ад, затем рай, причем «Ковчег», «Царь», «Рай» – все с большой буквы. Но, исчерпав все силы, они приходят к пониманию того, что неотвратимо наступает новая последняя революция, духовная революция самого человека.

Почти все информационные материалы про этот спектакль, так или иначе, варьировали этот текст. Это, для меня, означает, что те, кто писал, сами ничего в спектакле не поняли и тупо повторяли слова режиссера и тексты из пресс-релиза. Я могу их понять, потому что и я ничего не поняла. Могу только процитировать спектакль: «Какие вы черти! Вы щепки!» «У вас температура, как у здоровых», а это не для искусства и не для Маяковского, уж точно.

Версия спектакля, как написано все в том же релизе, основана на текстах первого и второго варианта пьесы Маяковского, плюс другие стихи. Я не знаток Маяковского, чтобы сразу разобраться. Но тот факт, что режиссер убрал из поэмы нечистых, а оставил только чистых, уже выдает его непонимание сюжета. Там – мир сдвинулся с места, там и то, и другое, как в настоящем ковчеге. Он, видите ли, не понимал, кто сегодня должны быть эти рабочие (он же подкладывал в пьесу современную ситуацию?). Не знаешь, не ставь. Хочешь сделать спектакль про гибель интеллигенции, поищи получше, может, найдешь пьесу, которую можно играть целиком, без «выкидышей».

Ну, предположим, только чистые. Но кто они, какие ассоциации должны вызывать сегодня? Сумбур у него в голове. В интервью говорит, что делал спектакль про интеллигенцию, которая окончательно погибла в 1916 году (почему именно в том – тоже немотивированно). Но если она такая мерзкая, как в спектакле, то туда ей и дорога.

«Картинка» на сцене красивая, и персонажи-маски (с понтом, Мейерхольд) выразительные, такой декаданс в прямом значении слова. Остальное – трючки, демонстрация состояний хаоса мира и души. Форма есть, а содержание не подтянулось. Скучно, потому что бессмысленно. Главная деталь оформления – рояль, который превращается в стол, в игровой стол, в гроб. На нем эффектно нюхают кокаин. Поп (какой-то карикатурный, из окон РОСТА) почему-то играет на рояле и голосит молитву, как имам. Если он хотел сказать, что сегодня у нас церковь карикатурна, и нет разницы между одной верой и другой (обе не слишком искренни и святы), то это не получилось. Маяковский, который читает ремарки перед алым «советским» занавесом, похож очень, но слишком старателен и в итоге карикатурен, потому что становится в позы то терзопуловские, то биомеханические, мейерхольдовские, и это ужасно смешно и жалко.

Замысел шел впереди пьесы. Не вчитался в его замысел, а впихивал в пьесу свой, что не влезало, отрезал.

Но главное, что премьера состоялась в Нанси, и французы в восторге.

16 марта

«Ханума» Р. Манукяна. Антреприза.

Аккуратное позорище. Вроде как не стыдно, но противно. Культурная халтура. Режиссер из фокинских магистрантов. Ясное дело, диаспора помогла. Ободрал, как липку, Товстоногова. Как мог. Как умел. Ничего не придумано. Организовано в принципах той товстоно-

говской «Ханумы». Но без цимиса. И актеры все второй сорт по сравнению с теми. Там Л. И. Макарова (1921–2014 г.), здесь Роксана Бабаян, там В. И. Стрельчик (1921–1995) (потрясающий), здесь – М. Державин, (хорошо выглядит, ходит туда-сюда). Играют по очереди. Маленький, но очень достойный эпизод у Л. Чурсиной (сестра князя). И акцент, и пластика точно – грузинские.

* * *

Умер Пол Скоффилд (английский актер, 1922–2008), Гамлет, который перевернул театральные представления, наверное, двух поколений советских режиссеров. Многие из них и 40 лет спустя говорили мне, что это было одно из самых сильных воспоминаний их жизни – «Гамлет» Питера Брука. Скоффилду было 86 лет.

17 марта

НТВ-новости. Причудливая у нас страна. Репортаж про попа из Нижнего Новгорода, в миру, Виктора Ильичева. Бывший спецназовец, воевал в Чечне, потом подался в церковь. Сейчас «работает» попом и... ведет у детей школу единоборств. Перед каждым занятием они читают молитву. Абсурд какой-то. А интонация репортажа умильная. И оговорочка – смертельных приемов он им не показывает, а учит только защищаться. Совмещается ли это с церковными заповедями – никого не волнует. Привет Ивану Охлобыстину.

18 марта

«Паб».

Чудовищная вампука да еще на государственные деньги. Это ставили братишки Пресняковы в антрепризе старушки Гурченко, но на молодежный грант Открытой сцены.

* * *

6 апреля по ТВ повторяли «Пять вечеров». Я смотрела на ту Л. Гурченко, потрясающий фильм, вошедший в историю нашего кино, и эта казалась мне еще больше городской сумасшедшей.

19 марта

Звонок В. Березкина.

Витя все не может успокоиться после скандала со Славой. Вздаламученный какой-то. При этом как-то даже пафосно благодарил меня за замечания на его рукописи о Боровском. «Читал, все принял, это настоящий профессиональный разбор и помощь». А все говорят, что он не принимает никаких поправок. Может, это он в пику им, принял мои?

21 марта

ТВ. «Закрытый показ». **Фильм Л. Садиковой «Ничего личного».** Не понравилось. Хотя ее же «Требуется няня» смотрела с большим любопытством. Тут – работы с актером никакой. От этого как-то многозначительно. Сюжет не новый. Частный детектив (В. Барин) следит за девушкой (З. Кайдановская), которая якобы уводит мужа от жены. Потом выясняется, что это другая. А Барин, с помощью жучков насмотревшись, как она страдает, вмешивается в ее жизнь. Знакомится, пытается отвлечь от дурных мыслей (с впечатлительной девушкой то плач, то истерика, то ступор). А дальше – полная неопределенность. То ли влюбился, то ли сострадает. То ли хочет бросить жену, то ли нет. То ли переспали, то ли книжки читали, В финале она долго и многозначительно моется под душем, он, потихоньку,

сняв жучки, отправляется от нее восвояси и, видимо, больше никогда не вернется. Оторопь. После этого она, уже однажды преданная любовником, а теперь вновь поверившая Баринову и снова брошенная, должна пойти покончить собой. А у нас на экране многозначительность.

Спор вышел неприятный даже. Садилова огрызалась сильно. Произвела на меня впечатление типичной помрежки, которая, на безрыбье, вырвалась в режиссеры. Любопытное признание: «Я не знала, как закончить фильм, все приставала к мужчинам, как бы они поступили в ситуации Баринова». А на недоумение Гордона добавила: «Ну, я же не знаю психологию мужчин, как они поступят». Детский лепет. Интересно, могла ли Л. Шепитько спрашивать, как закончить кино? Органику и логику режиссер привносит сам. А тут принцип неопределенности. Слишком много неизвестных. Я бы хотела знать, кого мне полюбить. А необаятельны все, даже Баринов.

26 марта

«Три сестры» Г. Волчек в «Современнике».

Скучно, тривиально, неинтересно, без мысли. Лучше всех О. Дроздова – Ольга. Тонкая, красивая, страдающая, породистая. Хорошая работа у С. Юшкевича – Кулыгина. Целая история, с ним связанная получилась: и любовь, и ревность, и страдание, и тонкость. И. Кваша – Чебутыкин привычный, органичный и никакой. Хуже всех Маша – Ч. Хаматова. Не ее роль совсем, и ничего у нее с Вершининым – В. Ветровым не получилось. Впервые я подумала, как мало текста и сцен у Маши с Вершининым. Никакой любви. Очень плохой И. Стебунов-Тузенбах, маленький, некрасивый, экзальтированный и неприятный. Соленый – А. Смольяков – казус. Даже мама моя сказала, что наш театр всех уже умучил Чеховым, надо дать ему отдохнуть.

27 марта

«Последние» М. Горького, реж. С. Яшин. Театр Гоголя.

Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Лучше бы я маму повела сюда. Очень хороший спектакль. Я рада за Сережу, и с чистым сердцем его поздравляла. А то, сколько лет даже неудобно было ходить к нему чай пить. Он человечески мне очень симпатичен, но на лице у меня все написано, что мне не понравилось, лицо вечно перевернуто. А тут так легко и радостно. Имени Товстоногова спектакль, в русле традиции «Мещан». Все хороши. Даже Брагарник, чьей поклонницей я никогда не была. Играет Софью совсем иначе, чем О. Яковлева. Играет дуру, курицу, действительно жену полицмейстера, которая вдруг понимает, что семья рушится. Нет плохих и хороших, каждый актер страстно защищает своего героя. И трещины по дому проходят на наших глазах, зрителю есть, что делать на спектакле.

28 марта

Вместо сектора сегодня **круглый стол** (сектора эстрады), посвященный замечательной теме **«Профессионализм и любительство в искусстве»**. Пошла, надеясь пожить чем-нибудь для «Вопросов театра». Оказалось, что это все страшно на дилетантском уровне. Забавным и поучительным показалось только выступление Д. Трубочкина (*директор Института Искусствознания*), про то, как понимались эти понятия (диалектично и не просто, надо сказать) в древней Греции и Риме. Оказывается, и в этом вопросе ничего не изменилось. Вот бы уговорить его написать это нам, но продлить в сегодняшний наш день. Была бы неплохая реплика для № 3.

* * *

Пресс-конференция Александринки. В. Фокин (*художественный руководитель*) в ударе: шутит, острит, хорошо говорит. Выглядит, правда, плохо. Похудел очень. И страшно серый. Измученный. Хорошо говорил и А. Могучий (*штатный постановщик*). Расшаркался перед актерами, у которых блистательна школа, и при этом они гибки и идут на всевозможные эксперименты и готовы выполнять самые хитроумные задания. То же можно сказать и об актерам Малого театра. Только Ю. Соломин не пускает туда режиссуру.

«Сказки на всякий случай» Е. Клюева, реж. В. Богатырев. РАМТ.

Давно собиралась посмотреть спектакль, но не выходило. А тут попросил Комитет по культуре. Их выдвинули на премию Москвы. Играли На Страстном. Г. Демин провожал меня, как на Голгофу, суля всякие гадости – сладости. Голова набекрень. Прелестный детский (для маленьких) спектакль. Поучительные сказки в духе Андерсена, по 2–3 минуты каждая. Актеры играют по несколько ролей, изображают предметы, мастерят костюмы на ходу из тряпочек. Уютный и даже поучающий спектакль, поскольку в каждой сказке есть мораль. И дети, надо сказать, всю игру слов и юмор, и завуалированную мораль секут. Кстати, поняла, что написал сказки тот самый «сказочник», которого мои дети любили. Его сказки печатались в «Трамвае», и Сандрик их вырезал. Любимых было две – «Сказка о живой природе» Е. Клюева и Л. Петрушевская – про то, как «сяпала калуша по напушке и увазила бутявку» и козла, который съел скатерть.

«Линия жизни» с В. Непомнящим (*писатель, литературовед, исследователь творчества А. С. Пушкина*).

Потрясающий дядька. А как недавно читал по ТВ «Онегина»! Даже Сандрик, проходя мимо, застрял у экрана и после этого спрашивал: «А сегодня когда этот твой дядька будет читать “Онегина” и смотрел от начала до конца исправно.

29 марта

«Волки и овцы» Б. Морозова. Театр Армии.

Старомодное, неэстетичное оформление И. Сумбаташвили (*российский и грузинский театральный художник*). Повешены зеленые тряпочки и сеточки с прицепленными к ним листьями, натурально, в «лесу» действие происходит. Декорация только выпятила недостатки режиссуры, которые вопиющи. Играют по очереди, раскрашивают фразу, везде микрофоны висят, отчего порой позорно фонит и эхом отдает.

Лучше всех В. Абрамов – Лыняев. Не бог весть что, но органичный, колоритный, смешной, трогательный, живой и объемный. Рядом с ним Т. Морозова – Глафира – Нана какая-то от Золя, а не девица Островского. Вульгарна страшно. Когда она снимает юбку, перед спящим Лыняевым, из зала какой-то подвыпивший голос закричал: «Вот девка, молодец!» И зал дружно захлопал.

Л. Голубкина выглядит (для тех, кто ничего не видел, и на фоне всех остальных) хорошей профи. Позаимствовала у Н. Сазоновой (1938–2004) кое-каких жестов, походку, осанку и теперь пытается играть, как та. Но все-таки Мурзавецкая не ее роль.

Замечательный, в тему диалог Лыняева с Горецким.

- Вы разницу между хорошим и дурным знаете?
- Неа. Это философия, а она нам ни к чему.
- Вы подлость уже сделали.
- Так ведь за деньги.

Разница в росте Глафиры и Купавиной (Л. Татарова) так велика, что это становится комичным.

А главную мысль – что в любой момент волки могут поменяться с овцами местами – пробросили, не подали философски. Это Боре уже ни к чему.

* * *

Звонила И. А. Мирошниченко (*бывший завлит театра Образцова*). Обсуждение в Театре 1 апреля отложено. Накануне премьеры А. Денникова (*российский актёр и режиссёр-постановщик Государственного Академического центрального театра кукол им. С. В. Образцова, заслуженный артист Российской Федерации, поэт, балетмейстер, художник, постановщик, певец, 1978–2014*) вышло четыре статьи про театр, все ругательные, И Гриша наш Заславский в этом поучаствовал. Статьи про то, что обстановка в театре ужасная, Денников рвется к власти, директор Б. Киркин ему потакает, а традиции гибнут, и только Катя Образцова придет их спасти. Опустим ту бестактность, что это вышло накануне премьеры. Но статьи так и пышут злобой.

2 апреля

Пошла проверять себя на «Последних» **В. Кокорина** (*театральный режиссер, актер, Нижегородский ТЮЗ*), которых притащили на «Маску». Проверила – потеряла вечер, но я права была: спектакль очень плохой, никакой, глубоко претенциозный и провинциальный. Все в шинелях, черно-белая одежда. Действие вокруг длинного стола. В «небе» грозди лампочек, которые то вспыхивают, то еле тлеют. Горького играют, как Сартра, драму идей, вычурно сдержанно. От этого не человеческая идея выходит, а люди плоские. Лешка Демидов тоже плевался. Ушли после первого действия. А с нами повалили и многие молодые. Скучно, не занимательно, не зажигательно. Зачем надо было тащить это зрелище в Москву? Думаю, что это интрига Кати Дмитриевской. Она и на «Радуге» его тащила изо всех сил, пока остальные отстаивали магнитогорскую «Грозу» Л. Эренбурга.

Г. Демин с колоссальным удовольствием сообщил мне, что «твой Фокин с “Трупом” провалился. Это не плохо, а ужасающе, зал недоумевал и шумел». Что ж, жаль, но не исключая, что это Москва театральная старается. Уж если она не любит, то хоть удавись.

4 апреля

Шахиня сегодня про «Живой труп» говорила оживленно и с удовольствием, которое не подделаешь. «Очень серьезно это все», что – правда.

* * *

ТВ. «Закрытый показ» с А. Гордоном. «Гадкие лебеди» **К. Лопушанского** (*российский кинорежиссер и сценарист*). Странное тяжелое кино, но мне скорее понравилось, чем нет. Пафосное, как всегда у него, но мысли и тексты есть замечательные. К стыду своему, не знала, что это повесть Стругацких. Г. Гладий в главной роли – он умеет быть личностью.

Неожиданный ракурс конфликта отцов и детей. Удивило, что многие в студии (и старые, и молодые) говорили, что «старики» в долгу перед детьми, что столько наворочали в XX веке. Это правда, но молодые так легко приняли эту версию, что ощутили себя и правыми, и безгрешными, и имеющими право обвинять и требовать. А жестоки страшно. Так, словно никогда не состарятся.

7 апреля

С 11 до 17 час. Сидела **на конкурсе Смоленского** в Щуке. Такой тоски за те 7 или 8 лет, что я сижу в жюри, не было никогда. Много страшно заурядных работ. Никаких. Я бы из 24 человек оставила всего двоих: мальчика из Екатеринбурга и девочку из Ярославля. Наши «добряки» оставили человек 8 или 9. А завтра еще 24... И куда потом их отбирать? Из двух зол лучшее, как выражается Аля Заславская?

* * *

Вечером лицезрела **опус Дашкевича-Кима-Оренова** в Хабаровской оперетте. Они сваяли **«Самолет Вани Чонкина» по Войновичу**. Думали, что русский лубок ваяют, а вышла «Вампука, оперетта постсоветская». Разлюли-малина. Музыка и слова – будто 30 лет не прошло – сляпаны на остатках и ошметках «Бумбараша». Тот же прием Иванушки-дурачка, попавшего в водоворот истории, хотя войны разные. Но там был режиссер Н. Рашеев, стилист, а здесь Вова О., собравший, разжиживший, адаптировавший на самую широкую публику приемы М. Левитина, И. Бергмана, М. Захарова и др. В музыке, я уловила даже цитаты из Г. Гладкова. Процитировали и Ф. Легара (*венгерский и австрийский композитор и дирижёр, 1870–1948*), и частушки полупохабные вплели, но забыли назвать М. Дунаевского. Канкан А. Семенова «Тарарабумбия» на слова А. Введенского (*русский поэт и драматург из объединения ОБЭРИУ*) исполняют как вставной номер (в середине и в конце на поклонах) как клоуны, в цилиндрах и с красными носами. Азартно, моторно – но зачем? Драматургия ужасная, действие стоит, актеры поют фронтально, на публику, а дальше хоры, то поют, то маршируют. Все кукольное, с понтом гротеск. Основной сюжет – как Ваня приревновал Ньюру к быку. Бык – огромная голова, с десяток ног артистов под полотнищем, чудище – драконище из детских елок. Второй сюжет – политический – аналогия Сталина и Гитлера. Спускаются красные полотнища с бантами, играет немецкий марш, Гитлер похож на Чаплина из «Диктатора» и тоже танцует балериной, клоуном, пигмеем. Сталин в белом костюме и бурках сидит за письменным столом, которым ему служит мавзолей. И оба кричат «Расстрелять!».

И третья линия – еврейская тема сильно устаревшая, разжиженный Бабель и Шолом-Алейхем. – Мойша по фамилии Сталин, бегущий отовсюду со своей Цилей, лирически и меланхолично поющий про Иерушалаим Ершалаим. Старик, все комментирующий, во все встречающий. Он все время что-то советует Чонкину, он спорит с НКВД, он дает отпор немецкому диверсанту и местному стукачу. Эдакий дед Щукарь навыворот. Финал – ребенок Ньюры и Вани у еврейских стариков на руках – просто «Скрипач на крыше».

В финале гуманный немецкий шпион, проникшийся любовью к странной стране, чинит ераплан и все вместе они улетаю отсюда к е. матери. А потом на экране показывают кучу летящих кукурузников. А вначале еще Сашка Филиппенко читает свое любимое стихотворение Ю. Ряшенцева с нелучшими рифмами «Зачем России оперетта?» Затем, чтобы в свободной и демократичной стране – в эзоповой форме по старой привычке – «сказать правду». Все это как-то бесцельно, старомодно, неталантливо. Срубили бабки. И главное – бывшие левые с таким удовольствием вписались или сами выписали, пересоздали стиль постсоветского апофеоза. Смотришь на сцену и вспоминаешь правительственные концерты, «Березки», милютинский «Девичий переполох» и т. д.

В финале чуть не заплакала: всем весело, а мне смертельно грустно; это, значит, вот такой театр осталось мне досматривать на своем веку? Труппа скандировала «Режиссера!». Вместе, надо сказать, с Дашкевичем. Половина зала (кроме другой половины, которая, возмущаясь, ушла в антракте, и нас двоих с О. Кудряшовым) аплодировала стоя так, будто перед ними БДТ лучшей своей поры.

Тут надо бы дать реплику Ирины Прозоровой: «Выбросьте меня!.. Я забыла, как по-итальянски окно».

И этот Вова О., ласковый разводящий, дилетант, ободравший, как липку, нескольких своих друзей и учителей, пишет статью о том, что Толя Васильев зря прожил свою жизнь, жулик и ничего не сделал для русского театра. Что ж ты раньше молчал?! А сейчас хочешь понравиться начальству, бросаешь камень в человека, который остался один? И на фоне этой талантливой статьи – вот этот «Чонкин», выдвинутый на «Золотую маску»! Привезти его можно было, либо ничего не понимая, либо за очень большую взятку. Не удивлюсь. Володя и мне ее предлагал: мило, между делом, весело. Если, мол, появится желание писать (он что, меня не знает?), то какой-то Приморский фонд оплатит мою работу. «И, поверь мне, гонорар будет раз в пять больше, чем вся ваша ТЖ». Это мы с Юлькой Мариновой делаем ТЖ, посвященную «Сатирикону». Вернее, она делает номер, а я сделала беседу с Райкиным. И думаем обе, что О. Пивоваров попытается нас надуть с деньгами. Кстати, манера говорить и ласково предлагать неприличные вещи у него та же, что у Вовы. Они не умеют обижаться.

* * *

Умер Андрей Толубеев. 63 года исполнилось 30 марта. Я слышала, что у него рак, но теперь этого никто не боится, все борются, и многие успешно. А тут открыла, как всегда, интернет, и получила шок. Как же жалко! Не мой был актер, но крупным все-таки стал. Не таким, конечно, как папа, но все-таки крупным. И сыграл много, и успел немало. И человек был весьма определенный, с убеждениями. Их – все меньше.

8 апреля

Опять сидела **на конкурсе Смоленского**. Так тяжело и малоинтересно не было никогда. 48 человек всего, а мне понравились (но и то не очень страстно) человек 5–6. Из них бы и выбирала. Но наши «старики» упертые, у них каноны, которые не перепрыгнешь.

* * *

Стала переделывать беседу с Райкиным. Страшно не хочется. Она мне разонравилась совершенно. Хотя Юлька Маринова говорила всякие хорошие слова («она номер держит», «номер наконец-то сложился, благодаря ей»). Костя текст прочел и несколько фрагментов сократил. Зачем? Не понимаю. «У меня есть правило, коллегам оценки не раздавать» – это, действительно, его правило. Но тут оценки, по-моему, не обидные. Особенно про Каму. А мне жалко «предать забвению» эти оценки.

– Увы, я не могу себе позволить, например, пригласить на нашу сцену такого замечательного режиссера, как Кама Гинкас... Он мало заботится о публике. Он любит ее помучить.

– *Ну почему? Полный зал МТЮЗа слушает его «Нелепую поэмку» прекрасно.*

– Но там не 1000 мест! (С сожалением.) Нет, у нас это не пройдет. – *Просто у вашего театра другая история, другая аура, другая публика, у которой другие привычки.*

– Нет, вы поймите меня правильно, Кама – замечательный режиссер, большой мастер. Да, он мучает меня, но он же и вытрясает из меня душу. В результате – это всегда побеждает. Меня – побеждает. Но он... слишком непростой, что ли, для моего зрителя. Тут не будут ходить на это.

– *Вы, когда пускаете на свою сцену антрепризу, делаете это с закрытыми глазами или выборочно?*

– Мне кажется, что таких уж безобразий на нашей сцене давно нет. Спектакль «Ladies' night», например, это толково («Независимый театральный проект», режиссер Виктор Шамиров. – *Н. К.*). Тут даже есть, о чем поговорить.

– *Согласна, хотя...*

– ...это можно было бы сделать так, чтобы «крышу» совсем снесло, да? Как когда-то в наших «Служанках».

Костя рассказывает, как ненавидит лентяев.

– Вот выгнал, например, со своего курса Ваню Макаревича, сына Андрея...

– *...после чего он благополучно снялся в роли Пуцины в фильме «1814». А теперь учится в РАТИ.*

– Пожалуйста. Он и еще будет сниматься! И у него все будет хорошо! Но у меня такой человек работать не может. Он был уверен, что я его не выгоню. Но есть вещи, с которыми я мириться не могу и не буду. Со мной это не пройдет.

Театр Райкина, как и его спектакли, могут удивить, смутить, развеселить, разочаровать. Не могут только раздражать и вызывать ненависть, потому что в них слишком много человеческого. Это уже моя мысль.

10 апреля

Разговор по телефону с М. Заболотней. «Вы же суперпрофессионал!».

Пустячок, а приятно.

* * *

«Чайка» К. Люпы. Гастроли Александринки. Спектакль стал хуже. Декорация встала в Москве очень плохо. Выяснилось, что сцена Александринки гораздо больше и выше мхатовской. И рампа выше и дальше от зрителя. В Питере на сцене было много воздуха, а тут как-то все скученно, тесно, там была перспектива, и театрик Треплева терялся где-то вдаль, а тут все рядом, на носу. Кое-кто из актеров (Полина, Маша, Медведенко) раскричался, нажимает. Кое-кто (Треплев, Нина) потерял внутреннее состояние постоянного думанья (о судьбе, об утраченных иллюзиях), эту душевную надтреснутость. Тригорин – А. Шимко стал гораздо интереснее. Свой монолог о славе прочел в зал блестяще. И. Волков (Дорн) стал размягченнее, и это плохо, драмы нет. М. Игнатова по-прежнему лучше всех. Ее все хвалят и везде, заслуженно, но хвалят единственную – в пику то ли Фокину, то ли Петербургу, потому что в прошлом она захаровская, т. е. московская. В. Коваленко, к сожалению, ругают все. «Двойника» я не решилась пересмотреть – после Вити и Девотченко. Мне совсем не понравились фотографии. Коваленко слишком здоров для роли Голядкина. А как «Иванова» с Коваленко в Москве приняли? Не знаю. В Питере – мне понравилось. Но здесь многие раздраковали спектакль А. Баргмана. Слышала устные отзывы неважные.

Боюсь, что на «Маске» никому из питерцев ничего не светит, кроме Игнатовой. Ну, и, может быть, А. Могучего, его «Иванова» в прессе превознесли до небес. Преувеличили, как всегда (больше всех Егوشина и Годер). Хотя спектакль талантливый. Но слишком витиеватое, тяжелое, громоздкое, а в результате этого прямолинейное объяснение слишком простой мысли – что в России все и всегда одно и то же. Этой метафоре России не хватило философии, мистериальности, краткости, технологизма даже, чтобы вышла в итоге почти античная трагедия, и ужас объял зрителя в финале. Опять сверхзадачи у режиссера не было.

На «Чайке» мне не повезло. Сзади сидел Виктюк, который все время хихикал и комментировал. Справа – его мальчик, который все время вертелся, поворачивался назад и выдыхал: «Р. Г., вы гений!». Слева сидела Л. Максакова, похожая на сварливую старуху (не внешне, тут все прекрасно, а по сути), и все время скрипела-комментировала действие: хватала меня

за локоть, шептала на ухо, вздыхала, призывала к ответу так, как будто я это поставила. «Ну что это!? Зачем!?» Когда я пыталась объяснить «что это», шла вторая серия. «Ты думаешь, я не понимаю? Смысл я поняла. Но зачем?!» Я объясняю... Опять двадцать пять. «Скучно». Есть такое, но не потому, что это плохо, неинтересно, бессмысленно, а потому что ритм такой намеренно и надо в него впасть, чтобы перестало быть скучно. Когда в зале все свои и все пришли несколько на взводе, заранее надеясь разочароваться, «впасть» трудно. Меня удивило другое: Максакова сказала, что «Чайка» Жолдака для нее мотивированнее. Вот это неправда. А на «скучно», сказанное в сотый раз по поводу К. Люпы, я, уже разозлившись, ей ответила: «Хотите, чтобы весело было, идите на “Лес” Серебренникова». Почему-то она не обиделась. А во втором действии даже потеплела к спектаклю. Ведь умная баба. Неужели тоже включилась в современный процесс?

По-моему, не понравилось и Семеновскому с Алей, что-то они, дальше за Максаковой сидя, возмущенно переговаривались, и Алин комментарий до меня доносился.

В зале было три человека (из тех, кого я видела и слышала), точно прекрасных зрителя, которые реагировали открыто и естественно, улыбались и даже хохотали. Три актера разных поколений – Юрий Яковлев, Константин Райкин и Паша Белозеров, бывший Сашкин (*Наташин брат*) одноклассник. (Позже выяснилось, что и Гинкас очень веселился.)

11 апреля

Сектор. Выступление А. Шендеровича по итогам сезона. Уровень ликбеза для НИИ-ЧАВО Стругацких. В «тенденциях сезона» у нее оказались новоселье Фоменко и Женовача, ЦДР, назначение Рощина (это было еще в том сезоне), а также «тайм-аут, взятый лидерами прошлых сезонов для обдумывания новых идей». В «лидерах» она назвала Серебренникова, Чусову, Карбаускиса и примкнувшего к ним.

* * *

«Закрытый показ» по ТВ, у А. Гордона. «Груз 200» А. Балабанова.

Это сильно. Не могу сказать, что понравилось. Слишком жестокая и омерзительная «картинка». Но такое кино шоковое тоже нужно. Он молодец, что не плывет в потоке.

12 апреля

ТВ. «Королев» Ю. Кары. Вот же неталантливый человек, а теперь подвизается еще и на телевидении, непотопляем, как режиссер биографических фильмов. Испортил в принципе хороший материал – жизнь В. Серовой и К. Симонова, теперь принялся за С. П. Королева. Тот старый фильм Д. Храбровицкого «Укрощение огня», где играл К. Лавров, кажется сейчас гениальным, хотя был просто хорошим. Тут – скольжение по поверхности, бесконечные хождения в кадре (холостое «физическое действие»), испытания ракет, взрывы в лаборатории, которые вкуче со словами больше напоминают детские игры в песочнице, потом история посадки, допросы, битье, зона, и опять все разговоры про ракеты, но не дает это объема. Потому что у С. Астахова, красавчика, глаз стеклянный. А. Бобровский в роли Рокоссовского, к сожалению (хотя он милый парень в жизни), выглядит пародией на настоящего Рокоссовского. Да все плоско.

13 апреля

ТВ. «Связь» Д. Смирновой.

Миленькое дамское кино. Ответ дочки на папину «Осень». Переливы состояний, атмосфера есть, хотя по стилю не выражена, так было у многих и много где. Ровно, без кульминации и с плохой точкой в финале. Смотришь холодно, не погружаешься и не сочувству-

ешь. И что еще интересно: сама Дуня вся такая острая, ироничная, победная, а тут – такой инфантилизм в основе, такой романтизм и даже сопливость, что легко разбабахать фильм с ее же позиций.

14 апреля

«Деревья умирают стоя» Алехандро Касоны (испанский поэт и драматург), Театр Леси Украинки.

Ходила по старой памяти, плюс Боря Курицын (*завлит театра*) очень звал. Привезли пять спектаклей, посвятили гастролы Д. Боровскому (он их все оформлял). Грамотно. Выставку открыли, книжечку о нем продают. Зал полон. Успех есть. Восторга нет. Я клевала носом.

В главных ролях В. Заклунная и Ю. Мажуга. Он всегда обаятелен и, кажется, не меняется с годами. Она – хозяйка Нискавуори, а не Бабушка. Скала. Сдержанна слишком, говорит – почти не слышно. Спектакль посвящен памяти Л. В. Варпаховского. Это тоже хорошо, что помнят о корнях, говорят о них, просвещают народ. Но спектакль плохой, никуда не деться. Я вначале в программку не заглянула, думала, что поставил М. Резникович. Слышавшая про его талантливую юность и гениальный (по мнению многих очевидцев) спектакль «Подросток» в Театре Станиславского, я с досадой для себя отмечала: старомодный язык, поверхностный психологический разбор и такую же приблизительную игру. Не жилисто, растекается: вещи проходные, особенно начало, режиссер растягивает. Вещи важные не может выделить. В самых драматичных местах подкладывает музыку, очень прямо иллюстрирующую состояние героев (особенно, когда это песни Земфиры). Переживания актеров «изображаются» (герой нервничает – кричит; волнуется или страдает – закрывает лицо руками). В итоге – антрепризный вариант. А вышла кланяться в качестве режиссера – молодая, тоненькая в джинсах девица (*Ирина Барковская*), от 30 до 40. Стыдно.

Оглядев зал из 9 ряда, еще раз подумала, что Фокину, конечно, надо было играть в Малом. Тут и стены бы ему помогли, потому что все-таки его спектакли – часть Александринского интерьера, они туда не абы как вписаны. Но Юлия потом сказала, что Фокин настаивал только на МХТ. Ну и зря.

* * *

В какой-то передаче, посвященной старым брэндам и их новому современному использованию (речь шла, в основном, о продуктах, шоколад Бабаевский, колбаса Останкинская), дама-менеджер сказала гениальную фразу: «Любой ребрендинг приведет к потере денег». Это значит, если продукт раскручен, старый бренд не надо менять, к нему привыкли. Вот вам самое короткое объяснение поступков Табакова в МХТ.

* * *

Недавно опять показывали фильм «Гори, гори, моя звезда». В 6 утра. Для кого!? Я всю ночь работала, поэтому еще раз с удовольствием посмотрела. Замечательно!!! А какой Табаков дивный! И опять споткнулась на его словах: «Люди в наши дни истосковались по настоящему искусству, а вы их пичкаете черт знает чем! <...> Это скрытая контрреволюция». И дальше, моя любимая сцена после бани: «Нас с Федей (*Его играет Ефремов. – Н. К.*) движут по жизни высокие идеи, а тебя – твои кривые ножки».

17 апреля

«Ведомости» отметились в оценке **итогов «Маски»**. Все их устроило, хотя и верно замечено, что все решения – компромисс: из желания никого не обидеть. Поражает финальный абзац: «И только одна деталь убивает весь смысл умело разложенного пасьянса: лучшим спектаклем малой формы назначается магнитогорская «Гроза» Льва Эренбурга, напоминающая развозной базар, в котором вместо пряников и самоваров бойко торгуют репризами. В малой форме у жюри был как никогда богатый выбор; выбрали худшее – спектакль, который из всех сил расстилается перед публикой, и других задач у него нет. Казалось бы, у профессионалов к таким фокусам должен быть стойкий иммунитет. А вот же: и они базар любят». И это пишут П. Пospelов и О. Зинцов (статью подписали и др. сотрудники отдела), которые порой хвалят черт-те что!

18 апреля

Партия «Единая Россия» собрала, говорят, форум «Стратегия-2020». На нем проходило заседание секции «Современное искусство: новые времена, новые перспективы», где «рулил» **Кирилл Серебрянников**. Как написала А. Солнцева (*театральный критик*) во «Времени новостей», он «собрал прогрессивные умы, чтобы поговорить о стратегических целях. Умы просили денег». Ну, что ж, это святое.

Володя Панков, которого я сегодня встретила, рассказал об этом в непечатных выражениях.

* * *

Была на выставке **Г. Кигеля, папы А. Г. Кигель** (*Театральный режиссер, педагог, живет в США*), который был много лет главным художником в московской Оперетте.

Просила прощения у **Димы Родионова**, директора Бахрушинки, где была выставка, и главного редактора «Сцены». Мы встретились с ним недавно в Театре наций, на кукольном «Иванове». Сидели рядом. Он мне так хорошо улыбался, я – ему, понимая, что это кто-то свой, но не могла вспомнить, кто. А он деликатно не представился и не заговорил. Потом детали узнала от А. Михайловой. Но я его чаще всего наблюдала на вокзале, в полутьме, в кепке, где он ее встречал из Питера. Вот и не узнала.

На выставке я давала интервью каким-то разным ребятам, которые делают сюжеты про выставку специально для А. Г. Кигель. Не могу сказать, что мне это очень понравилось. Не мое.

На выходе встретила В. Панкова. Он теплый парень. Талантливый. Но неврастеник. Собирается ставить мюзикл «Продюсеры» у Калягина. Понимает, что компромисс. Но хочет заработать деньги на вторую серию Гоголя. А я его все страшаю, как и своих детей: «Ну, смотри же, осторожно, держи голову обеими руками, чтобы крыша не съехала».

19 апреля

Была у эндокринолога, послал кардиолог. **В нашей поликлинике СТД**. Смешная она. При входе – девочка, бедная, весь день пилит на арфе. А врачи (вежливые, здороваются и по имени-отчеству называют) в глаза тебе даже не смотрят, говорят с тобой, уткнувшись в компьютер. В итоге измерили давление: 180/115. Девочка-врач сказала, что не отпустит меня без укола. Напугала. Сделали магнезию. Медсестра, в отличие от врачихи, видимо, хороший человек: и поговорила, и успокаивала, и просила сразу не бежать, а посидеть, и выглянула проверить. Как мало сейчас в любом деле осталось «человеков», которые вкладываются в дело. Шла домой и шаталась. Впечатление, будто приземляюсь на самолете. Злилась и думала: проходим, наверное, кажется, что тетка напилась. Не хочу быть теткой!!!

20 апреля

Посмотрела, наконец, «от и до» фильм «Гуд-бай, Ленин»! (Тот самый немецкий фильм, про который много говорили в связи с тем, что в нем снималась Ч. Хаматова). Сам факт, что ее пригласили в перестроечное немецкое кино, тогда выглядел большим достижением, выходом актрисы на Европу.

И что в итоге, когда прошло лет 7? Фильм оказался очень средним. Ситуация в нем любопытная, но не доверчена и не драматизирована так, как могла бы. Скрытая комедия, но не трагифарс, тотальное разочарование в социалистических иллюзиях. Что, наверное, можно изучать по фильму, – это быт и стиль 90-х годов, как жили люди. Чулпан играет, в сущности, эпизодическую роль, русской медсестры в немецкой больнице, приехала подрабатывать. Ее роман с героем – за кадром. То, что в кадре, невыразительно. Это мог бы сыграть каждый. Никакого достижения в этом нет.

21 апреля

Вечер Инны Вишневской в СТД. Зал набежал, что было хорошо. Я боялась, что будем мы с Верой и старушки. А тут и Ю. Борисова, и В. Андреев с Н. Селезневой, и Саша Вилькин с Олей, и Женька Князев с Леной... Мы с Леной, пока ждали начала, посплетничали, поговорили насчет К. Люпы, который ей понравился.

22 апреля

Совет у Трубочкина по поводу журнала.

25 апреля

Звонок Камы. Ласковый, терпеливый. Про книжку уже и не спрашивает, отчего мое чувство вины только крепнет.

Сообщил, что где-то в Румынии рассказывал (не знаю, кому, да и проверить никогда не смогу), что надо читать в России критика Казьмину, ей он может доверять. (Это похоже на реплику Добчинского: скажите, мол, там в Петербурге, есть такой...)

Работали с макетом ВТ. Куда-то движемся. Сам макет становится все лучше. Но чего-то пока не хватает. 5–6-го договорились все в основном сделать. Вера, которая обещала прислать свою статью два дня назад, конечно, этого не сделала. Только извиняется. Хорошо хоть бросила свои истерики и ведет себя, как шелковая. Думаю, ненадолго. Мои планы – нагрузить ее на следующий номер, а самой уйти в подполье. Пусть выбивает и собирает. Я в отключке. Глаза горят, будто выдавливаются наружу. Пора к окулисту. И давление скачет так, что страшно. И стыдно.

* * *

Новости «Культуры». Спайк Ли (американский кинорежиссер, сценарист и актер) собирается смонтировать фильм из кадров, заснятых на мобильные телефоны самыми простыми людьми. По его словам, в этом и проявится демократизм кино как жанра. Дурачок. Вроде приличный режиссер. Демократизм проявится, а художественность уйдет. Какая-то деструктивность во всем. Сколько ему лет, интересно? Следующее поколение, если пойдет от противного, принесет в искусство сладость, милоту, а при бесконфликтности (это тоже реакция на деструкцию) и фальшь.

* * *

«Кто там», проект на канале «Культура». Автор и ведущий В. Верник стал похож на кисейную манерную барышню, которая ломается перед камерой. И тут уж та самая умиленность торжествует. Хотя ему, наверное, лет 45 уже?

Разговор с актрисой **Еленой Поляковой**, которая похожа на Буратино. Сейчас сыграла в фильме «Все могут короли». Надо посмотреть. Судя по кадрам, абсолютная калька с «Римских каникул». Особенно в актерской игре. Ну, дерите сюжеты, ребята, черт с вами, если воображение у вас такое бедное, но хотя бы играйте их хорошо, существойте талантливо и в другом времени, в своем и по-своему. Если сравнить «На последнем дыхании» французский вариант (*фильм Жана Люка Годара, 1960*) и американский (*Джим Мак Брайд, 1983*), оба ведь хороши и драматичны. А сейчас, какая-то всеобщая импотенция.

Девочка, конечно, дремучая. «Я поработала у Мирзоева (в Театре Станиславского, когда он ставил «Сон в летнюю ночь»). Сыграла у него Пэка. Была такая эльфийская царевна (!), влюбленная в Оберона». Т. е. пьесу девушка не читала и перемены пола не заметила.

Сюжет (естественно, с восторженным придыханием) о **Светлане Захаровой**, которая станцевала Эгину в «Спартаке». Старенький Григорович ее поздравляет. Мне, судя по кускам, не понравилось. Собственно, то, что не нравится в Захаровой всегда. Нет внутреннего содержания, личностных данных. Нет законченности и эффектности поз, куража нет. Вялая техничность. Почему ее так превозносят? Не понимаю. 28 лет, а инфантильна донельзя. Все время у станка стояла. А где стояли Максимова и Плисецкая? Почему же были другими? Признается, что Эгина как характер ей нравится. Мне безумно нравилась Н. Тимофеева (*артистка балета и педагог, 1935–2014*) в этой роли. Вот уж стерва была и сексуальна невозможно. А эта, как кукла, выполняет танец технически, как всегда, но все диковатые позы Эгины ни капли не кажутся эротичными, а местами даже смешными. Она полая внутри. Не зажигает ни в чем. Даже в «Уроке» Мессерера.

Фильм А. Сокурова «Ростропович. Вишневецкая». Интонация торжественная. В самом начале ляп, от которого морщишься: «Вступая в схватку с государством, им было что терять». И ухо ни у кого не свернулось в трубочку от неграмотности предложения.

Все невероятно пафосно, даже простые информативные фразы. Масса банальных слов («Королева! Посмотрите, как на них смотрят!»). А по существу ничего нового не рассказано: все больше лирика, а не формулировки, которые напрашиваются, потому что ясно – это почти финал их блестящей судьбы. Что вправду интересно – это интервью с ней и с ним. Она – вот уж! – совсем без позы, как обычно грубовато – рассказывает о смерти сына, который умер через несколько недель после рождения, ей было тогда 18 лет.

Он изумительно интересно рассуждает о музыке. Рассказывает, например, как Шостакович любил Г. Малера (*австрийский композитор, 1860–1911*) и давал его студентам, а Прокофьев называл это всеобщей малярией. Э. Бриттен (*британский композитор, дирижер, пианист, 1913–1976*) ему признавался, что Бетховен, конечно, гений, но он сам больше любит Шуберта. Что Р. удивляло. «А я не мог бы сказать, кто мне ближе. Вот отличие исполнителя от композитора. Мы такие проститутки в музыке». Считает Баха композитором, которого никто не превзошел по масштабу: «Гениальная простота!». Говорит и чувствует музыку образно, как актер. Философ. Он мне этим напомнил Рихтера, каким я его узнала из книжки бедного Юры Борисова (*режиссер театра и кино, журналист, писатель, 1956–2007*). Тоже недавно ушел, в 50 с небольшим.

27 апреля

Навещала **А. Г. Кигель** у Жени Ураловой. Часа три трепались в свое удовольствие. Какая же она милая и энергетичная. Хотя, если бы кто нас послушал, пришел бы в ужас. Пафос: все плохо, все непрофессионально, вокруг все не на своем месте. Две старухи зудят. Самое ужасное, что они-то почти старухи, им под 70. Но из-за того, что я всегда общалась и общаюсь с людьми старше себя, мне кажется, что и я состарилась. Уже в 40 состарилась.

В. Гаевский. «Книга прощаний». Разочарование. Мелко написано. А может, дело в том, что у меня уже глаз так повернут? Что у меня веры нет к автору? Да и уважения в какой-то степени.

А каким веским и несомненным было для меня, начинающего критика, его мнение. А теперь... Как жаль...

М. Туровская. «Герой безгеройного времени-2». Тоже, в общем, разочарование. Купила, думала, найду переключки для нашего журнала. Поищем героя нашего времени вместе. Слишком социологизировано, политизировано. На экспорт. И скучно: наукообразно, как-то по-немецки.

28 апреля

РАМТ. Конференция о молодежных театрах, о способах сближения театра со зрителем. Опомнились.

* * *

Комитет по культуре. Экспертный совет по премиям Москвы. В «гордом одиночестве». Старый ловелас С. Есин. Расслабленные В. Андреев и И. Вишневская. Вменяемый Е. Стеблов. Корректный Ю. Пожуровский.

Битва за К. Богомоллова («Театральный роман» у С. Яшина). Я проиграла, хотя все-таки к Богомоллову приплюсовали артистов Яшина, которые единственные в спектакле существуют ничего. Почему Сережа так ругает за эту премию, понять не могу. Андреев после заседания при мне сказал Есину: «эта девушка сегодня была на высоте и лучше нас».

* * *

Вечер Лилианы Малкиной в ДА. Фильм С. Капкова «Пани Малкина – пражская Раневская». Все присутствующие прибавили себе по году жизни – столько смеялись. Не женщина, а локомотив, человек-праздник. И, правда, счастливая старость. Одинокая абсолютно, но счастливая, обеспеченная – и с выходами на сцену сразу трех театров города Праги. Не слабо – (для русской актрисы – эпизодницы) – в 70 лет.

30 апреля

«От красной крысы до зеленой звезды» реж. С. Пускепалис. Пятый театр, Омск.

Шла и надеялась: после фильма А. Попогребского «Простые вещи», где Пускепалис играет. Он обаятельный и производит впечатление нормального здорового человека. Я и надеялась, что театр у него здоровый, для нормальных людей. В результате, удивлена количеством и качеством ошибок. Все – школьные. Такое впечатление, что ремеслу его не научили. Довольно забавные и поучительные истории А. Слаповского (*российский писатель, драматург и сценарист*). Вроде бытовые, но выходящие на обобщение. Особенно хороши – между мужчинами и женщинами. Но внутренне разобраны страшно банально. Придумано внешнее движение (опять идиотизм физических действий), но и оно однообразно. Например, двое

поднимаются в лифте. Их подвешивают на треугольнике под колосники, и они там телепаются.

А уж первая история про крыс решена и вовсе ужасно. Там одна крыса пожирает другую, бывшего супруга. И вдруг из общей массы отделяется крыса, которая что-то конкретно жует. Меня чуть не стошнило.

Фома-учитель сбежал в антракте. А мы с Демидовым остались – я все надеялась. Хотя можно было уходить. В итоге – три часа бессмысленности.

1–3 мая

Генеральная уборка, я дома, не за компьютером, пытаюсь отдыхать.

4 мая

Прочитала у **Б. Зайцева** (*русский писатель и переводчик 1881–1972*) по поводу **М. Гершензона** (*российский литературовед, философ, публицист и переводчик 1869–1925*) – «перегруженность культурой». Вот то, что нашему времени не грозит, но что нам не помешало бы.

9 мая

Поглядела много новых фильмов о войне. Такое впечатление, что их делали не по книжкам, не по документальным рассказам, а по впечатлениям от старых советских фильмов о войне. От этого все они дурно литературны, а герои кажутся ряжеными.

«Мы из будущего».

«В июне 41-го».

10 мая

Концерт А. Макаревича в Переделкино, у музея Окуджавы. Хорошие песни, и старые, и новые. Но мне бездумно отдаться удовольствию не получается, потому что М. всегда кажется мне ненастоящим, неискренним, наигранным, напыщенным, самодовольным, играющим искренность и демократизм, изображающим многоопытность. Он словно занимает не свое место. Так молодой папаша пытается быть солидным от сознания своего отцовства, но кажется от этой напыщенности только смешным.

* * *

Время вторсырья. Пенкосниматели, рантье.

Все фильмы слизаны (и плохо) со старых сценариев. Скажем, в «Мы из будущего» есть цитата из «Судьбы человека», когда Бондарчук пьет водку и не закусывает. Только там – драматизм сцены, попытка сохранить гордость в чудовищных обстоятельствах, он пьет, чтобы заработать хлеб и отнести его товарищам, а тут – просто эпизод, который Д. Козловский играет вполне комически, хотя насмешки, как я понимаю, не предполагалось. Содержательно – тоже нестыковка. Воспринимается, как неловкое подражание.

Там – были «Старики-разбойники», тут – «Старики-полковники».

Тогда – «Председатель» с М. Ульяновым, сейчас – делают фильм к юбилею В. Черномырдина и называют «Председатель», не чувствуя неловкости и фальши.

Текст современного продюсера: «Это не сериал, а трогательная история, снятая в стилистике доброго советского кино». Пошло-поехало. Возвращаемся назад, растеряв школу, ремесло, страсть, зато фальшь приумножив. Сначала все советское охали, теперь этот эпигам должен означать умильность. Каких детей мы на этом воспитываем?

* * *

«Апостол» Ю. Мороза. В главной роли Павла Истомина – наш единственный и неповторимый, из которого делают «лицо нации» и «лицо поколения», Е. Миронов. Играет примерно так, как когда-то «В августе 44-го». Там мне это нравилось, здесь – уже повтор, и однообразно. Сериал явно растянут, логика сюжета оставляет желать. Круто закрученный сюжет, но не всегда понятный.

Ю. Мороз: «Павел Истомин – тот же Штирлиц, только лишенный идеологической нагрузки». Как это возможно? «Штирлиц» без нагрузки не получается. Благородство ему как раз придает задача, спасение страны, как бы мы к ней ни относились сегодня. А что и зачем делает Истомин, даже не всегда понятно. Внутренние монологи Истомина – Миронова явно построены по типу внутренних монологов Штирлица, но местами смотрятся пародийно. Там – психологическая игра, тут – американский драйв. В итоге – вампука, ощущение игры, а не войны. Все понарошку. И все чаще обидно за актера, из которого делают «героя-любownika» со всеми вытекающими, а он на это амплуа никак не годится.

Музыку в фильме – по стилю, характеру, напряжению, фразам тревоги – стибрили явно из «Места встречи изменить нельзя».

11 мая

Книжка интервью Ларса фон Триера (датский кинорежиссер и сценарист) с каким-то известным шведским киношником. Купила, показалось интересно. В итоге – еле дотащи́лась до конца. Такие книжки можно печь каждые два месяца. На 300 стр. этот персонаж не тянет – такое впечатление. Да и собеседник не особенно старался. Вопросы однотипные, много повторов, структура книжки рыхлая и вялая. Сидят и беседуют, как пойдет. В стиле «Догмы». (*Догма 95 – это своеобразный клуб режиссеров, основанный в Копенгагене весной 1995 года. Целью Догмы является противостоять актуальным тенденциям современного кинематографа*). При этом Догма рассматривается как своеобразная акция по спасению кино. Основная тема вертится вокруг техники. Триер, конечно, тоже «головастик», вроде Тарантино. Очень много умеет. Технологически подкован, все попробовал своими руками. Если копирует кого-то (и охотно в этом признается), то сознательно, и прием использует по назначению. Весь сконструирован. Но мне его фильмы любопытны. Хотя вот спроси меня сейчас – хочу ли я пересмотреть «Рассекая волны» или «Танцующую в темноте»? Нет. Пересматривала бы для души только «Догвилль».

И что я узнала из этой книжки про героя? Что он мой ровесник, что у него две взрослые дочери от первого брака и маленькие близнецы – от второго. Обожает «Зеркало» Тарковского, Бергман для него – пунктик, исток многих его комплексов. Он в ужасе постоянно думает о смерти и бессмысленности жизни (самое время – после 50-ти), находит у себя все виды рака, хипповат внутри, хочет казаться циником и даже пошляком, но на самом деле сентиментален и добропорядочен (не случайно прославился после 40, до этого просто хулиганил). А в целом – интерес к нему, как персонажу книги, я потеряла где-то на середине. И герой мне разонравился. Так ли это на самом деле или автор книжки неталантлив и поэтому Триер неинтересен, не знаю. В общем – разочарование. Надо бы перечитать сборники о И. Бергмане (шведский режиссер театра и кино, сценарист, писатель, 1918–2007), Ф. Трюффо (французский режиссер, киноактер, сценарист, 1932–1984), Д. Орсоне (американский кинорежиссер, актер, сценарист, 1915–1985), Г. Уэллсе (английский писатель и публицист, 1866–1946). А они-то чем меня держали?

20 мая

«Год без В. Гвоздицкого». Вечер памяти в «Эрмитаже».

Хорошая идея – выступить только режиссерам, которые с Витей работали. Отказались, но под уважительным предлогом, только Кама и Гета. Кама звонил мне накануне, признался, что не понимает этой идеи. «Все, что хотел и мог я о Гвоздицком уже сказал. Но, согласитесь, это странно. “Год без Смоктуновского” мы почему-то не отмечали». Но попросил меня, поскольку я буду на вечере, потом его пересказать. Сказал, что верит в мою объективность. Резон в его словах есть. Мне не нравится нагнетание пафоса Колей Шейко. И вообще его выступление, хотя он на меня с пиететом ссылался, не понравилось.

Что было замечательно: в фойе, между колонн, огромная фотография Вити. Солнечная, у моря, он стоит на коленях, улыбается, раскинув руки. Такие огромные. Такой летящий. И, кстати, никакого пафоса. Миша (*Левитин*) придумал.

Хорошо начал А. Шапиро. Строго, как всегда продуманно и чуть намеренно холодно-вато, сказал Фокин, по смыслу хорошо. Про то, что их репетиции были «сочинениями из воздуха», про «воспалительность реакций», про то, что умел «схватить точку», как говорил Достоевский. Вместо Камы и Геты вышел В. Семеновский, который прочел кусок своего текста из «Театра» – про их общие спектакли. Не понравился Ю. Еремин (*российский театральный режиссер*) – пафосно, самоуничижительно. Видел «Зверинец» и был в восторге. А. Зельдович (*российский режиссер, сценарист*) сказал неплохо, но очень заикался, никак не мог закончить, повторялся. Главная Витина черта – изысканность. Это огромная утрата, потому что он нам показал сущность идеала и движения к нему. Фома (*Петр Фоменко*), как всегда, еле слышно и задыхаясь, прочел кусок из блоковского «Возмездия». «А мир прекрасен, как всегда» – резанула фраза. Сказал, что хотел это делать с Витей. Никогда об этом не слышала от Вити. «Он разрушил границу между театром переживания и представления» – это правда. Прекрасно все это подытожил Миша Левитин. А перед этим был еще один замечательный момент. Справа, за роялем, на котором музицировал А. Семенов (*заведующий музыкальной частью театра Эрмитаж, композитор, пианист*), в огромном зеркале, поделенном на сегменты (наверное, чтобы скрыть слишком плохое качество пленки), Витя читал «Ди Грассо», его великолепное соло в плохом (на мой взгляд) Мишином спектакле по Бабелю. Что-то Миша пальнул в сторону МХАТа («знаю, что в зале есть представители, но пусть они не обижаются»). Представителями были Таня Горячева (*помощник ректора Школы-студии МХАТ*) и А. Шполянская (*заведующая литературной частью, помощник художественного руководителя, 1939–2014*). А в финале Миша сделал кунштюк в своем духе. Я сначала задыхнулась от натурализма, подумала «плохой вкус», а потом вдруг так схватило горло, что я притихла. Нет, хорошо придумал. Весь вечер слева стоял под рогожей какой-то «стог». В финале, когда на сцену вышла и вокруг него стала вся труппа, рогожу скинули и под нею оказалась телега из «Вечера в сумасшедшем доме», а на ней несколько манекенов, наряженных в Витины костюмы. Поскольку среди них были костюмы Казановы, очень эффектные, это было ошеломляюще. Но страшнее было другое: у всех манекенов не было лиц. Головы, обернутые мешковиной (как на картине Магритта (*бельгийский художник сюрреалист, 1898–1967*), или как у приговоренных к смерти, или как в чумном городе). И телега медленно двинулась вдоль прохода к правому выходу. Это было так страшно, что слезы чуть не брызнули из глаз. Образ смерти. Хотя Миша сказал, что не верит в смерть, и мы продлим Вите жизнь.

Я даже поздравила Мишу с таким финалом. Сказала: «Вы, конечно, сволочь, такое себе позволить. Но искомого эффекта добились». Режиссеры узким кругом остались у В. Жоржа (*директор театра Эрмитаж до 2011 года*) выпивать. Я быстро ушла, и потому что была с мамой, и потому что не хотела разбавлять этот мальчишник. Для всех остальных столы были накрыты под колоннадой. Жорж успел мне подарить «Епифанские шлюзы», радиоспектакль, сделанный Мишей с Витей.

21 мая

«Сцены из «Бесов». Славянский институт. Ю. Авшаров.

Г. Демин посоветовал пойти: получишь удовольствие. Какое там! С ума посходили. Расстроена и даже удручена. Все в целом – убогое впечатление. Этот с громким именем обшарпанный институт. Стыдно. Сарай, сельский клуб, все сидят в пальто, не топлено, сыро.

Ю. М. как всегда интересно придумал. Зрители на сцене, спиной к залу, а действие происходит вокруг. Перед нами – первая массовая картина, прием у Ставрогиной, чтобы мы могли со всеми познакомиться, а потом вспышками – то на диванчике слева, то за столиком справа, то со свечой сзади. Но исполнение... жалкое, самодеятельное, полупрофессиональное. Дети, что называется, неформат, не стандарт, отсеянные, видимо, везде, некрасивые, то коротышки, то дылды. Наигрывают страшно.

22 мая

Уехала в Питер на «Радугу».

Рада невероятно. Последние пару лет Питер меня лечит. Еду с Любой Лебединой (*театральный критик, газета Труд*). Везу журналы «Театр», последний номер. Валера приедет в воскресенье. Будет вести встречу с Шапиро в СТД.

23 мая

Открытие «Радуги».

В жюри почти все те же. О. Скорочкина (*театральный критик*) приехала из своей Дании, О. Савицкая (*театральный критик*) из Киева окончательно перебралась в Питер, Е. Горфункель – с лекции, чопорная Е. Тропп... (*театральный критик*).

...Очень мило общаемся с Л. Гительманом (*российский искусствовед, 1927–2008*). Он, конечно, типаж. Иногда у меня ощущение, что я в пространстве «Дядюшкина сна», а он князь К. Подарок от Светы Лаврецовоной (*директор ТЮЗа им. Брянцева*). Неприятный. В буклете среди жюри нет моей фамилии. Правда, не только моей, но и Оли Савицкой. Зинаиду подсылают извиняться. Света меня избегает. Объяснение: когда мы получили от членов жюри подтверждение, буклет уже был в типографии. Неправда. Я дала согласие два месяца назад, лично Свете. Думаю, что было иначе. Ждали и уговаривали А. Бартошевича и еще кого-нибудь, а Б. не смог, те фамилии вычеркнули в последний момент, а новые в запарке забыли. Сначала обиделась, потом хотела устроить скандал хотя бы куражу ради. А потом решила не замечать вовсе. Плевала. Я приехала погулять и не затрачиваться душевно. Вперед.

«Матиуш Первый» Януша Корчака, реж. Н. Дручек, ТЮЗ им. Брянцева.

Разочарование сильнейшее. Первые 10 минут – о-о, что надо, хорошо, детский спектакль, ч/б оформление, шахматный пол, занимательность нашего детства, а потом – ошибка на ошибке, что ведет его неправильно, мешает актерам, и все в зале и на сцене только и думают о том, чтобы поскорее дотащить до конца.

* * *

Не удалось не затрачиваться. Приехал Шапиро, привез новость: сняли В. Семеновского (*с должности главного редактора журнала «Театр»*), в одночасье, назначили Б. Любимова (*советский и российский театровед и педагог* (????????)). Сняли даже не решением Президиума, а вчетвером: А. Калягин (*председатель СТД*), Г. Смирнов (*заместитель председателя СТД*), А. Серженко (*заместитель председателя СТД*) и бухгалтерша. Ее прислали к

Семеновскому сказать. Сами даже не объяснились... Велели выметаться в три дня. У нас что, война? Не понимаю. Два дня назад в Эрмитаже Валера с Калягиным вполне мирно пили водочку у Левитина в кабинете. И ни слова.

* * *

Банкет. Озабоченная Марина Дмитриевская. Здравоваюсь, то ли получаю ответ, то ли нет. Звоним с Шапиро Калягину и Валере в Москву.

В кабинете Лаврецовой с жюри продолжаем выпивать. Появляется Марина, и... Адольф – первым! – здороваётся с ней и целует в щечку. Нет, я чего-то не понимаю. Меня это почему-то повергает в столбняк. А вместе со мной Лебедину и Скорочкину. Т. е., конечно, мы цивилизованные люди, можно поздороваться с идейными противниками, но целоваться-то зачем?! Было такое впечатление, что она благосклонно приняла это его «прощение».

Ухожу с банкета почти сразу. Ну, не хочется вдруг ни пить, ни есть, ни общаться. Делаю это не демонстративно.

24 мая

Реплика Жени Тропп: «Валера приедет? Я хотела бы отдать ему его подарок. У меня есть деньги, чтобы самой купить журнал “Театр”. Я несколько в оторопи. Офелия. Ну, верни, а зачем так торжественно говорить об этом мне? Кстати, потом не вернула ни деньги, ни журнал.

Разговор с Леной Вольгуст: «Зачем вы так Марину обидели?» Где курица, где яйцо?! Марина сделала, как минимум, глупость, опубликовав филистерский текст Оренова о Васильеве, а мы ее обидели, указав – корректно – на то, что она сделала глупость. Марина ходит с видом страдальцы, безвинно обиженной девочки.

Театр «Losers XP».

Бездарный капустник питерских молодых актеров. Режиссер Александр Савчук (*помимо театра «LUSORES», преподает в СПбГУКИ, записывает аудиокниги, работает псаломщиком в церкви. В его спектаклях нет прямых и ясных посланий, а лишь направления для раздумий*), ученик Г. Тростянецкого, что характерно. Протест против глянца вышел такой же гляцевый. На уровне «Комеди-клуб». Мне было стыдно за убогую фантазию. Как всегда разошлись во мнениях с Е. Горфункель.

«Ночь», реж. Г. Тростянецкий, «Свободное пространство», Орел.

Новая драма А. Стасюка (*известный польский драматург*). «Собачье сердце» для очень бедных. Театрально вычурно (играем рокеров, так уж игра-а-ем), и от этого фальшиво: как будто взрослые, сюсюкая, изображают детей. Плоское изображение, плоский конфликт, инфантильная мистика. Одного из рокеров смертельно ранили (его играет, и неплохо, актриса). Перед смертью отдает свое сердце какому-то больному, ювелиру (его играет Лагоша, тоже неплохо).

Мораль формулирует ведущий: восток ничем не отличается от запада перед лицом смерти. Как ново! Текст нетолерантный. Я больше всего обиделась за молдаван и нелюбимых французов (про русских уж не говорю). Никого не пожалел кроме соотечественников, которых все обманули, и себя-любимого. Инфантилизм.

Мы опять разошлись с Горфункель. Она высокого мнения о пьесе.

25 мая

«Ясмин на перепутье». Театр из Белграда.

Парень и две красивые актрисы, одна из них и написала пьесу. Суть довольно драматичная, касается времен войны, вопросов веры. Но, такой убогий уровень осмысления драмы как закона, такой бытовой уровень актерского существования, что в целом – самодетельность, «домашняя радость».

Если так дальше пойдет, некому премии будет давать.

«Человеческий детеныш», фантазии на тему книги Р. Киплинга, реж. С. Бызгу, Институт, курс Руслана Кудашова.

Мило, умело, без слов. Энергетика. Канистры из-под бензина вместо барабанов. Атмосфера, слаженность. Три Маугли. Философию сохранили.

Вздохнула с облегчением.

«Прекрасное далеко». Барнаул, реж. Д. Привалов – Д. Егоров.

Зрители на сцене, мест немного, зал переполнен, победа уже до начала. Пришел «учитель режиссера», Гриша Козлов, все остальные, группа поддержки.

Егорову, сыну Марины Дмитриевской, надо разойтись с собой – драматургом. Я видела его пьесу в прошлом году у другого Гришиного ученика, немца, и это очень даже было хорошо. Я видела у М. Угарова, «Люди древнейших профессий», и было тоже хорошо.

А это претенциозно, наивно, невыносимо сентиментально и фальшиво.

Хочется закусить соленым огурцом.

26 мая

На **круглый стол с А. Шапиро** не пошла. Поцелуй жжет. Что-то отмерло сразу и вдруг. Так что, ничего с собой поделать не могу.

«Зимы не будет» В. Ольшанского (советский и российский драматург и киносценарист), реж. Е. Гороховская, Саратов, ТЮЗ.

Пьеса написана в 2006 году, а впечатление, что 30 лет тому назад.

Однокурсница Мити Егорова, Гриша в зале, та же группа поддержки. Те же ошибки. Тюзятина страшная и сладость невыносимая. Опять фальшь.

«Гамлет» Н. Коляды, (советский и российский актёр, прозаик, драматург, сценарист, театральный режиссёр), Коляда-театр, (один из немногих частных российских театров, успешно гастролирующих по России и за границей).

Это неожиданно. Понравилось. Театр клоунов, действительно, фарс. Жанр Коляда чувствует отменно. Длинновато. Фарс не может идти 3 часа. Но талантливо и с болью.

* * *

Поездка на пароходе. Народу битком, так что ни поели толком, ни на мосты разведенные не налюбовались. Сидели в уголке на палубе: Скорочкина, Семеновский, Наташа Молодеева (*заведующая труппой ШДИ*) приехала увидеть Скорочкину, Ирка Кузьмина (*руководитель проекта «Фестивали СТД РФ», главный эксперт отдела*), Гриша.

Шапиро приходил-уходил, курил задумчиво, в общем, мне не показалось. «Не возвращайтесь к своим возлюбленным»...

27 мая

«Мадагаскар» Р. Туминаса.

Сидим с Камой. Он пытается мне переводить. Радует. Когда убеждается, что перевод хороший, сам спрашивает: а это как перевели? А это? И удовлетворенно кивает. Ему очень

понравилось. В отношениях со спектаклями литовцев (будь то Туминас или Карбаускис) он освобождается от обычного режиссерского скепсиса. Это не унижает его достоинства – принять чужой спектакль.

«Обломов» Г. Цхвиравы (с 2009 года главный режиссер Омского драматического театра), Воронеж, Камерный театр.

Совсем плохо. Живенько, миленько, хорошие два актера, мастерят, плюсуют, не противно, но играют совсем не то. Играют вместо Обломова Подколесина. А это совсем другой случай.

И столько заемного. Н-р, весь облик толстого лысого, через губу говорящего Захара с бакенбардами – привет фильму Михалкова. Стол-диван и «домик» – точь-в-точь из угаровского спектакля. Турунды в носу у Обломова и Штольца – от Коляды и Богаева. Текст – сплошным потоком «красится», увеселяется. Зачем? Неясно. Этому бы актеру, Камиллю Тукаеву, да играть Опискина.

Про болезнь говорят, но не называют, и апоплексического удара (страшно сделанного Скворцовым и Угаровым) тут нет. Но нет ни действия, ни рефлексии, ни внутреннего драматизма в характере Обломова, осознающего, что он не такой, как все. В итоге получилась школьная хрестоматия. Можно показывать «детям до 14-ти». Пресно. Обломов и Агафья Матвеевна показаны как старосветские помещики. Вышла не трагедия цельного человека, а частный случай: не на той женился. «Ну не верю я больше в слова».

А Кузе (*Ира Кузьмина*) понравилось, она как-то даже неистово хлопала. Дружба – святое дело. Поэтому у меня и нет друзей среди театральных «деятелей».хлопот не оберешься.

«Штирлиц идет по коридору». Лены Шевченко (*российская актриса театра и кино*).

Я не сразу поняла, что это тот самый «Фарятьев» А. Соколовой, которого я видела в Доме Актера. Тихий ужас. Ужас-ужас. Кто сказал Лене, что она режиссер! Кто мог это привезти на фестиваль? Даром, думаю, ни за что. Ушла с первого акта, который еле-еле высидела. Лена спектакль останавливала, едва он начался, – детская непосредственность, поразившая даже циника О. Лоевского (*театральный критик, художественный директор фестиваля «Реальный театр»*). Ощущение безнадеги.

28 мая

«Повелитель кукол». Национальный театр Латвии, Рига.

Чудовищно! Беспомощно. Бесконечно. А кто привез это?! Что в Латвии не было в театре ничего и никогда? Никакой театральной культуры? Ни Художественного театра, ни Э. Смильгиса (*его создателя и художественного руководителя*), ни Национального театра драмы им. А. Упита, ни А. Каца (*народный артист Латвии, главный режиссер Рижского театра русской драмы до 1992 года*), ни А. Шапиро (он сидел в первом ряду – я бы умерла от тоски на его месте). Страшно хотелось демонстративно выйти, но, как член жюри, я не могла этого себе позволить.

Претенциозно, глубокомысленно, а на самом деле банально. Им кажется, что мести пол на сцене в режиме реального времени – это так психологически насыщено. Если не построить роль по внутренней линии, то и не насыщено, и скучно. Даже история не совсем понятна. Девочка спасает мальчика, снаружи – лай собак и немецкая речь. Та война? Эта? Дальше тема не развита. Мальчик потерял жену, грезит ее найти. Что-то постоянно чинит и мастерит. Девочка влюбляется (во что? отчего?). Мальчик приносит манекен, утверждая, что это его живая жена. Девочка ревнует к кукле. Появляется некий доктор, который говорит, что мальчика надо отпустить, тогда его ум поправится. Кстати, доктору на вид лет 40, и у него совершенно другая пластика, другие глаза, «школа» актерская видна. А молодые

– дилетанты высшей пробы, извините за каламбур. Кто тут из героев кого придумал? Кто кого спас? Кто кого погубил? Кто сумасшедший? Непонятно. Наверное, режиссеру понятно (пьеса как литература третична и пребанальна), но налицо полное неумение добиться желаемого результата. Т. е. необученность.

«Правила игры» Е. Прикотенко. Русский театр, Латвия.

29 мая

«Роберто Зукко» К. Гинкаса.

Он шел и вчера, но я отговорила жюри ехать, мы бы после Прикотенко не успели. А «Зукко» нельзя смотреть третьим по счету спектаклем за день. Сегодня был лом, сидели в притирку. Я рядом с Любой Овэс (*критик, историк театра*), которая мне представилась. Но я сказала, что прекрасно ее знаю, и читала, и очень люблю ее интервью с Гинкасом, что правда.

Спектакль шел хуже, чем в Москве. Может, потому что пространство было раза в два больше, хотя поставили они свой «угол Бархина» нормально. Очень стабильно играют маленькие роли. А. Бронников на этот раз был невероятно трогательным. Е. Лядова совсем не понравилась – с холодным носом мастерила. А Эдик (*Трухменев – Зукко*), мне кажется, все лучше и лучше. Роль-то сложная, вся через нутро, состояние, которое где-то надо набрать, с этим уже накалом выйти на сцену и хранить это в себе до финала. На финал его, по-моему, не хватает (все три раза мне не хватило). С этим прожектором, слепящим зрителей, на вертикальной стене, это должен быть единственный эмоциональный выплеск. Но пройти между сентиментальностью и истерикой?

* * *

Вместо встречи Шапиро и Семеновского пошла в гости в театр к Марине Заболотней. Потом прогулялись до ТюЗа. Я побежала собираться. На спектакль **Б. Манджиева** (*драматург и режиссер*) «**Араш**» (*Калмыцкий республиканский театр юного зрителя «Джангар»*) припозднилась, но и так поняла все. Национальный колорит, советскость в подходе, пафос невыносимый, от этого фальшь. Хотя человек он милый, мы успели пообщаться, и спектакль честный, и актеры играют, как умеют... как в национальной республике СССР. Время остановилось.

30 мая

В ГИИ поминали **Б. Зингермана**. Ему в этом году, оказывается, было бы всего 80. И умер он в 2000-м, а мне казалось раньше. Я со своими детьми, сидя дома, видимо, все-таки многое пропустила в этой нашей театральной жизни. Вдруг родилось чувство вины, что не звонила. Мы, правда, никогда не были близко знакомы. Да я ни с кем не была «близко знакома». Но Б. З. иногда говорил мне лестные слова, а я вместо того, чтобы радоваться (сам Зингерман похвалил!), удивлялась: он? Мне? Сам? Позвонил? Что я ему?

В. Иванова не было, его девиц тоже. Народу было немного. Елена Ильинична выглядит прекрасно, местами лучше Сусанны, которая, как и прежде надменна, и узнает только избранных, «академиков», до остальных не снисходит. Тимка, внук, заматерел. Даже служа в театре, всё был мальчишечка (а я его помню совсем маленьким, мешавшим нам с Б. З. беседовать на улице), а тут вдруг стал мужиком. Жена-красавица, очень русская, крупная и блондинистая.

Вел А. Бартошевич. Довольно серо и понуро. Самое замечательное – запись из Дома Мейерхольда, где Б. З. говорит о значении М. и масштабе разговора, который предстоит критикам в будущем (всё похерили!).

Пообщалась с Вадиком Щербаковым (*историк театра, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания*) и Наташей Вагаповой (*искусствовед*). Витя Березкин, не скрывая своего торжества, сказал, что рад тому, что Семеновского сняли: «Я его не любил». То же он любит мне повторять про А. Михайлову. Но, слава богу, беззлбно.

Безобразно, как всегда, вела себя Зара Абдулаева (*кинокритик, автор книг, статей, эссе по истории и теории кинематографа, театра и литературы*): громко, шумно, обращая на себя внимание, комментируя всё подряд, причем, всё понося. Это, с ее стороны, конечно, распушенность, а она думает, что утонченная свобода. Талант, мол, позволяет мне все. Удивляюсь, как это все терпел Б. З. – человек нормальной, адекватной реакции, никогда не истерической, как у большинства в нашей среде. Я бы ее послала далеко и надолго. Она становится невыносима через 5 минут. «Зато пишет хорошо», говорят люди. Не знаю, по-моему, ничего особенного: заумно, витиевато, с претензией на знание абсолютной истины.

У М. Смелянской (*заместитель художественного руководителя Театра наций*) – другой крен. Она за все в ответе, всеми руководит и за все, конечно, «страдает». Она мне потом по телефону рассказывала, как она сейчас пластается в Театре наций, все на ней. «Если бы я так не любила Женьку (Миронова), ни минуты бы там не осталась». Наконец, она ощущает себя так, как хотела всю жизнь и как Кама с Гетой, видимо, ей не позволяли. Шутили, видно, много, снижали пафос. А мальчишки-девочки из Театра наций пахать не любят, только представительство, у них много личных дел, а Маринка, наверное, действительно тянет воз этой текучки. Только вот продадут они ее, если придется, не задумываясь. Но она в это верить не хочет. Она верит в искреннюю любовь и уважение.

31 мая

ТВ. «Московский хор» Л. Петрушевской, реж. И. Коняев, МДТ.

К сожалению, мое отношение к спектаклю не изменилось.

Умело, но ремесленно, в актерской игре механистично. Жаль, потому что буквально три дня назад в Питере Марина Заболотная меня с Коняевым познакомила. Очень симпатичный молодой человек 40, кажется, лет. Совсем не похожий на свои спектакли, не такой, каким я его себе представляла, что я ему и сказала. Не русопятый, а еврейстый или цыганистый, не худой, а полноватый, не вялый и анемичный, унылый, а жизнерадостный раблезианский тип. В общем, в жизни он лучше, чем кажется по своим спектаклям.

Вспомнила, что когда-то, после «Золотой маски», где Татьяна Щуко получила приз, я хотела про этот спектакль написать, объяснить, почему я разочарована. Нашла черновик текста и с ним согласна.

* * *

«Зал трещал и искрился от знаменитостей, которые пришли на встречу с театральным событием. Вереницу известных лиц возглавляли Г. Вишневецкая (*советская и российская оперная певица, театральный режиссёр, педагог, актриса*) и И. Антонова (*советский и российский искусствовед, директор Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина*), нетипичные лица бомонда (дамы с характером, с репутацией, на абы что не пойдут). Я летела на спектакль, как на крыльях, растревоженная новостью, что «артистка Татьяна Щуко играет гениально».

Спектакль не то чтобы разочаровал (это можно было бы отнести за счет излишнего восторженного ожидания). Встревожило собственное полное равнодушие к нему. На сцене рассказывали душераздирающие истории из советской жизни, концентрация горя и ненависти в пьесе Петрушевской была огромной, то и дело кто-то плакал и кричал, а я сидела истуканом. Бесчувственность сердца смутила и расстроила настолько, что комплексы появились. Как же так? Отчего сердце-то не откликается, когда на сцене играют ту самую «магнитофонную» Петрушевскую, которая слышит слово, как никто, когда речь идет о нашей истории, 50-х годах, подсолненных отголосками еще более веселых 30-х и 40-х, когда видна рука мастера, когда в кои-то веки перед Москвой играет сам Театр Европы, или МДТ.

Слово «бренд», введенное в театральный обиход наивно-нахальным Житинкиным («Житинкин – это сегодня бренд!» – сказал он), помогло передохнуть и начать разбираться со спектаклем «Московский хор». В данном случае имя Додина тоже оказалось брендом, который заставил всех смотреть на сцену иначе, чем, если бы это был некий безвестный провинциальный театр и только один, никому не известный режиссер Игорь Коняев. Уверена, что в том случае все бы на спектакле отыгрались по первое число: раздолбали бы за традиционализм, натурализм и даже провинциальность. А тут – вроде как видели шедевр.

Вышла запоздавшая конъюнктура (теперь-то к чему разоблачать? скучно, нелепо) и фальшивая слезливая лирика (плач Ярославны над страной). А надо было бы увидеть конкретного человека, «перееханного» конкретным временем, как катком, а не карикатурить все советское человечество. И увидеть не уродов, а людей, достойных полноценного внимания. Это не патриотический призыв – пожалеть, это просьба об объемной картине, о помиловании этих людей, которых время сделало моральными инвалидами.

1 акт, когда надо попросту многое рассказать и объяснить, что произошло до начала пьесы, наметить запутанные родственные отношения героев – затянутая экспозиция. Поскольку это все-таки психологический театр, я вправе задать вопрос о мотивации поступков, про движение мысли и чувства. Но характеры полноценные не складываются.

Хороший внешний образ сцены. Пространство, замусоренное вещами и тряпками (хотя см. коммунальные разборки с Н. Корниенко (*советская и российская актриса театра и кино*) и Гердтом (*советский и российский актёр театра и кино, 1916–1996*) в «Место встречи изменить нельзя» – и увидишь разницу). Живут, скученно. Но квартира, в которой, как в теремке, все спасаются от потопа, расплывается не вширь, а громоздится вверх. Забытовленный, средне-психологический спектакль, несколько персонажей говорят с акцентами, но тоже приблизительно – еврейским, татарским, оканьем. Хотя есть замечательные детали. Хорошо, когда хор идет сквозь спектакль и квартиру. Стул стоит на столе все время, и никто его не замечает, так и едят. Так и живут, через стол, влезая на кровать на втором этаже. Коляска стоит чуть ли не на чердаке.

Устаревший театральный язык, актеры накручивают эмоции чисто технически. В первом акте все почти истерят и рыдают. Во втором – делают своих героев похожими на карикатуры. Особенно Люба – безлюбая девушка-старушка, комсомолка-пенсионерка и Анна Петровна – по-мужски тяжелая фигура, натруженная походка, мужские ботинки, волосы, зачесанные простенькой гребенкой. И в советские времена были такого типа герои. В кино, например, Спиридонова – Демидова (*фильм «Шестое июля», 1968, режиссер Ю. Карасик*): фанатизм, за которым четко обозначенный характер, вызывающий и ужас, и жалость, и сострадание. Здесь все-таки только карикатура. Они не вызывают ни сочувствия, ни печали, ни жалости, а должны бы. Хотя бы потому, что так жили наши родители, бабушки-дедушки. Они вызывают брезгливость, раздражение, желание от них отгородиться.

Т. Щуко, говорят, играет гениально. А что же она играет? У нее яркая фактура, благородное лицо, живописная старческая худоба. Характер старухи – исторический тип! – абсолютно не ясен. В каждой сцене – новая «печка», т. е. игра «кусочками». То она вред-

ная свекровь, то благородных кровей бабка, то квочка для сына, то оскорбленная матрона, то просто бестактная, вредная старуха, то добрая, то ссорящая детей и родственников, то примиряющая. Все бы это можно было соединить в один мощный характер, воспитанный страной советов, плоть от плоти ее «перекосов», если бы были ясны мотивы поступков и сверхзадача роли. Актриса катастрофически непоследовательна – но почему? Чем это определяется? Личностью, временем, обстоятельствами? Умная героиня или глупая? Хитрая или простодушная? Все «плавает». И человечески эта душераздирающая история не волнует, не душит слезами. А, должна бы.

* * *

«Горбатая гора» Энга Ли (*Фильм о любовной связи двух ковбоев, который считается «первым в истории кино гей-вестерном». В основу сценария лёг одноимённый рассказ писательницы Энни Пру*).

Хит Леджер (*австралийский актер, 1979–2008*), недавно погибший, был, видимо, очень хорошим актером. Напоминает Стива Мак Куина (*американский киноактер, мотогонщик, 1930–1980*). Леджеру было лет 26, когда он снимался в «Горе», а сыграл в финале 40-летнего человека и гомосексуалиста поневоле (60-е годы, они еще мучаются совестью). Довольно убедительно, психологически насыщено, трогательно. Но для «Оскара», в общем, ничего великого. Грамотная мастерская картина, которую, как сказала Даша, не могли же завалить, чтобы не прослыть гомофобами. Может, и так.

Самое тупое – перед фильмом по СТС (канал для домохозяек, они сами о себе так говорят), который по ночам иногда изображает из себя интеллектуала, выступали «гламурные» звезды, типа К. Собчак (*российская теле – и радиоведущая, журналист, актриса, общественный деятель*), Н. Ускова (*главный редактор российской версии американского журнала GQ*), Т. Канделаки (*российская журналистка, телеведущая, продюсер и общественный деятель*), Е. Двигубской (*российская киноактриса, сценаристка, писательница и режиссёр*), т. е. среднее звено по IQ, и говорили о фильме. В их переложении – это «фильм о свободе быть собой», и вот жизнь прожили зря, потому что сопротивлялись естеству (т. е. гомосексуализму), а надо было быть...

Фильм гораздо тоньше и драматичнее и фрейдистее их текстов, которыми они мне подпортили просмотр.

3 июня

Умер **Г. Романов** (*первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, 1923–2008*), гроза и ненависть всей питерской интеллигенции. Полгода назад, в его 85-летие, по ТВ в репортажах идет почти реабилитация. Все слухи – неправда, он хорошо держал город, злодей Ю. Андропов (*бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС*) распускал про него слухи из ревности, чтобы нейтрализовать. И самое смешное – первая телеграмма с соболезнованиями пришла от В. Матвиенко (*бывший губернатор Санкт-Петербурга, ныне государственный деятель*), и показали хронику советских времен, когда эта дамочка (тогда девочка-комсомолочка-припевочка) сидит рядом с ним, а потом принимает рапорт каких-то пионЭров. Ничего не меняется, все, кто был при деле тогда, и сейчас на вахте.

* * *

У Светы Михайловой (*основатель и главный редактор журнала «Планета Красота»*) опять состоялся конкурс «Золотая лира». Она награждала, как всегда, женщин. Все было строго, чинно, благородно. Ничуть не хуже, чем в Фонде Станиславского.

5 июня

«Разбойники» В. Долгачева. Новый театр.

Прилично. Слава нашел форму, чтобы история не казалась слишком пафосной и ходульной. Но ребята только моторны.

9 июня

Звонок Славы Иванова (*завсектором театра ГИИ*). По поводу Итогов сезона. Когда ему что-то надо, он вкрадчив, ласков и говорит с сочувствием. Один на один он всегда человек. При всех – так бестактен. Я еще раз сказала, что доклада делать не буду. Мне, правда, сейчас не до этого.

«Шведская спичка» А. П. Чехова. Театр наций. Режиссер – молодой Н. Гриншпун. Ученики О. Кудряшова (*театральный режиссер, педагог*), которых наши brave завоеватели «Территории» взяли на довольствие. Милые дети. Не менее симпатичные, чем женовачи. Многому научены. Поют замечательно, играют на всяких инструментах, даже виртуозно (чего стоит один фокус П. Акимкина, изображающего на аккордеоне пишущую машинку), пластичны. Режиссура изобретательна, номера почти клоунские и цирковые. Чего стоит один допрос Николашки, показанный как бы его пьяными глазами: стол со следователем накрывается, становится на попу, переворачивается, люди набок заваливаются, стол кувырывается, и герои даже стоят на голове. Снято, будто на камеру, ощущение уходящего из-под ног пола.

Драматические сцены психологически не глубоки. Одна хороша – разговор Чубрикова с женой. Она (особенно у девочки) выстроена по внутренней линии.

Сказать, талантлив ли режиссер и пойдет ли далеко, не могу. Из такого спектакля ни стиль, ни направление не угадать. Философских рассуждений он не рождает. Он – для удовольствия. Главная его задача – показать товар лицом, и в этом смысле он, конечно, учебный. Актеров я бы «купила», про режиссера задумалась. Моментами скучно, и именно тогда, когда актеры остаются один на один с текстом Чехова (техника есть, а содержания нет). Текст не разобран и внутренние задачи не поставлены. Боюсь, длинного дыхания у спектакля не будет. Его легко заездить. Надоест зрителю эта новая «игрушка», и он отвернется. Нормальная задача – просвистеть, сразу обратить на себя внимание. Но дальше это внимание надо удерживать.

Позвонила после этого М. Смелянская (*театральный критик, заместитель по общественным связям художественного руководителя Театра наций*). Я ей честно попыталась сказать, что думаю. На все мои «но» она говорила: «Ну, не зна-а-аю...». Умиление от всего, что происходит в Театре наций. Когда я сказала, что мне меньше всего понравились всеобщие любимцы – Е. Ткачук и Ю. Пересильд, – она стала говорить со мной, как с больной: «Ты что!? Они чудные!!!» Слишком знают, что чудные. Паша Акимкин в сто раз лучше (может, за счет того, что общается еще и с компанией В. Панкова). При скромных данных (мужичок-с-ноготок, краснощекий, хорошенький, но коротенький) он может далеко пойти.

«Школа злословия» с А. Смелянским.

«Тетки» опять плохо подготовлены, поэтому «МХТ – икона стиля», острые углы ободены, он говорил так, как будто театр сейчас – в лучшей своей поре. Про Булгакова спрашивали, про политику, конечно, про лучших драматургов XX века. Смотрели, как на гуру. А он такой «советский» в своих политизированных оценках. Из драматургов назвал Н. Эрдмана (*русский советский драматург, поэт, киносценарист, 1900–1970*), М. Булгакова (*русский писатель, драматург, театральный режиссёр и актёр 1901–1940*), А. Вампилова (*русский советский драматург и прозаик 1937–1972*). Один из аргументов – их все еще ставят. Если так, как Вампилова в МХТ, без понимания совсем, лучше бы не ставили. Мне лично современные режиссеры (и А. Марин, и Д. Петрунь) доказывают, что Вампилов – плохой драматург. Боюсь, что новые спектакли отвратят от него зрителей и новое поколение режиссеров надолго. О А. Володине (*советский драматург, поэт, прозаик, сценарист, 1919–2001*) А. М. сказал в проброс, замял, совсем невнятно. А. Арбузова (*советский драматург, поэт, прозаик, сценарист 1908–1986*) снисходительно перечеркнул. В. Розова (*русский советский драматург (1913–2004)*), уничтожил советскостью. Т. Толстая с ним согласилась, а через минуту сказала, что сегодня так часто хочется что-нибудь шашкой порубать, как герой Розова. Дуня спросила, как бороться с этим чувством.

Он: никак.

Она: как гасить раздражение, которое появляется, как только выйдешь на улицу.

Он: жалеть, думать о том, что они скоро умрут.

На этой «веселой» ноте все и закончилось. Тезис правильный – все не вечно, жизнь так коротка, но в этой его реплике не было философии. Это прозвучало не как «момента мори», (будь лучше и чище, пока жив) а – мои враги когда-нибудь сдохнут, т. е. будут наказаны.

Еще говорили про сериалы и как они губят артистов. А. М. – банально и жестоко: талантливые выживут. Как утешение, приводил в пример старых советских артистов, которые играли в плохих пьесах. Забывая: 1) что даже там они играли хорошо и тратно, добавляя глубины, 2) что помимо этого играли и в хороших пьесах и у блестящих режиссеров, 3) что у них было мировоззрение и понимание того, что хорошо, что плохо. А тут – воспитание бескрылых. Им не дают понимания «выбора» и «отказа».

Я: сериальный тип игры (плоскостной, чисто фабульный, текст без подтекста) проникает и в театр. Раньше актер привносил качество театральной работы в кино, а теперь наоборот.

Что поразило: за те годы, что мы с Толей не общаемся, он не вырос в объеме, ходит по кругу. Все те же интонации, те же цитаты, те же изображения Сталина (с акцентом). Кругозор не расширился, и философии не прибавилось.

10 июня

Звонил Валера С. **Статья М. Токаревой в «Новой газете» про журнал «Театр».** Хорошая, справедливая. Он пошел работать завлитом к Левитину. Пишет пьесу по Домбровскому, «Факультет ненужных вещей».

Звонила А. Михайлова (*театровед в области театрально-декорационного искусства, 1927–2012*). Сказала, что они с И. Уваровой (*театральный критик, художник, искусствовед*) готовы подписаться под любой бумагой в защиту «Театра» или даже постоять в пикете. Трогательные дамы за 80, вот старая закалка шестидесятников – отклик. Я ее расстроила, сказав, что никто и ничего защищать не собирается. Уварова: если надо развалить дело, то зовут Б. Любимова. Это всем известно. Я: но выводов почему-то не делают. Значит, он такой выгоден. Она: слух про свою близость с Н. Михалковым он, может быть, и сам пустил. «Русофилы, вперед!» – хорошенькая жизнь у нас начинается.

Со слов С. Б. Бенедиктова (*советский и российский театральный художник*) А. А. сказала, что на Президиуме Б. Н. сказал, что возьмет «Театр», если будет нормальное финансирование. И второе – обещал наладить старые связи журнала с ГИИ и привлечь серьезных авторов. Это значит, что журнал он не читал. Все эти «хорошие авторы» из ГИИ, в журнале при Валере печатались.

11 июня

Прошло наше **обсуждение итогов сезона**. Как по-дурацки организовано было, так и прошло. Слава поставил галочку. Пришли и А. Порватов (*заместитель руководителя департамента культуры Москвы*) и М. Швыдкой, который представился безработным, и Д. Трубочкин сидел, и его заместители. Слава, по-моему, остался доволен. Вел никак, разговор не направлял, поэтому он вяло тек, куда попало. Шахиня не выступала, только рецензировала всех на ходу. Была Маша Седых. Ее пригласили со стороны, как «ведущего критика». Она комментировала всё, протестовала в принципе. Я давно не наблюдала ее «в деле». Для нее линия фронта осталась на месте. То, что говорит Кама, правильно, то, что говорит Смелянский, правильно. И т. д. Но иногда они говорят – разное. Да и все говорят разное. Маша получается просто рупором «общественного мнения». По молодости казалось, что Маша всегда говорила от себя.

А. Шендерова сидела рядом со Славой, во главе стола, но не сделала ничего, чтобы это сомнительное мероприятие выглядело прилично (раз уж ей поручили). Она разочаровывает меня все больше.

В сущности, это все было жалкое зрелище. Миша говорил в основном о критике, что она мышей не ловит, контекста не видит, мыслит точечно. Эту тему потом дружно подхватили, так что Шахиня выступила: «Мы что, собрались разбирать проблемы цеха!?» Даже умный А. Бартошевич говорил вяло и совсем неудачно. Вдруг стал пересказывать свою статью в ВТ, которая вот-вот выйдет. Непомерно восторгался студентами ГИТИСа. То, что я видела и слышала, не вызывает оптимизма. В. Семеновский говорил хорошо. Про журнал, про проблемы. Пытался структурировать. И я вслед за ним. А потом все это как-то постепенно завяло. Одна из самых интересных, но лишь тронутых тем – конформизм нынешней режиссуры. Я сказала про мировоззрение, про их нерисковость, нежелание идти поперек. Привела в пример историю с Гинкасом и Карбаускисом. Шендерова стала К. защищать, хотя я и не нападала. «Знаете, как страшно сегодня в 30 лет не иметь квартиры, дохода, считаться лузером». Так вот я как раз про это. Гинкас и был, когда приехал в Москву, лузером. Только переступить через себя не мог. И все-таки выстраивал биографию.

* * *

«Демон» А. Рубинштейна, реж. Г. Тростянецкий. Театр Станиславского и Немировича-Данченко.

Посильнее «Фауста» Гете. Правда, трудно представить, как это в принципе можно поставить. Все-таки абстрактная и фантастическая история. Ясно, что небытово. Гена даже что-то такое придумал, первые пять минут я думала, что получится, а потом все пошло вразнос.

На сцене работал круг, а на нем круглый пандус. Получилось несколько траекторий движения, мир словно плыл, когда пел Демон. Опущенный световой мост с началом увертюры начинал подниматься. От него шли серебрившиеся в полутьме «нити». На пандусе были распластаны, как стало понятно не сразу и это хорошо, крылья демона, что-то шершавое и чешуйчатое (материал мне понравился). Все это постепенно вздымалось, так что казалось, земля удаляется, раскалывается, как при землетрясении. Эффект полу-

чился, но потом... Демон по поведению получился душкой-тенором. Боялся оторвать глаза от оркестра, на Тамару почти не смотрел, выступал на зал. Пластика оперного героя-любownika. И голос «бытовой», распластаный вширь, а не вертикальный. Тамаре (Мурадымовой) хотелось посочетовать – не суетиться и не бегать (это я уже видела в «Так поступают все женщины»). Ей кажется, что она грациозна, как лань, а это не так. Второй акт художник С. Пастух цитировал «Ашик-Кериба» С. Параджанова (*советский кинорежиссер и сценарист, 1924–1990*), но как-то неточно, непонятно, в какой культуре. Задники, как у Уилсона, синий и рыжий. Ангел был тоже цитатой с какой-то картины Возрождения, белые латы с наколенниками, хоругвь... В третьем акте монахини были явно католические по костюмам. Почему? В общем, аляповато.

Если уж вы решили второй акт, среди людей, на свадьбе Тамары, сделать пестрым, то первый и третий акты, диалоги Демона и Ангела, Демона и Тамары, явно просились быть черно-белыми. Так нет, небо было синим, а на задранных в виде свода «крыльях демона» мигали красные лампочки.

Финал был совсем плох. Безумие Тамары М. играла так, будто она Жизель. Все время улыбалась, разводила руками, бегала под крыльями, разглядывала «мироздание». Мелодрама. Демон явился почему-то в белой сорочке, что тоже резало глаз. Все как всегда у Гены нелогично и страдает отсутствием вкуса. А «Демон» все-таки просился быть одетым и исполненным построже. Я подумала, что А. Васильев бы эту оперу сделал. Хотя он бы взбеленился против музыки. Она, конечно, не великая. Но лучше постановки безусловно.

12 июня

«Электра» по пьесам Софокла, реж. Т. Сузуки. Театр на Таганке.

Хорошо, что идет час. Я бы не выдержала. Рассвирепела. Маме – на новенького – было любопытно. А мне так совсем нет. Опять инвалидные коляски. Сколько можно! Они были и в Дяде Ване, и в Антигоне, и в нашем «Короле Лире». Ну, предположим, мир болен, но театр может показывать это изобретательнее. А тут два-три приема и ничего. Труппа любимовская в очень хорошей форме. Технические задачи выполняют идеально. Просто японский театр, они даже похожи стали. Нана Татишвили – Электра – чистая японка.

Неорганично. Вкруговую ездят коляски с мужиками в трусах. Долго. Потом, то же по диагонали. Рычат, кричат, маршируют сидя. Нагнетают якобы ужас трагедии. Пугают, а мне не страшно. У Электры почти весь текст забрал Хор. Это, по-моему, не по-гречески. Л. Селютина – Клитемнестра рычит и строит рожи, демонстрирует немолодые коленки в красных чулках. Это тоже, что ли, лицо трагедии? Зрителям смешно, кто-то хихикает, кто-то уходит, кто-то хлопает, чтобы действие двинулось дальше.

Все-таки, Сузуки – глуховат к европейской культуре. Зачем это нам и зачем так стилизовать античный театр? Понятно – это его изобретение для японцев. Выглядит замысел на нашей сцене слаженно (спасибо актерам), но убого: по фантазии, по энергетике, по изобретательности. Истории «про Электру», боюсь, зритель не услышал и не понял, текст очень сокращен. Кто кому мстит? Кто кого и за кого убил? Чем сердце успокоилось? Кого жаль и кто наказан? Одному богу известно. Очень декоративное зрелище. Ни уму, ни сердцу. Только барабанное соло в финале хорошо. Тупиковый это эксперимент. Но что интересно – его спектакль в МХТ разругали в пух и прах, тут – похвалили. Разница в артистах. Т. е. о смысле никто не заикается. Эти техничны, и хорошо.

13 июня

«Два вечера в веселом доме». Студенты Г. Козлова на «Шансе». Пьеса В. Вербина по «Яме» Куприна очень ловко скроена. Еще третий курс, а дети такие настоящие, некоторым артистам и не снилось. И главное – нашим московским школам не снилось. Наши – куда

инфантильнее. Эти 3,5 часа держат зал в напряжении. Историю тянут, в роли влипли замечательно, и такая подробная глубокая жизнь на сцене идет...

14 июня

«Иванов» Т. Ашера Театр им. Йозефа Катоны (Будапешт, Венгрия). Действие перенесено в 1960-е, глухая бедная провинция советской, без сомнения, Германии. Не квартира, а ангар или «красный уголок».

Артисты подробно и точно работают, иногда без слов, Мастерское шитье, даром что Театр Катоны (*венгерский драматург, 1792–1830*) второй акт у Лебедевых блестящий по типажам. Но две главные сцены (Иванов и Сара, самоубийство Иванова) сделаны, прежде всего, режиссерски. Иванов немного похож на Кифера Сазерленда (*канадский актер*). Сара старовата, в последней сцене – опустившаяся, больная, утыканная трубочками медицинскими. Шурочка даже уродлива. В общем, классический сюжет, который опустили обстоятельства.

Режиссерские манеры Ашера (1949) и Алвиса Херманиса (1965) похожи. Особенно второй акт. Мода? Или кто-то у кого-то слизал? Кто? Это как «белый Чехов» 1980-х?

И главное, что в основе, Ашер глубоко спокоен по поводу этих людей. Это не трагедия, даже не драма. Он диагност и наблюдатель, визионер, посторонний. Может поэтому временами смотреть скучновато. Хотя мастерство отмечено везде. Прав Фокин, сказав, что будь это 10 лет назад, цены бы ему не было.

Прочла буклет, сделанный подругой, **Аллочкой Михалевой** (*театральный критик, завлит Театра наций*) про всех «Ивановых», не только Т. Ашера, но и А. Баргмана, и Л. Эренбурга. Хороший буклет. Процитированы все (ст. Р. Должанского, по-моему, целиком), даже дураки с банальными текстами, кроме меня и моей статьи в журнале «Театр». Верю, что несознательно, что просто не читала, вообще не читала журнал, хотя нет, думаю, подсознательно побереглась. В театр они меня пускать, конечно, будут, но иметь в виду и цитировать нет. Когда это делает И. Виноградова на «Смотрителе», черт с ней, она чужая, но Алка своя, и это больно.

15 июня

«На Верхней Масловке» Д. Рубиной. Читаю книжку и все больше досаую на фильм К. Худякова. Там мне не слишком понравилась Фрейндлих. А теперь уже и сценарий кажется проще. И время (не советский застой, а перестройка) неточно показано. И роли А. Бабенко и Е. Князева, Нины и Матвея, нехороши. Не пойму только, дело в режиссере или в том, что Матвей Жени Князева – выглядит недостаточно гением на экране, а Алена недостаточно интеллектуальна для этой роли. Е. Миронов пока на месте. И в книжке такой, и в фильме понравился больше всех. Но – не дочитала пока.

* * *

«Залечь на дно в Брюгге». Сценарий и режиссер М. Макдонах.

Все-таки нюх у меня есть, я опять не ошиблась. Теперь на фразу Максимовой «Что ты с ним носишься, через два года не вспомнят, что это было», я могу ответить точно: он настоящий и стоящий.

Фильм замечательный во всех смыслах. Столько нюансов и переливов, что хочется разбирать по косточкам, по сценам. И такая волна тепла. Европейское, а не американское кино (производство Англии и Голландии) по интонации, ритму, глубине. И при этом американское – по умению держать интригу, простому диалогу (но емкому). Русское – по актер-

ской игре, невероятно подробной, сущностной и такой скупой. Без переигрывания. Тихой, не суетной. Чего стоит один взгляд Глисона, который наблюдает, читая книжку, за собирающимся на свидание Фаррелом, полуулыбка с бездной содержания: ах, молодость-молодость, дурачок, расстегивает и застегивает верхнюю пуговицу рубашки, не зная, как лучше; ничего его не берет, природа: киллер, а человек. Чего стоит его же последний взгляд. Это очень крупный план, на котором «играет» только остекленевший глаз действительно уходящего человека.

И какая неспешность ритма. Как умело развернулась реальная страшная история опять с кучей убийств на фоне вечного, прекрасного, сонно гармоничного старинного города Брюгге. Как это ее оттенило (оператор работает блестяще). Музыка, в которой мешается воинственная ирландская мелодия, что-то церковное, что-то оперно-знакомое, и лейтмотив – будто одна длящаяся нота, мерное какое-то жужжание.

И как завязал и закольцевал историю. Вначале – хождение по музеям, разговор перед картиной Босха о рае и аде, о чистилище, а в финале – убийство на съемочной площадке, в морозном вечернем тумане, среди персонажей в маскарадных костюмах, чем-то напоминающих Босха.

Вначале – колокольная, с которой Глисон любит чистую, как стеклышко панорамой города. В финале – та же колокольная, но вместо чистого стеклышка – туманище, хотя тоже красивый.

* * *

ТВ. Показывают «Флэшку» Г. Шенгелия. Довольно крепкое кино, как у него всегда. Очень динамичное, с интригой и неглупое. А вот ведь – столько уже фильмов у него, а никак не пробьется в первый ряд. Хотя, даже по одному «Классику» судя, имеет все права. Наверное, не умеет дружить.

Во «Флэшке» есть хороший диалог плохого и хорошего героя, Е. Стычкина и И. Шакунова, чопорного «белого воротничка», бывшего любителя КСП (*клуб самодетельной песни*) и мужа богатой жены, который решил восстать. Шакунов: «Ну и сучонок же ты!» Стычкин: «Время сейчас такое. Байдарочники уступают место менеджерам. В игре обязательно должны быть правила. А в жизни – нет».

16 июня

Послала Семеновскому SMS про вчерашнюю игру турков. Выиграли они у чехов классно, сражались до последнего. Не то, что наши – с греками, – выдавили победу еле-еле. А комментаторы подняли патриотический вой. И даже надеются, что мы выиграем у шведов. Сомнительно. Валерка тут же отреагировал на футбол и перезвонил. Обещал по моей наводке сходить на Макдонаха в кино. А потом стал живописать вчерашнюю тусовку, а вернее, как он это назвал, «театральный истэблишмент» на «Иванове» во главе с Табаковым: Швыдкой, Смелянский, Давыдова, Миронов, Жолдак, Серебренников и пр. «Внешне все нормально, но противно».

История с журналом как-то резко обострила его восприятие нашей действительности. Теперь он, наконец, узрел то, о чем я пытаюсь говорить уже 10 лет. Их цинизм, их повязанность, их, по большому счету, равнодушие к тому, что делается в театре вообще, к вопросам профессии, а не успеха, необъятны и необоримы. Живут по принципу «после меня хоть потоп», такое постоянное «гудение» времен упадка Римской империи.

На мой вопрос (я сама так и не могу себе до конца на него ответить... а может, не хочу?): «Как ты думаешь, так теперь будет всегда?» Валера ответил: «Боюсь, что да. Они победили».

Я сначала расстроилась этому «победили», а потом быстро нашла контраргументы. Во-первых, надо стоять насмерть, как турки при счете 2:0. И не потому, что «нас не позвали», а потому что мы по большому счету и не хотели бы думать и поступать, как этот истэблишмент. А во-вторых... Лет 10 назад разговоры про Рублевку были довольно серьезные по тону, и чувство простых людей – там живут победители, было четким, уважительным, а иногда завистливым. Сегодня (мне так кажется) «жить на Рублевке» звучит неприлично, это синоним пошлости, и победители выглядят, мягко говоря, аляповато: все-таки они просрали свою игру, они воспользовались своими безмерными возможностями в силу своих узких лбов. Так что кивать на шестидесятников теперь не надо. У вас своя профуканная оттепель есть. Театр по сравнению с жизнью запаздывает со своими процессами, но повторяет, в России по крайней мере, путь и в политике, и в экономике. Те же ощущения и оценки, думаю, должны придти и к нам, на нашу «Рублевку». А потом – Америка и Европа, связями с которой наши «победители» кичатся, давно заговорила о человечности, о театре и кино, которые задевают за живое, а не как патологоанатомы препарируют природу. «Они» уже повернули назад, а «мы» все прём вперед, как носороги. Они уже снова пропагандируют семейные ценности, а мы все вопим про сексуальную революцию. Ну, и кроме всего прочего, пусть бы их фавориты Жолдак и Серебренников работали так же профессионально тщательно, как Ашер, у которого все-таки налицо мастерство, много умений, классная работа с актером. Если все-таки рассматривать наш театр не только в пределах Садового кольца, то нас больше. Надо бы не молчать. И потом мы все-таки объективнее, хотя бы потому, что способны признавать достоинства своих врагов, а у них принцип – корпоративность превыше всего. Мы способны видеть положительное и у Херманиса, и у Серебренникова, и у Давыдовой и пр. Для них театр делится на «наш» и «не наш», «новый» и «старый». И формулировки у них тупо тоталитарны: только так играть, как мы скажем, а не иначе! В сущности, демократизма и равенства мнений (доказательных!) они не признают. Для нас и тех, кто старше, все-таки театр делится на «живой» и «мертвый», профессиональный и нет, и его неудачи нас волнуют. Это я и написала по поводу Оренова. Фраза С. Л. Цимбала (*российский театровед, 1907–1978*) «Неудача театра – наше общее несчастье» актуальна до сих пор.

17 июня

Прочла **«На Верхней Масловке» Д. Рубиной**. Фильм К. Худякова, конечно, хуже. Некоторые внутренние монологи и мотивировки из книжки в фильме потерялись, и все стало психологически более плоским.

Миронов все-таки первым номером играет. А Фрейндлих, что самое неприятное, собой любит, даже кокетничает своим мастерством. А. Бабенко играет совсем не то, что в книжке. (Но дело не только в ней, но и в сценарии, максимально обрезавшем эту сюжетную линию.) Там «жена гения» куда интереснее и самостоятельнее, может перечить даже самой старухе, а в фильме она почти мещаночка, слишком практичная, слишком женщина, не личность.

Но что интересно: я бы и по книжке не сказала точно – есть ли талант у обоих, у старухи и мальчика Пети. Вопрос – талантливы ли главные герои, старая скульпторша и молодой 40-летний режиссер-критик, в книге остается открытым, а в кино еще больше запутан. «А это для вас важно?!» – спросил меня Кама по поводу «Черного монаха». Для него – нет, для меня – да. Вернее, на этот вопрос надо ответить, если уж не тогда, когда читаешь, то уж когда кино снимаешь точно. Тогда вопрос о том, пропала ли жизнь, упущен ли шанс, становится драматичнее. Худяков, по-моему, на вопрос не ответил.

Замечательный финал у повести (тоже, кажется, в кино опущенный) с цитатой из Карамзина: **«Пора гасить свет, но для чего сердце не теряет желаний с потерей**

надежды?» Однако старуха все-таки прожила 95 лет, ей легко это цитировать, а мне вот соглашаться пока больно.

В повести и еще кое-что есть для оценки наших внутрицеховых поколенческих проблем. Старухина оценка поколения Пети: «У вас не таланта, а сюжета нет. Нет у вас сюжета собственной жизни, вы вяло живете, понемножечку, по глоточку. Все вы испуганы прошлым, хотя и не попали под его гусеницы... Вот вы, рождения каких-нибудь пятидесятых, трагедий не знали, а как задавлены, как ущербны! И жизнь ваша тесна, как малогабаритная квартира...<...> Свободы нет, голубчик, нет пространств... Пепельницу опишете так, что Бунин от зависти в гробу перевернется, а страсти нет. А искусство – это страсть. Это любовь. Это вечное небо... А вы за пепельницей неба не видите».

Это в театре и мое поколение, и то, что следует за нами.

* * *

Современные интеллектуалы – тоненький слой, как бензин на луже.

18 июня

«Васса» М. Горького, реж. Б. Щедрин, МХАТ Т. Дорониной.

И она, конечно, в главной роли. Глыба, кусок мраморного антика. У меня было ощущение, что я вернулась в театр моего детства. МХАТ моего детства. Когда она на сцене, интересно все, когда уходит, сразу хочется спать. Оправдывает героиню абсолютно, чем разваливает всю пьесу, потому что обвинения Рашели про класс звучат глупо. Дорониной, конечно, надо было играть «Первый вариант», васильевский, он ей по сути ближе. Но поздно, там был у Вассы роман, а это уже играть неудобно. Она играет «просто человеческую женщину», как говорит о Вассе дочь.

Ей под стать только двое партнеров – Ю. Горобец и А. Самойлов. Смачно, вкусно, с проживанием.

У нее роль выстроена, как музыка, каждая реплика звучит, как афоризм. Фразы рубит, вколачивает, но у нее и это органично. Историю свою рассказывает (про замужество в 16 лет, про то, как муж бил, как пролитые сливки с сапога его слизывала, как 9 детей родила и 6 похоронила) тяжело и мощно. Сразу понятно, какой же силы личность этой женщины, какой путь она прошла – от сливок до пароходства. Монолог «люди плохие» – замечательный. «И вот полтора десятка лет я везу на себе этот воз» – говорит от себя, конечно. Эта Васса быстро отходит, цепкая, живучая, живет по обстоятельствам.

В роли много юмора и быстрых переходов – от воительницы к матери, от строгости к доброте и растерянности перед детьми, которых надо обеспечить, спасти, а они такие нестойкие. С горничной новой говорит, как с дурочкой, тихо вколачивает в нее фразы – что должна сделать, как сказать. Рашель при встрече с Людой хлопает ее по попе. Доронина (это, может, и не заметил никто, кроме меня в первом ряду) одергивает дочери юбку – а то замуж не выйдет.

Декорация В. Г. Серебровского будто Дом Горького на Никитской, с эркером и мозаикой, а в росписи стен узнается то К. Сомов, то еще кто-то.

Опять под финал вспомнила про Толю Васильева. Вокруг таких монструозных людей всегда почему-то крутятся либо убогие, либо подлые. Другие, видимо, не выдерживают, уходят. «Закон судеб-с», как говорила другая героиня Дорониной.

19 июня

«Антигона» Ю. Любимова

Странное дело. На премьере мне было скучно, а сейчас безумно интересно. Может, дело в том, что тогда Креонта играл Ф. Антипов? Он что-то везде не тянет, вернее, тянет лямку, но не включается в действие. А теперь играет Тима Бадайбели. Вышло по-брехтовски, наследство поэтических спектаклей (все хорошо говорят). И как продолжение «Доброго человека». История выбора. И вернул хору его место и роль.

20 июня

«1900» Олега Меньшикова. Его Товарищество.

Зал битком, но не так, как бывал на Някрошюсе.

Л. Варпаховский (*театральный режиссер, сценарист, 1908–1976*) (из письма): «Обычно, когда актер распускает себя и поливает сцену слезами, публика остается равнодушной и только удивляется, что слезы настоящие и как их много... Гораздо большее впечатление на публику производит, когда актер сдерживает слезы, подступающие к горлу, и занят ситуацией роли... Вот тогда слезы льются в зрительном зале. Это гораздо большего стоит». «Разжалостливание себя».

* * *

ТВ-Культура. «Линия жизни» А. Бородина.

Мне очень понравилось. Алеша был такой естественный, спокойный, не суетливый. Говорил с достоинством, но демократично, открыто, как человек, который совсем не красуется, не хочет кому-то понравиться. Странное дело. Он никогда не считался сверходаренным, гениальным, шел по жизни ровно, правда, всегда вверх, но от его спектаклей никогда не «заходились». Его легенда – это Кировский ТЮЗ, пик его московской популярности, наверное, щекочихинская «Ловушка». В советские времена он мне казался старомодным, не слишком смелым и формалистичным. А вот сейчас он как никогда объективно нужен. Нужен его нормально ориентированный молодежный театр, важно, что он «школу» помнит, делает театр добротный, человеческий. Важно, что говорит: нужно ставить ту пьесу, которая удареет. Все-таки! В отличие от того уродства, что поддерживает О. П. Т.

Рассказал, как Т. Стоппард (*британский драматург, режиссёр, киносценарист и критик*), впервые к ним приехавший и посмотревший спектакли в РАМТе, признался: «Я счастлив, что оказался не умнее спектакля».

Когда его спросили, куда детей в театр водить, сказал примерно то же, что и я лет 7 назад: в Малый, в Большой, туда, где учат человеческому, сначала надо понять канон (хороший), потом можно разглядывать изыски. Сказал, что лучший детский спектакль, на который он водил своих детей, это «Щелкунчик» Ю. Григоровича с Е. Максимовой и В. Васильевым.

Одно его признание мне очень понятно, странно, что оно от мужчины. Когда родилась дочка, главное чувство, которое он испытал, не радость, а тревога, тревога вообще и по любому поводу. Это и я с обоими детьми чувствовала.

21 июня

«Офис» Ингрид Лаузунд, реж. Р. Козак, хореограф А. Сигалова, Театр Пушкина

Этот спектакль внесли в список для голосования «гвоздя сезона». Многие, в частности, Маринка Тимашева, советовали посмотреть и очень высоко оценили. М. Давыдова назвала его чуть ли не лучшим в сезоне (?!). Я проверила. Немецкая пьеска очень ловкая, внятная, по законам написанная (а наши говорят, что Козак из г.... конфетку сделал). Цепь сценок, скетчей, вполне абсурдистских, про жизнь офиса, в котором пять человек (две девочки и три мальчика) борются за место под солнцем. Вся заслуга в том, что хороша работа Сигаловой. Он решен пластически. Но Рома то, что должен был сделать, совсем не сделал. Причем, для

этого требовалось ремесло и только. Если бы спектакль шел не 2 часа, а 1.15, да если бы режиссер простроил его изнутри, т. е. играли бы плотнее и с внутренним развитием, цены бы ему не было. Тогда бы это могло стать хитом. Пять разных человек, но не роботов же, здесь лишь намеки на индивидуальность, а если бы была судьба в паре-тройке подробностей. Вот как у Камы в «Зукко». Даже если это фарс, даже если нет видимого конфликта, он должен быть внутри, т. к. действие должно же куда-то двигаться!!! Это невыносимо видеть, как они игнорируют профессию, а называется это «сегодня надо ставить по-новому».

22 июня

Умер Г. Крынкин (*советский и российский актер театра и кино, 1937–2008*). Бедный, отмучился. Такой был крепкий мужик, а болезнь его, говорят, скрутила так сильно, что даже со сцены увела раньше времени. Жалко. Однажды я сделала ему приятное – не будучи с ним знакома. Написала про «Маскарад» Л. Хейфеца (*театральный режиссёр и педагог*). В спектакле должен был играть О. Борисов, но отказался, поссорился с Лене́й. И все критики обрушились на Крынкина, как на главного виновника неудачи с позиции «он не О. И., это не его роль». Но он спасал театр и играл прилично, и мне что-то почудилось в этом спектакле, я поняла, про что он, я оценила его мощностъ мужскую. Намек на криминальное прошлое Арбенина стал явнее. Во всяком случае, эта роль, в пух и прах изничтоженная критиками, мне была дороже его привычных ролей в спектаклях «На бойком месте» Хейфеца и «Сердце не камень» Морозова.

23 июня

Умерла Наталья Бехтерева. 82 года. В больнице в Гамбурге.

* * *

Была в Доме актера, заносила деньги за абонемент в бассейн Мише Аракелову (*рефери́нт ДА*).

Почему-то на Арбат вынесли книжные развалы. Никогда такого не было. Не могла пройти мимо, хотя денег было с гулькин нос. Купила за копейки «Воздушные пути» Б. Пастернака (50 р.) и «Жизнь и судьба» В. Гроссмана (150 р.). У меня все в журналах, тлеет, по листочку распадается, а так – книжка. Только кто это все будет читать? А вдруг внуки будут? Или, как сказал Паша-циник, дети помянут добрым словом, продавая библиотеку: «Хорошее наследство мама оставила».

24 июня

«На бойком месте» Ю. Иоффе. Театр Маяковского. Филиал.

Какое милое театральное здание, и как мне в нем всегда не везет. Шла, потеряв бдительность, потому что Маша (*Янюшкина, координатор Экспертного совета драматического театра и театра кукол*) и Анаид (*Оганесян, театровед*) и, кажется, О. Глазунова (*создатель и художественный руководитель и режиссер «Тетра 31»*) с А. Гончаренко (*театровед, сотрудник Кабинета театров для детей и театров кукол СТД РФ*) их поддержали, сказали, что спектакль приличный.

Что ж там приличного? Бойко, весело, в хорошем темпе, с хорошо подобранной музыкой, добротной декорацией А. Глебовой. Очень по-антрепризному, неглубоко. В отличие от Л. Хейфеца (у него был бандитский разгул, беспредел), здесь четко выстроен любовный треугольник Миловидов, Евгения и Аннушка. Играют не драму, а водевиль, не всерьез, а шутя и ерничая. Получается, что Аннушка, со своей невинностью и влюбленностью, со своими тирадами про высокие чувства и людей без совести – курица (она так и выглядит; откровенно

смешно; эдакая наивная Купавина, даже отравиться не может нормально). Когда в финале Миловидов увозит ее к себе, она лежит у него на руках, растопылив ноги, да еще в шерстяных носках – для утепления образа.

История была про настоящую любовь, вспыхнувшую между богатым помещиком и бесприданницей, живущей в воровском притоне. Золовка ее оговорила, помещик обиделся, стал крутить шуры-муры с хозяйкой, потом его глаза открылись (не мог уйти от Аннушки, потому что любил и верить не хотел, и простить готов был воров). Вукола и его жену Евгению, он, как мог, наказал, а невесту увез. (Вдруг вспомнила, как играли «Позднюю любовь» у С. Женовача на курсе, ее У. Баялиев делал. Вот где был и детектив, и простодушие, и лукавство. Но... характеры были соблюдены.)

Но тогда надо проверять логику всех персонажей, сводить всех к общему знаменателю. А они играют, кто во что горазд. Вышла развлекалочка. Касса у спектакля будет, без премии обойдутся. Зачем поощрять это?

25 июня

Умерла А. А. Казанская.

15-го я звонила ее поздравить с днем рождения, ей исполнилось 88. Говорила с Олей, А. А. была на даче, а Оля собиралась куда-то в Сибирь с театром на гастроли. Я хотела А. А. набрать по моб., но так и закрутилась. Теперь опять чувство вины и тяжести неимоверной. После того, как я написала ее портрет в книжке, мы стали как бы дружить. На Новый год она мне вдруг позвонила и поздравила, сказав, что теперь ей мало кому хочется в этот день звонить, а мне захотелось. Это было ужасно приятно. И Л. Максакова ей звонила и очень хвалила мой текст. (При этом Максакова мне не позвонила и за себя спасибо не сказала.) Несколько раз в год после этого мы созванивались, и я к ней ходила в гости. Сначала на Студенческую, а потом на Плющиху. Они с Олей устраивали мини-прием, стлали на свое красное дерево хрустящую скатерть, какой-то там фарфор и хрусталь, и мы выпивали-закусывали и беседовали. А как здорово было организовано празднование ее 85-летия в Доме актера, на 7-м этаже, в отдельном зале. Были ученики, (Ю. Рутберг, А. Лобозкий, А. Лысенков и еще кто-то), были «друзья дома», В. Молчанов (*советский и российский теле- и радиоведущий*) и А. Дмитриева (*советская теннисистка, советская и российская спортивная журналистка и телеведущая*), которые оба оказались лучше живьем, чем в телевизоре. Он – искреннее, не такой сладкий и равнодушный. Она – в сто раз умнее, остроумнее и обаятельнее.

А. А. грустила, когда я звонила редко, Генку просила передать, что я ее забыла, и она откажет мне от дома (шутка). Вина перед ней осталась страшная. По-моему, мы были у нее год назад. Так я и не расспросила ее о Барнете. Мне так хотелось написать про него, чтобы восстановить справедливость. Не уговорила. Она однажды отрезала, что говорить не будет, а я больше не лезла. А в последний раз она вдруг, когда Оля и Генка ушли, стала мне рассказывать про свой роман с П. Вильямсом (*советский живописец, график и театральный художник, 1902–1947*). Диктофон я включить не могла, вечером что запомнила, записала, но и это уже не проверишь. И теткин письма опубликовать я ее не уговорила. Ощущение невозможности вернуть что-то и переделать гнетет страшно.

Почему-то первым, кто рассказывал по ТВ об А. А., был **В. Фокин**. Паша Л. мне потом рассказал, что телегруппа просто пришла в училище, и Фокин оказался первым, кто попался им на глаза. Медийная фигура. Понимаю и Валеру: отказаться было бы неловко. Но А. А. это было бы точно неприятно. Она была о своем зяте невысокого мнения и любила мне эту историю повторять – как она его отлучила от дома. Хотя, кстати, Ольга была бы ему самой хорошей женой. Умна, конечно, слишком, но, может, он бы с ней стал человечнее? В общем,

ирония судьбы, А. А. не преминула бы выступить на эту тему. А телевизионщики бестактны, как всегда.

Эх, ненадолго пережила она своего Алика Бурова. Теперь встретятся...

26 июня

День ужасный, коту под хвост. Всю ночь почти не спала. Мучают мысли. Всякие, какая ни придет в голову, все получается безнадежно. И про книжку о Каме с Гетой и др., и про диссертацию, и про самооценку, институт, статус, перспективы.

27 июня

Похороны А. А. в училище. Оля сказала, что мама так хотела, чтобы хоронили из училища, а не из театра, оно ей роднее. Да и театр оказался в отпуске. Народу было немного: Л. Максакова, Г. Коновалова, Н. Нехлопоченко, Э. Шашкова, В. Этуш, Ю. Рутберг, М. Аронова, Л. Вележева, Ю. Красков, Толя Меньщиков. Были И. Климова, из Моссовета, А. Лысенков, Илья Григорьевич Рутберг, Коля Денисов, институтские, конечно. Был Карбаускис с букетом, он же работал с Олей. Почему-то не было А. Мордвиновой и Г. Сиятвинды, хотя должны были бы быть. Паша Любимцев слова сказал и расплакался, потом мне объяснял, что, когда мама его умерла (а это было совсем недавно), у него слез не было, а «с А. А. развязало, я ей благодарен и за это».

Отпевали красиво (прежде об этом не задумывалась никогда) в церкви, что по дороге к училищу. Отпевал, видно, кто-то из учеников бывших, потому что потом сказал вполне светскую речь и сказал со знанием дела. Видела В. Молчанова с женой, А. Дмитриевой не было, наверное, в отъезде. Был и как-то странно суетился Ю. Рост (*российский фотограф, журналист, писатель, актёр*), весь седой, высохший, обидно состарившийся. Обидно – потому что он так долго оставался мужиком и красавцем с шиком.

На многое в этот день А. А., думаю, хмыкала бы. И как называли ее «великой», и как каялись, что мало звонили, мало помнили и мало приходили. Увы, и я бы могла покаяться. А теперь не исправить, хотя так стыдно. Перед той, которая уже не чувствует обид. Мне кажется, она была очень умной женщиной и гордой. Отсюда это ее предпочтение – молчать и не говорить лишнего.

Перечитала свою статью. Там так много поверхностного и банального, недоговоренного, недоспрошенного... Про Барнета мне так и не удалось упротить ее рассказать.

Ее детство прошло на Арбате, в Малом Николо-Песковском пер., д. 11. Уходила она оттуда, откуда начала.

30 июня

«Медая» Ю. Любимова. На Таганке.

* * *

«Школа злословия», НТВ. Гость – А. Ведерников.

Без симпатии отношусь к этому дирижеру, подозреваю, что главным в Большом театре он стал все-таки благодаря папе, но в разговоре с двумя «тетками», как их назвал А. Васильев, он был недурен. Умен, рассудителен, достаточно независим, шутил удачно. Хорошо говорил про публику, в которой каждой твари по паре, и про то, что поэтому в цитадели большого стиля, Большого театра, должно быть разное искусство – и суперканон, и умеренный авангард. «Тетки» с каждым разом все больше квохчут, иногда не давая собеседнику слова сказать. Слишком много говорила Толстая, что ненавидит оперу, потому что ей медведь на ухо наступил. И гордо так говорила! Дуня, как всегда, распалилась невероятно.

Много говорила про оперу «Дети Розенталя», как она любит Десятникова и какой материал эта музыка давала либреттисту и режиссеру, но они этим не воспользовались. Потом понесла Някрошюса в выражениях абсолютно неприличных, страшно свысока и безапелляционно: типа шарлатан, жулик, «все эти его метафоры...» – с откровенной издевкой. Ведерников, надо отдать ему должное, с достоинством его защищал. Вспомнились и Марина Д. с Ореновым. Вспомнилась и «Школа» с К. Серебренниковым, когда «тетки» облизывали мальчика, хихикали по поводу старомодных критикесс, «позволяющих себе». Были явно не подготовлены, т. е. попросту не смотрели его спектаклей. Или предположить, что куплены? Вроде не хочется. Но вкусовщина расцветает и в этой передаче, чем дальше, тем больше.

3 июля

Радио «Говорит Москва». Записали с Лешей Демидовым и Пашей Любимцевым часовую **передачу памяти А. А.** Я осталась неудовлетворенной. Не знаю, почему. Послевкусие. Перед нами записывалась О. Дроздова. Похорошела после рождения сына, похудела, успокоилась и внешне и внутренне. Мила, воспитанна, умна.

5 июля

Передача про А. А. Казанскую. Предчувствие оправдалось. Я себе в принципе не понравилась. А уж мама, послушав, сказала все. Возразить было нечего. Она страшно озлилась на Пашу: «Он не давал тебе слова сказать. Ты что, не могла быть понапористей?» Как всегда, все при наваре, кроме меня: Леша сделал хорошую передачу (тому, кто слушает, важно узнать про А. А., а от кого – какая разница), Паша сделал себе и Училищу рекламу, почитал стихи. Это я придумала – чтобы кусочек из «Сирано» послушать и чтобы Паша посвятил А. А. какие-то строчки (он прочел «Актрису» Пастернака, посвященную А. П. Зуевой, ну и что). «А кто об этом знает?!» – сказала мама и, припомнила историю с вечером В. Севрюковой. Когда основные повороты сюжета и ходы придумала я, а Паша Тихомиров даже не вписал меня в титры телепередачи. И все мне потом об этом с недоумением сказали. Что-то со мной происходит. Я как-то плаваю в пространстве, и воли к жизни, а тем более к борьбе, нет никакой. Надо, видимо, всегда уметь расставлять локти, а меня этому совсем не научили...

* * *

День звонков

Звонила **Рите Литвин** (*научный сотрудник музея театра им. Вахтангова*) (встретились недавно на похоронах А. А., она в грустях). Сказала, что окончательно осиротела, потеряв в этом году самых близких: Юру Борисова, сына О. И., и В. Мишарина (а я и не знала, что они дружили). Жалко и Аллу Борисову, которая похоронила и мужа, и сына, и осталась одна, как перст. Рита сказала, что она занята теперь увековечением их памяти. Понятно, но тоскливо. Олега Борисова к его юбилею вспомнили и тут же сразу опять забыли.

* * *

Звонила Д. Крымову. Просто так, давно не говорили, поздравила Инку с прошедшим днем рождения, сказала, что Диме не дозвонилась 3-го, в д.р. Эфроса, послала sms, поэтому тоже решила перезвонить. Слышу опасные «звоночки» в том, каким он становится, но верить не хочу. Недавний разговор с Анаид: ей тоже не понравился (и активно) «Демон» – по тем же причинам, что и нам с А. Михайловой! Вспомнила давний разговор с М. Токаревой, которая рассказывала про влияние Инки на Диму, не верное, слишком практическое.

Меня Дима пригласил на премьеру – не 5, а 10 октября, в день рождения. «Правда, там еще фестиваль «Территория» будет, а ты же на него не ходишь», – и хихикнул. «Почему же это я не хожу? Дуру из меня не делай. Я попасть туда не могу. Я просила как-то Инку, она обещала меня провести, но не провела». Надо было сказать иначе: «Трусите со мной на «Территории» светиться, чтобы Серебренникову не разонравиться?» Не умею язвить. «Деликатность без границ».

6 июля

И сегодня день ушел в песок. Ни строчки не написала, не расшифровала. Уже шесть дней пытаюсь уговорить себя позвонить Каме, и нет куража. Дети расстраивают. Любви и ласки от них мало. Впрочем, меня в этой жизни никто никогда не жалел слишком много. И много не хвалил.

* * *

Умерла Нонна Мордюкова.

Очень хороший некролог (хотя это звучит немного глупо) написала Т. Москвина.

* * *

Постдраматический театр (*книга известного немецкого театроведа Ханс-Тиса Лемана*), перевод В. Колязина.

Дискуссия в «Театре». Сосватала туда Р. Кречетову, а сама хотела поучаствовать, да сил не хватило. О чем-то думать, размышлять еще хочется, а написать, отшлифовать, довести до ума и до читателя уже не хочется. Все-таки я в какой-то перманентной тоске пребываю.

Остались кое-какие мысли по поводу театра хайтековской эры.

Постдрам. – это еще театр или уже разновидность нового искусства? Про него уже не скажешь шедевр, произведение искусства – продукт, хорошо упакованный продукт...

Выходит, что цивилизация помогает человеку деградировать.

Постдраматический театр – зрелище для снобов, эстетов и жлобов (которых все время надо удивлять и которые от этого соседства с «интеллектуалами» совсем раздуются).

Кто будут зрители такого театра? См. «Игру снов» Б. Уилсона. Надо знать текст, чтобы понять, испытать толчок, настроение... а иначе на такой театр будут глазеть как на подиум, но скоро это наскучит, и его «опустят», как и обычный театр – захотят рыбенького.

Понимая, что происходит с театром, Т. Кантор был честнее. Он свои отношения с текстом свел к минимуму и сам эти тексты писал, не корежа чужие. Иначе где критерии? Где границы дозволенного? Режиссер становится паразитом на тексте, человеком, который, не умея выдумать свое, пакует чужое. Господин оформитель, сочинитель упаковок. Вообще-то это неприлично – оставлять в спектакле текст, но смысл его менять. Примеров в театре – сколько хочешь.

Идея немца Лемана: актер не создает теперь образ, а «представляет тему тела». Возможно, у С. Макберни (*известный английский режиссер, сооснователь и художественный руководитель театра «Комплисите»*) это так, но для других, неумелых, это такой удобный тезис, чтобы оправдать дилетантизм всех мастей. «Синее чудовище» какое-то. Эта немецкая книжка провоцирует режиссеров из создателей превращаться в службу. Средние – сегодня выживают и выигрывают. А для идеального постдраматического театра надо много профессиональных умений. Они не ценятся.

8 июля

70 лет А. Мягкову (*советский и российский актер театра и кино*). Мне казалось, больше. Он, наконец, прервал обет молчания. На «Культуре» прошла передача «Двое», про него и А. Вознесенскую (*советская и российская актриса театра и кино, жена Мягкова*), где он был очень сдержан, суров по отношению к сегодняшнему театру, вспоминал Ефремова самыми высокими словами. Про сегодня сказал, что культуры театра нет, что часто в современном театре ему стыдно, что, поглядев по ТВ только кусочек чьей-то премьеры, он решает никогда на нее не ходить. В передаче хорошо говорил о нем ученик, Р. Козак. Вот интересно, а что учитель ему говорит про его сегодняшние спектакли?

10 июля

Марина Заболотная (*театральный критик, Санкт-Петербург*) рассказала мне про статью Москвиной в «Аргументах недели» о «Горе от ума» Туминаса. Я прочла. Ужасно! Какой-то шовинистический злобный бред! Не замайте литовцы наших святынь, а то зарубим. И при этом в следующем номере – благостное, даже умилительное интервью с С. Враговой. Если никогда не видеть театр «Модерн», можно подумать, что он в Москве – из первых, ведущих, самых интеллектуальных, что-то определяющих и решающих и т. д. Как же можно создавать такую скособоченную «картину жизни»?! – Куда делись, мозги? Хотя по стилю, по словам тексты Москвиной, по-прежнему, блестящие.

12 июля

Не хочется вставать утром. Часто. Это так грустно – ни с того, ни с сего, просыпаться в плохом настроении. Вернее, без настроения. Парадокс: умирать тоже не хочется, ай, как страшно. А что-то делать, пока ты еще жив, кажется бессмысленным. Желаний нет. А ведь должны быть! Хорошенькая альтернатива. Когда смотришь назад, кажется, что столько пропустил, не сделал, не прочел, не написал... Еще чуть-чуть и покажется, что «жизнь прошла, а словно и не жил». Мама мне вчера на это со смехом сказала: «А ты посмотри иначе: столько успела, столько написала, – и тоже...». В смысле все рассыплется и уйдет с тобой.

Вдруг подумала: а что я буду делать, если Боря Любимов предложит мне сотрудничество? Как мне выглядеть перед Валерой? А он пошел бы ради меня на принципиальный отказ? А потом даже расхохоталась. Думаю, у меня не будет такого сложного выбора. «Критику на букву К.» никто такого не предложит. А может, мне не предложат, потому что все, что я делала до этого и как жила, им не позволит предложить? Т. е. выбор свой я все-таки сделала. Только раньше.

* * *

Когда надо, ничего найти не могу, а когда «Просцениум» уже печатается, пожалуйста.

К. С. Станиславский. Цит. По Н. Горчаков. Режиссерские уроки К. С. изд. 2, М., 1951, с. 234–236.

«Мир водевиля – это совершенно реальный мир, но необыкновенные происшествия случаются в нем на каждом шагу.

Жизнь в водевиле течет по всем законам логики и исключит (нрзб), но ее непрерывно прерывают неожиданности всякого рода.

Персонажи водевиля очень жизненны и просты. Ни в коем случае не надо их считать, как это принято, какими-то «странными» людьми. Их особенность – это то, что они абсолютно во все верят... Это скромный, незамысловатый по сюжету и персонажам жанр. Но зато «с душой и теплотой».

А как я искала ссылку на эту цитату, когда писала «Нитуш».

13 июля

По первому каналу **фильм про Ольгу Остроумову** «Очень личное». Автор текста и режиссер – Ольга Кузнецова. Руки оторвать! Текст такой шаблонный, такой пафосный, «имени О. Пушкиной» (смотри-ка, она становится законодательницей стиля): банальность на грани пошлости. Кондовый имперский стиль и апофеоз: как была она государственной артисткой, так и осталась. Что никоим образом не умаляет ее талант и чистоту души. Такой пример для подражания – как надо жить. Единственное, что я поняла: если люди говорят искренне и, в общем, хорошие люди, испортить до конца впечатление нельзя. И Миша Левитин (*бывший муж и отец детей*) выглядит достойно, говорит (и думает) о ней хорошо.

Что интересно: Ольгины претензии к Мише крутятся вокруг быта: все было на ней, за все отвечала она, ей это не нравилось... При В. Гафте (*нынешний муж*) (судя по его словам) осталось то же самое! Она такая же, настоящая русская женщина, которая и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет. Но ее это не раздражает. Она по-прежнему – душечка при своем мужчине, и все опять на ней. Гафт с гордостью рассказывает, как она в магазины, не уставая, бегаёт, дачу сама построила. Просто Гафт, как умный человек, не устает это замечать и всегда ей говорить – какая она хорошая. А Миша – по молодости ли, по эгоизму – считал само собой разумеющимся. Если бы она не обращала внимания на его погуливания, всегда бы оставалась – «первой женой», на пьедестале. А Гафт – просто в том возрасте, когда уже ценят покой, комфорт и домашний уют, который Ольга умеет создать. Неизвестно, что было бы, если бы они встретились раньше.

14 июля

Концерт Soundramy В. Панкова. ЦИМ.

А я и не знала, что у них юбилей. Хотя, как сказал Володя перед концертом, то ли 10, то ли 12.

Концерт был замечательный. Заводной. Хотелось к ним на сцену. Для меня это показатель живого и настоящего. И, конечно, у Володи, несмотря на то, что он такой воробышек с виду, огромная энергетика и обаяние. Он лидер.

* * *

Оказывается, сегодня **день рождения И. Бергмана – 90 лет**. По «Культуре» показали **фильм «Бергман и остров Форё»**. Такой светлый! И опровергает миф о его мрачности и кровожадности по части журналистов. Он говорит так откровенно и о таком личном. Может, конечно, ему понравилась автор фильма, Мари Нирерёд. Он с ней даже в кадре откровенно кокетничает.

У него было пять жен, есть девять детей, плюс фильмы – прекрасный след на земле. Показали, как они все к нему приезжали, видимо, на день рождения. Все дружат. Все понимают, что гению можно. С последней женой, которую похоронил, он прожил 24 года. Когда Мари спросила его, как он умудрился снять в одном фильме двух своих жен, одну, с которой только что расстался, и другую, с которой завел роман, он глубоко задумался, потом забормотал что-то невнятное, потом, улыбнувшись, сказал: «Я был молод и неопытен...» Она, с удивлением: «Но вам было тогда 47 лет!» Пойманный, он расхохотался: «Я обычно говорю, что вышел из подросткового возраста, когда мне исполнилось 58».

Рядом со своей подписью рисует чертиков с вилами.

«Мне нравится думать о человеческой святости» – цитата М. фон Зюдова (*шведский актер много снимающийся в фильмах Бергмана*) из фильма «Частые беседы» (1990). Бергман все-таки режиссер-проповедник, и такой неагрессивный. Чтобы в 1990 году (!) ставить такой невыигрышный фильм, надо иметь характер.

«Благодаря музыкантам, пророкам и святым, мы узнаем о других мирах» – это он сказал в кадре после разговора о святости.

«Мы проживаем свои жизни в ожидании смерти».

Автор спросила о его демонах, он показал список («Я подготовился») и стал перечислять. Демон самый худший – демон катастроф. Любых. Его всегда преследовала мысль, что «завтра все пойдет неправильно», и его фильмы станут никому не нужны. Т. е. ощущение напрасности усилий (это уже я). Демон страха – боюсь всего: людей, толпы. Тоже так понятно для большого художника. Демон педантичности и пунктуальности. «Ненавижу, когда люди являются в последний момент». Демон ярости – унаследовал его от обоих родителей, я очень раздражителен, вспыльчив. «Демоны, которых у меня нет»: демон ничтожности, он придет, когда способности делать фильмы и фантазия меня покинут. Демон злопамятности. «У меня память, как у слона». Видимо, гении – так несправедливо обижают близких, когда дело у них не клеится, что они про это забывают.

* * *

После этого фильма посмотрела «нашу» современную лабуду. Опять с незнакомыми и на лицо не различимыми артистами. Подумала, что Табаков в театре использует ту же киношную политику: все, мало-мальски стоящее или обещающее, тащит к себе, чтобы использовать и 1)выкинуть, если ничего не получится; 2) продолжать эксплуатировать на всю катушку, чтобы выжать все возможное. Вспомнила, как 3 июля мы опять собирались у А. Рубинштейна. Он все хочет сделать книжку (и еще пару сборников!?) по МХТ, к пятилетию Табакова в этом театре. Материал по зрителям и эксплуатации у них, действительно, уникальный. При всей трезвости А. Р. продолжает с веселой улыбкой и восхищением говорить, что Табаков – гениальный кризис-менеджер, может делать деньги из воздуха. Наконец нашли для него необходимое определение. Да, но он же не завод из руин восстанавливает! Он вроде искусство должен производить. Еще А. Р. сказал, что, благодаря моему прошлому выступлению на круглом столе, когда я определила табаковскую программу как – «успех любой ценой», он теперь в лекциях это использует. Даже какой-то научный термин изобрел (или вспомнил).

15 июля

«Женитьба». Ленком.

Юля (*Косарева*) настояла на том, чтобы я посмотрела Ваню Агапова в роли Кочкарева. Скрипя, но пошла. И неожиданно получила удовольствие, которого не получила в первый раз. Конечно, неглубоко, не концептуально, непринципиально, но налицо замечательная труппа в хорошей форме. Как они интонируют! Что там Малый театр! Профессия в руках Марка Захарова! Умеет закрутить. И. Чурикова, которая на премьере наигрывала (как, впрочем, все) сейчас так уютно и вкусно расположилась в роли – удовольствие наблюдать. Грустным клоуном выходит О.Янковский, но он совсем идет от себя (как и Л. Броневой, который и в Африке Броневой), и это трогательно. Саша (*Захарова*) – трогательная в финале, даже почти красива, когда понимает, что все кончено. Даже прыжок, не Марком А. придуманный, выглядит эффектно.

Варе Волковой – педагога по речи.

Вите Ракову – войти в ум и чуть-чуть души потратить, что-то он стал холоднеть, как Д. Назаров.

А А. Збруеву... надо роль совсем переделать. И, главное, это легко! Надо пойти от себя, своего обаяния мальчика-старичка. Было бы, кстати, и смешнее, и тоньше, и трогательнее.

В декорации есть воспоминание о О. Шейнцисе. Хотя все грубее и проще. Разве сравнить это с «Ва-банком»?

«Седьмая печать» И. Бергмана.

Стыдно, но я раньше не видела этого фильма. 1957 г., а до сих пор впечатляет. Бергману было 39 лет, когда он его сделал. Самый возраст, когда начинаешь переоценивать ценности, думать, так ли жил и чувствовать, что смерть впереди уже маячит. Это такая сага, притча: северный скудный пейзаж, холодное море, камни. Главный герой – человек, который задает вопросы. Многоголосие. Полфильма герои, самые разные, из разных мест идут навстречу друг другу – и ангелу смерти, с которым один из них, М. фон Зюдов (молод, беловолос, красив необыкновенно, какой-то средневековой красотой, даром что изображает рыцаря), играет в шахматы. Играет на жизнь. Герои знакомятся, с какого-то момента едут вместе через лес, от чумного города, вслед за рыцарем. А когда он приезжает домой, их всех и настигает ангел смерти. Тут интересны три момента.

1. В городе, охваченном чумой, в кабаке люди говорят о том, что можно спастись от смерти, покайся, став лучше и тут же начинают травить слабого, смеяться над ним и получать от этого удовольствие. Человек неисправим.

2. Герой Зюдова весь фильм рассуждает о боге, которого он не нашел, в которого не верит. А в последний момент именно он вдруг начинает истово молиться за друзей, чтобы Бог спас их от ангела смерти, оставил жить.

3. Смерть забирает грешников, людей, осквернивших землю: рыцарей, пришедших опустошенными с войны, бесплодную жену рыцаря, труса, бабника, неверных мужа и жену. А оставляет – (вернее, они на полпути сами уходят от этой компании, что тоже символично) лишь семью бродячих артистов, почти дурачков, простодушных, любящих друг друга и свое дитя, наивных, добрых, идиллических, мечтающих, безобидных. То, что спасаются только они, конечно, символично.

17 июля

«Земляничная поляна» Бергмана. И тоже 1957 г. Фантастика! Два таких фильма рядом?! Когда девочка, которая случайно повстречала старого профессора Борка на дороге, сказала ему на прощанье: «Я тебя люблю: сегодня, завтра и вовеки веков», я вдруг заплакала. Да так, что остановиться не могла. И почему-то все время вспоминала маму – и свою ежедневную вину перед ней. Говорить с ними откровенно я больше не могу. Всегда только одна мысль – только бы не проговориться и как-нибудь невзначай не навести их на мысль о смерти (а я ведь сейчас так часто стала ходить на похороны). Какая же печальная штука – жизнь. Сколько мизантропии и одновременно любви к жизни, к людям, к святости и сочувствию в фильмах Бергмана. Мне всегда казалось, что смотреть его трудно. Ничуть. Такие прозрачные истории, такой разреженный воздух, никакой назидательности. Его надо смотреть время от времени. Это примиряет. После них такой же печальный покой в душе воцаряется, как, наверное, у верующих людей после исповеди. А ведь ничему не учит. Просто рассказывает истории. Он гений.

18 июля

75 лет Е. Евтушенко. А я думала больше. И в телевизоре, и тогда, на вечере М. Рощина, он выглядел немощным старичком. Нет, все-таки мои родители крепче и бойчее. Какое счастье!

* * *

«Сарабанда», последний фильм 85-летнего Бергмана. 2003 г.

Разговор мужа с бывшей женой. Герою (Э. Йозефсон, *шведский актер театра и кино, 1923–2012*) – 86, жене (Л. Ульман, *норвежская актриса*) – 63. И во всех их диалогах (тем более, если знать, что Ульман – бывшая жена Бергмана) угадывается что-то личное. «Священник сказал, что хороший брак основан на двух вещах: хорошей дружбе и регулярном сексе».

В героях и этого фильма звучит постоянная тема Б. Человек, который жив, но уже мертв, человек, который боится, будучи еще живым, понять, что он уже умер.

В осадке, в последнем монологе Ульман о сумасшедшей дочери, сквозь слезы – тоска по утерянной гармонии поколений, отцов и детей, и слабые поиски того момента, когда все разладилось, когда связь порвалась и родители перестали чувствовать, ощущать в себе своих детей.

Временами чувствуется, что рука режиссера ослабела. Многословие. Монологи длинные, слова, слова... Психологически не проработаны, монотонны. Слишком многое договорено, что, как говорит Кама, не надо объяснять. И зрительская завороченность кадром возникает уже нечасто. Не вбирает тебя, можно отвлечься.

Зря перед фильмом показали, как снимали это кино. Пропала часть впечатления. Если знать, что все снималось в декорациях, даже природа, бросается в глаза деланность, замечаешь причесанность фона. И кадр неглубокий, как на видео.

Девочка из фильма похожа на всех любимых женщин Б. Тот же тип. Слишком простая красота его героинь, «крестьянскость», грубоватость.

Монолог Ульман о бывшем муже, сочувственный: о нем говорили плохо, а он ей казался хорошим, добрым, беспомощным. А сейчас он жалкий (не «кажется жалким», а именно «жалкий»). Уж не монолог ли это Ульман о Бергмане, каким она его знала?

Почему отец с дочерью спят в одной постели?! Этого не объяснил. Как и их поцелуй в губы.

Забавно: встречаются отец и сын, а говорить не о чем, нет порыва, хотя они знают, что скоро расстанутся, жизнь не вечна. И опять намек, что отец спал со своей невесткой. Но такой глухой намек (намек пуританина), что это повисает вопросом без ответа.

В сцене отца и сына есть внутренний конфликт, и она живая, за обоими интересно наблюдать, а сцены жены и внучки, отца и дочери монотонны.

Жестокая старость: в 86 лет отец говорит 60-летнему сыну, что он ничтожество, и его презирает. В глазах сына слезы, и этот крупный план, потрясающий по боли.

«Жизнь сама по себе ритуал».

А в следующей сцене сына и бывшей его мачехи – сын улыбается радужно, а говорит об отце с ненавистью, бессильной, привычной, не вкладывая в это страсти. Это по-человечески так страшно. Но как искусство не потрясает. От ума впечатление приходит в сердце. Тут слезы, как на «Земляничной поляне» не брызнут.

Слишком жесткая конструкция, как сказал Кама о Кочергине.

Искушение внучки дедом: уезжай от отца, живи, несмотря ни на что. Она принимает свое решение, не признав ни отцовского, ни дедовского.

* * *

Иногда мне кажется, что я проживаю судьбу (по типу) 70-сятников, хотя формально к их поколению не принадлежу. Но так уж получилось, что в профессии я больше всего

сталкивалась с ними и они меня признали, как профессионала. Что я имею в виду? Что все достается поздно, приходит, но с запозданием, и за все надо платить так дорого.

Каму в этом месяце наградили «Хрустальной Турандот» за «Зукко». По-моему, это четвертая или пятая «тетка» у них с Гетой на двоих. А осенью их обоих наградят «за выдающийся вклад» на «Золотом софите» – премией Товстоногова – как товстоноговских учеников. После этого, в общем, больше ничего и не надо. Гармония поколений восстановлена.

19 июля

Дневники Д. Шварц (*ленинградский театровед, 1921–1998*). Прочтала с большим удовольствием. Таня Ткач (*советская и российская актриса театра и кино*) мне подарила.

Единственное, что смутило, – 200 стр., т. е. треть книги, если не больше, – это ее доведенные девичьи дневники. А она, оказывается, была театральной «сырихой», абсолютно бескорыстной, как и все ее подружки. Но совсем безумные. Все эти их «охоты» за актерами, вылавливания их у служебных подъездов – конечно, примета времени, но есть в их инфантильной настойчивости какая-то противность. Слишком много повторов, монотонно. А временами и глуповато написано. Хотя... а мои дневники в 16 лет не глуповатые? И позже, пожалуй, глуповатые. Не случайно сама Д. М. в одном месте пишет, что молодость – это пошлость. В определенном смысле – да.

* * *

В. Соловьев. Не наш, а американский, приятель Бродского. Прочла все его тексты про И. Бродского и С. Довлатова. Много точных и подробных наблюдений. Про Довлатова пусто-вато и без любви (приводит в тексте его записки и записи на автоответчике, иногда совсем никакие, бытовые – не о чем писать?). Мол, посмертная слава его все-таки несоизмерима с талантом. Про Бродского взялся писать, видимо, не без корысти, хотя всячески от корысти отрешивается, но не забывает «потопить» по дороге других вспоминателей. Пощадил, по-моему, только А. Сергеева (*русский поэт, прозаик, переводчик 1933–1998*). Забавно, что сделал героиней и собеседницей Б. в своем романе молодую девицу. Это дало ему возможность быть поразвязнее и пооткровеннее, позволить ей (себе) критику в адрес поэта-памятника.

Но какое же многословие! Сколько экивоков, отступлений, кручений на пупе и на одном месте, бесконечная рефлексия, безмерная ирония, вот уж человек – жертва советского режима. Психика самокопания, желание все объяснить – достоевщина, Питер и советская власть. Вот такой конгломерат.

Что сильно – это уничтожение А. Кушнера. Поймала себя на том, что я в его мелкость поверила. Он мне никогда не нравился.

Хотя для того, чтобы поверить, не обязательно, чтобы это была правда. Надо писать и сильно ненавидеть. Ведь и после книжки «Анти-Ахматова» какой-то злобной дурочки (хотя, я ее не дочитала, скучно, и тоже кручение на одном месте, повторы) спотыкаюсь на ее стихах и упоминаниях (а в связи с Б. их полно). Осадок остался, непогрешимость ушла.

* * *

В воспоминаниях Э. Бабаева (*российский литературовед, 1927–1995*), моего педагога по МГУ, нашла про Ахматову. Когда ехала в Ташкент, в поезде подошел какой-то человек и повинился за свою статью о ней, написанную в 20-е годы. «Тогда можно было все писать», – сказала она. Серебряный век у нас вряд ли повторится, а вот это «можно было все» уже имеется.

Бабаева у нас на курсе обожали, хотя я не знала про его другую жизнь, узнала гораздо позже. Всегда был печален, ставил хорошие оценки на экзаменах, но перед ним было стыдно, когда чего-то не знал.

Впервые узнала, как круто обошлась с ним Н. Я. Мандельштам (*русская писательница, мемуарист, лингвист, преподаватель, 1899–1980, жена Осипа Мандельштама, русского поэта, прозаика, эссеиста, переводчика и литературного критика, одного из величайших русских поэтов XX века*). Т. е. попросту использовала и выбросила. (Хотя сначала даже написала завещание, с авторскими правами, в его пользу.) Про ее гениальную «формулу» вспомнила его первая жена, Л. Глазунова. Еще в детстве Н. Я. дружила с девочкой, а потом девочка исчезла. Когда родители спросили ее, где подруга, она ответила: «Я ее износила». Сколько же я знаю таких людей. Надо бы перечитать Н. Я.

* * *

Для Р. Туминаса и тех, кому не нравится поленица в доме Фамусова. 1971 г. «Валентин и Валентина». Фокин – Боровский. Сетки кроватей поставлены на попа и изображают клеть лифта, а велосипедный звонок изображает дверной. И никому в голову не приходило спросить – почему, хотя тогда опыт общения с метафорическим театром был меньше.

* * *

«Кому на Руси жить хорошо». Жена Ю. Авшарова. Славянская академия.

Неловко. Я позвонила ему отчитаться. Она звонила мне и, как девочка, трепетала от моих слов. Идею – переложить на диалоги поэму Некрасова, добавив, вкрапив туда другие стихи – я бы застолбила как ноу-хау. Богатая идея. А они еще поют и подтанцовывают. Всех можно показать, приучить и к индивидуальной работе, и к слушанию ансамбля. Но по большому счету, мне не понравилось. Режиссерски слабо. Из двадцати, а то и более, детей, способными показались только двое-трое. Очень много некрасивых, неинтеллигентных лиц, даже нелепых фигур. Жанр понижен, мелодрама, а не драма, а там, где драма, идет голый пафос или умильность. Внутреннего действия нет. Голосов хороших богатых нет. Говорят руками. Странно произносят текст – ударяют все слова, но не так, как у Толи (*Васильева*), а от превратного представления о том, что такое выразительно. Не зная, какое слово выделить, все произносят «выразительно», а выходит беспомощно. Вместо русскости декоративность.

19 июля

«Шарманка» А. Платонова, реж. М. Ефремов, «Современник».

Обидная неудача. Придумано важное и сложное: декорация (Е. Митта), общий тон, способ существования. Это не фарс, не издевка, это дивный «примитив» Платонова и русский абсурд, русская абсурдистская пьеса. Вспомнился Маяковский, его «мистерия-буфф», это тоже оттуда. Слева высоко – экран, на котором сначала солнечное затмение, а потом в течение всего спектакля – всякие земные страдания и катаклизмы, войны и т. д. Много мелких, но точных вещей найдено, но нет самого главного – смысла. Какого черта М. Е. достал это с полки и стряхнул с этой неважной по форме (по крайней мере) пьесы пыль. Это и не пьеса, а так, разветвленная экспозиция, наброски картин «нового мира». Что случилось – как говорит Гета. Ты зачем нас собрал? Ты чего хотел этим сказать? Текст выглядит бессмысленным.

Думала, в первом акте голова оторвется от скуки. Люди начали уходить минут через 20. Мы с Таней (*приятельница*) ушли в антракте. Мне вдруг стало дико жалко тратить на это еще полтора часа.

20 июля

«Пиковая дама» Л. Михайлова (*советский и российский оперный режиссёр и театральный педагог*). **Стасик** (*Театр им. Станиславского и Немировича-Данченко*).

Как сказала Ира Горбунова (*пресс-секретарь театра*), восстановили только остов, но понять, что это было тридцать лет назад (спектакль закрывали вместе с парижской «Пиковой» Любимова), можно. И это правда. Понять, почему цензура цеплялась, непонятно.

Может быть, потому что общее ощущение имперского холодного равнодушного к судьбе Германа и Лизы города ощущается все время. Особенно во втором акте, где бал-маскарад, где будто оживают статуи Летнего сада, а хор в белом напоминает выступающий из стены античный барельеф. Вообще массовые сцены очень живописны.

То, что с началом увертюры начинается действие (выходят и посреди сцены садятся Графиня, Герман, Лиза и Елецкий), тогда, видимо, выглядело революционно. То, что финал идет на абсолютно пустой (все игроки уходят), освещенной сцене, даже ошеломляет.

Фокус с Графиней эффектный. Пока Герман поет, призрак графини проходит на заднем плане. Провожая ее глазами, Герман раскидывает руки, допевает арию, а, когда снова складывает руки на груди, за его спиной в кресле оказывается Графиня и начинает петь («женись на Лизе...»).

Странное оформление. По тем временам попросту авангардистское (Н. Золотарев). Завышенный горизонт, отчего кажется, что город на заднике (угадываются очертания Исаак-Кия, Адмиралтейства, Петропавловки, Александрийского столпа, улиц с горбатыми мостиками) то ли плывет, то ли падает. То ли город, то ли его отражение в воде. Промежуточные (между картинами) занавесы (скорее, даже ширмы) расписаны абстрактно. Основной тон – бело-сери-черный, будто в дымке туманной. И в финале, в этой дымке, два александрийских ангела, крыльями спиной друг к другу, белый и черный. И эта пустая распахнутая залитая солнцем сцена – трагическое ощущение и тоска.

21 июля

Говорили с **Гинкасом** по телефону. Я его поздравила с «Турандот» и премией Товстоногова «за вклад», его и Гетин. Сказала, что после этого уже ничего не нужно. Он явно в хорошем настроении, на подъеме. Хорошая полоса пошла. А. Ю. Герман (*советский и российский кинорежиссёр, сценарист, актёр и продюсер, 1938–2013*) пригласил их на юбилей, 29-го празднует, они едут в Питер. Обсудили с ним ретроспективу Бергмана. Сошлись на том, что «Сарабанда» – «это для него сериал». «Но как актеры играют! Грандиозно». Его просили что-то сказать по Культуре перед ретроспективой, но он отказался. «Ну, какой я специалист по Бергману». «Вот и рассказывают теперь неизвестно кто, а вы бы рассказали о своих собственных ощущениях. Эмоционально». У Геты в среду очередная операция. Сказал, что на даче еще лучше, чем в прошлом году. Зазывно. Но мы договорились, что я сначала что-то сделаю, чтобы им показать.

«Травиата» Тителя. Стасик.

Так я скоро стану заядлой меломанкой. Спасибо Ире Горбуновой. Удовольствие невероятное. Все-таки то, что я мало сейчас слушаю музыку дома (и уж давно не пою, разучилась, и не танцую), это тоже настроение портит. А тут, я после спектакля, шла домой какая-то оглушенная и невосприимчивая к уличным шумам. Витала в облаках – тот случай. Все-таки Верди – самый мелодичный оперный композитор. Или самый попсовый. Что ни ария, то шлягер. На «Пиковой» мы с Таней еле-еле насчитали четыре.

* * *

«Подчас человек определяется тем, что у него можно отнять». Слова героя Р. Плятта (*советский актер театра и кино, 1908–1989*) из «Ольги Сергеевны» (*телевизионный восьмисерийный фильм режиссёра Александра Прошкина, поставленный по повести Эдварда Радзинского*). Хорошие слова.

23 июля

«Заяц. Love story», реж. Г. Волчек. «Современник».

Очень неплохая мелодрама Н. Коляды. (После «Гамлета» я к нему потеплела, одно сильное впечатление перебило ужасное – после «Русской народной почты».) Встреча через 30 лет двух супругов и актеров. Есть и элемент детектива, запутанной интриги. И комедии, конечно. История про любовь, одиночество, проигранное время, несостоявшуюся творческую судьбу. В общем, есть все, чтобы сделать хороший, крепкий психологический спектакль. Но В. Гафт и Н. Дорошина поставлены в трудные условия: они брошены на произвол судьбы и выплывают, как могут. Он – лучше, у него и опыт, и собственная ирония, он постоянно играл эти годы. Поэтому он разнообразнее, трогательнее, монолог Отелло читает просто прекрасно. Она – хуже, потому что много лет не играла и потому, что она, видимо, артистка дисциплинированная, но ведомая. Ей надо что-то подсказать. А режиссер подсказал так немного. Поэтому Дорошина играет на себе: с нутром, надрывом и бесконечными слезами, честно, но это не слишком трогает. Сначала мне показалась ужасной идея выпустить ее в негритянском гриме и почти клоунском наряде (по пьесе она репетирует негритянку), но потом я поняла, что так лучше, чем натурально, чтобы разглядывали ее «возраст», второй подбородок. Хотя и грим, и костюм могли бы быть с большим вкусом. А тут – наружу прелестные, совсем девичьи ножки (спектакль начинается с того, что она делает зарядку и довольно ловко), и даже когда видна попка в черных колготках, это мило и аккуратно. В общем, достоинства выпятили, недостатки смикшировали, теперь бы и сыграть – как умели когда-то в «Современнике». Но...

Самый обидный вывод – Волчек уже не может поставить спектакль: предлагает такие неглубокие, поверхностные решения, повторяет прием (Дорошина начала монолог и, плача, пошла вдоль рамп), столько психологических поворотов пропускает, так бедна фантазия... Грустно.

Хотя зритель принимает спектакль бурно. В финале – цветы, аплодируют стоя. За актеров приятно, тут по старинке: народ любит своих героев. Ко всему прочему – пошлый бытовой павильон (номер в гостинице) сделан Н. Симоновым (спасибо Серебренникову за такое «приобретение»). Так оформлять уже в 70-х считалось стыдно. А как мог обыкновенную декорацию сделать Д. Боровский.

26 июля

«А не хочется ль вам пройтись?» реж. И. Кваша.

Вот это поступок в духе истинного «Современника». Кваша эффектно отметил свой юбилей: собрал молодых актеров и сделал с ними 75-минутный (по минутке на каждый свой год) поэтический спектакль. Жаль, конечно, что стихи не равноценны – Бродский рядом с В. Тушновой или А. Барто, но дети, кажется, сами выбирали. И ясно, и про поэтов, и про детей, кто почем.

Оформлено стильно (Н. Голованов). Все в черном, но в разном, как «прозодежда». «Зеркало» закрыто занавесом, состоящим из белых непрозрачных створок. Сквозь них проходят актеры на авансцену. А когда створки подсвечивают, внутри видна музыкальная уста-

новка (рояль, контрабас, ударные), спектакль идет при живой музыке, что тоже симпатично. Стенки выложены кирпичом, как в молодежном клубе, справа – подворотня, на стене – чуть-чуть – граффити. Все в меру и со вкусом.

Больше всего понравился А. Смольянинов. Маленький, некрасивый, но столько обаяния, чувства, темперамента. И так по-разному читал – Маяковского, Бродского, Панченко и Багрицкого. Из мальчиков хорош был А. Хабаров (голос, мужская статья), зря они его потеряли (он ушел к Арцибашеву, как бы не опошлится). К сожалению, совсем не показался Е. Павлов, который так хорош у Туминаса: здесь – слабенький голос, маловыразительно. Из девочек лучше всех – Д. Фролова (уж не внучка ли?). Совсем неплохо – Я. Романова и Е. Плаксина (а у Туминаса – блестяще), неплохо и Д. Белоусова (а у Туминаса – тоже блеск). Хуже всех и даже стыдно (может, потому что ее много и стихи неважные) – П. Рашкина: такие неважные данные, подавленный голосок, банальные реакции. Но – повезло девочке: играет в театре много. Видно, безотказная и упертая.

В целом – очень симпатичный спектакль.

29 июля

«Синее чудовище», К. Гоцци, реж. К. Райкин, Сатирикон.

Были вместе с Сандриком. Вышли счастливые, стоя на остановке троллейбуса, много смеялись вспоминая то или другое. По-моему, это будет успех. Костя сделал нечто подобное вахтанговской «Турандот».

И я, наконец, закрываю сезон.

1 августа

«Проделки Скапена» Мольера, реж. С. Голомазов. Театр на Малой Бронной.

А вот уже и открыла, не успев закрыть. Хотя – это премьера закрывшегося сезона. Неплохо, если смотреть на это сильно отстраняясь, (учитывая), что театр в ужасном состоянии (и рабочем, и техническом, и творческом), что это первая работа Сережи. Сделал явно коммерческий спектакль, люди смотрят, радуются и даже хохочут.

Неплохие идеи у С. Бенедиктова и В. Севрюковой. Но лукавство и изящество их оформления и костюмов не слишком взяты в расчет.

Мне было не смешно, потому что я пьесу знаю. И еще потому, что в недрах этого спектакля еле дышит, пока еще живет другой, недоразвившийся зародыш – умного и остроумного, интеллектуального спектакля, понятного при этом для всех. Голомазов пошел по пути Эфроса с «Тартюфом», но то ли остановился на полпути, то ли потерял интерес. Это чувствуется в атмосфере спектакля ясно. Ритм его – при том, что музыка бойкая и временами очень удачная, – катастрофически стоячий. Герой – «не тот человек» (какой-то А. Никулин, да еще и засл. арт.). Никакого обаяния, глаз не горит. Еле схваченная интонация простодушной игры мгновенно переходит в хамство (у Скапена) и манерность (у всех остальных).

Замечательны только дети – «на подтанцовках», Сережины студенты, кордебалет, слуги просцениума, играют сразу всё и мило это делают, «с посылом». Среди них – паратройка очень хороших, особенно один рыжий, играющий на балалайке джаз. Им и надо было дать главные роли. Или очень смешному В. Яворскому, у которого всего лишь эпизод, но срывающий аплодисменты.

Генка (Демин) в оправдание Сережи сказал, что тот, мол, так вложил в С. Перелыгина (первого исполнителя Скапена, который, поскольку пил и был буян, сначала подвел, а потом, бедный, и умер), что на нового Скапена сил не осталось. Извините. Кому какое дело? Во-первых, и Перелыгин (хороший, кстати, был актер) на эту роль не годился. Он, скорее, Молчалин, Смердяков, Буланов, которого он прилично играл. Но никак не Скапен. А во-вторых, пьеса называется его именем! Значит, если у тебя нет Скапена (на 200 % обая-

тельного! тут динамо-машина нужна, перпетуум-мобиле, Андрей Миронов, на худой конец, Гаркалин), либо законсервируй спектакль, либо поднапрягись. Жаль, не увидела А. Самойленко, он все-таки очень обаятельный и смешной (жаль, кудри свои шикарные срезал).

Прав В. Панков – про Голомазова: «Слишком мягок». Я бы добавила: как-то непонятно мягок, гибок, скользящ... Когда заканчивал ГИТИС, так блестяще играл в Стоппарде – Арье (*Том Стоппард автор пьесы, Евгений Арье режиссер*) главную роль («Розенкранц и Гильденстерн мертвы»).

* * *

Прочла Открытое письмо Калягина Маринке Токаревой, в ответ на ее статью в защиту В. Семеновского и журнала «Театр».

* * *

Закончила читать В. Соловьева про Бродского. Никак не домурыжу А. Сергеева. Наверное, брошу.

3 августа

Умер 90-летний Солженицын. Эпоха отошла.

* * *

Чистые, как слеза, детские, по стилю и радости, воспоминания Капы Пугачевой. (*Клавдия Васильевна Пугачёва советская актриса, известная по фильму 1937 года «Остров сокровищ». 1906–1996*).

Сколько я пропустила в жизни.

* * *

Расшифровываю Каму и Гету. То очаровываюсь, то впадаю в уныние. Столько еще черновой работы. А получится или нет, непонятно.

5 августа

Вчера у Б. Бермана (*«На́ ночь глядя» – телепередача которая выходит на «Первом канале» с 19 июня 2006 года*) был О. Табаков. Лешка Д. рассказал, что разговор был острый, вопросы заковыристые, Т. внутренне явно был раздражен, но, конечно, рассказывал, что все хорошо, и он не намерен обращать внимание на то, что говорят всякие 54-летние дамы. Боря уточнил: зрительницы? Нет, критики. Лешка спросил у меня, сколько лет В. Максимовой. Я-то думаю, что Т. говорил обо мне, (хотя мне еще нет 54-х). Когда ребята его спросили, что он будет делать после 2010 г., когда у него кончится контракт, он ответил уклончиво, мол, пока силы есть, все отдам на благо отечества.

6 августа

Была в ГИИ. Вышли наши «Вопросы театра», журнал, на хорошей бумаге, с картинками. Я угробила на него полгода, делала одна, а славу (и, подозреваю, деньги, если они будут) буду делить пополам. Все поздравляют: «Вы (sic!) победители!». Даже открыть, вчитаться не могу. Нет, хорошо...

* * *

«Чтобы прославиться, надо развенчивать чужие мифы, а не соглашаться с чужим мнением». **С точки зрения Галилея** это было и перспективно, и смело, и справедливо. В рамках нашей современной театральной ситуации, двусмысленно.

Для Камы: Воспоминания дочери Марлен Дитрих, «Галилей» Брехта.

Для Геты: Улицкая «Мой Шурик», Бруштейн...

* * *

У Бермана – Д. Дюжев. Наивный, так хочет выглядеть умно, взросло, понравиться, что сначала – страшно неловко, стыдно, хочется выключить, а потом даже проникаешься к нему симпатией и сочувствием. У Бори во взгляде читалось то же. Несложный артист. Все-таки за 30 лет, а мышление – 14-летнего. Беда поколения.

8 августа

Профессиональная привычка оценивать чужое заставляет вглядываться и в свою жизнь. (Тут Кама тысячу раз прав.) Но, поскольку жизнь далека от совершенства, начинаешь относиться к себе критически, сожалеть о несделанном, несбывшемся, пропущенном, упущенном, видеть сначала плохое. Настроение почти постоянно плохое или неважное, унылое (грех! грех!). В общем, как у Жванецкого: «Я не стал этим и не стал тем... Мой сын, я передам тебе свой опыт». Сижу, работаю, не могу не работать ни дня (как робот!), когда портится компьютер – ужас, истерика, когда приходится потратить день на беготню – пропащий день, но удовольствия работа не дает. Чем бы ни занималась – поденщина, ощущение бессмысленности. Чистая радость уходит – это мудрец Шейко говорит. Неужели это возрастное?

11 августа

С 8 августа продолжается война на Кавказе. Цхинвали, судя по репортажам, лежит в руинах, как Грозный 10 лет назад. Несколько дней назад прекратилось авиасообщение с Грузией. Так что наша поездка в Тбилиси, на юбилей Стурца 28 сентября, почти нереальна. Таня Никольская сказала вчера, что Калягин с «Шейлоком» уже не едет. Нельзя провезти декорации. Как это все ужасно. А самое ужасное – что не знаешь, где – правда. Привычка не доверять официальным словам и ТВ заставляет скептически слушать русскую сторону. Молодые корреспонденты говорят очень агрессивно – и саркастически, когда рассказывают про Саакашвили. Он, правда, мне давно не симпатичен.

Внутри у меня смятение, как было в 1989-м, когда случился разгон демонстрации в Тбилиси. А я боялась поездки, но все-таки ее себе представляла, думала, поехать на могилы яюли и дедули... (*Бабушка и дедушка Наташи похоронены в Тбилиси на кладбище Мухатгверди*).

* * *

ТВ-центр. «Временно доступен» (еженедельное вечернее ток-шоу, создано в 2008 году). Передача Д. Диброва и И. Василькова. У них был **Кама**. Вроде бы соблюли все правила игры: один ведущий левый, другой правый, один интеллигент, другой под дурачка косит. Но ток-шоу их выходит без руля и без ветрил. С одной стороны, приглашают персону, которую расспрашивают. С другой – заранее подготовлены вопросы других «звезд» про вся-

кое. Т. е. интересуются мнением персоны. Так много натыкано, так скажут, что гость начинает торопиться, чтобы успеть сказать, а они не больно дают. Выходит суетливо. Но Кама во всем, что говорил, был умен, солиден, естествен. Куски из его спектаклей показали неудачные. Для тех, кто не видел, ничего не дают. Те, кто видел, расстроились бы: громко, шумно, агрессивно, а слов часто не разобрать. Кроме того, в Каму (да в любой серьезный спектакль), надо въезжать последовательно. В общем, поболтали, массу клише понакидали (от Василькова), попытались комплиментов витиеватых наговорить (Дибров). А зачем собирались? А поболтать.

13 августа

«Молодость без молодости» Ф.-Ф. Копполы (американский драматический кинофильм, снятый по мотивам одноимённой повести румынского писателя Мирчи Элиаде).

Сам – и продюсер, и режиссер, и сценарист. Не фунт изюма. В главной роли Тим Рот, который выглядит тут очень большим актером. Коппола вызывает уважение: оscarоносец и миллионер, не мальчик, делает то, что, видимо, очень хотел. Явно в ущерб себе. Но какой замечательный фильм, сколько мастерства, философии, новации изображения по сравнению даже с самим К. По этому фильму надо учить. При этом – семь человек на сеансе, цена билета – 50 р. И никакой рекламы. Многие мои знакомые с недоумением спрашивают, откуда я его откопала.

История полуфантастическая: ученого-лингвиста, мечтающего написать книгу об общем корне всех языков и культур, 70-летнего старика, ударила молния, и он не просто выжил, но помолодел и многое «вспомнил». Фильм не дублирован, что замечательно (у нас сейчас это делают плохо), слышны разные языки, и это музыка, которую К. вплетает в фильм тоже. Когда герой видит сны, изображение переворачивается, и выясняется, что в нем таком тоже много красоты. Или кадры снятые лежа. Или суперкрупные планы: глаз, нос, рот. Как подробно и тщательно играет Рот старость. А когда он внешне молодеет, походка остается старческая, и как он классно это делает.

Фильм, конечно, не простой. И пересказать непросто, и четко выводы сделать тоже. Но как же активно он заставляет шевелиться мозги. А как не шевелить ими, когда герой и его двойник договариваются до такой страшной вещи, как: добро и зло не имеют значения, начало и конец, в сущности, одно и то же, цель оправдывает средства, чтобы вылечить мир от суеты нужна бомба – встряхнуть человечество. Какой же огромный масштаб взгляда на мир, как человек ничего не боится, ни о чем не заботится и не волнуется (повторы, длинноты, зритель не поймет). Он должен выговориться о главном.

15 августа

85 лет **Э. Мамедову**, зампреду ТВ при С. Лапине. Мои воспоминания по рассказам – иезуит, кагэбэшник, очень жесткий и циничный человек. Репортаж – как и про питерского Романова, умирительно-ласкательный. Фронтвик, разведчик, защищал рязановскую «Иронию судьбы», которую хотели обвинить в пропаганде пьянства (кто? безлично), защищал и «Семнадцать мгновений», объясняя, что врага надо показывать умным. Самые лестные эпитеты – от Э. Сагалаева и А. Лысенко (они-то, левые, наверное, при нем и начинали с комсомольским задором). В общем, просто передовик производства и стахановец, провозвестник перестройки. По всем каналам и статьям, и темам, такое впечатление, что идет реставрация застоя. Это называется «восстановление преемственности и традиции». Такого «восстановления», опять не творческого, а идейного, я не хочу.

* * *

Репортажи-отклики на войну в Южной Осетии самые что ни на есть наступательные и агрессивные. Абсолютно в духе Второй мировой. Документальные кадры – вот как гордо ехали грузины на войну, а потом трупы в развалинах, брошенная техника и комментарий – вот как трусливо грузины убегали с войны. Парад на улицах Тбилиси под красно-белыми флагами снят так, что ощущение: это какая-то очень агрессивная латиноамериканская хунта. Все тенденциозно. С их стороны тоже. Говорят, что Нани Брегвадзе сказала, что в эту страну больше ни ногой, а Буба Кикабидзе вернул России орден дружбы и отменил октябрьские концерты... Как же нас всех запутали.

19 августа

Наконец сдала работу для Министерства культуры, 10 **экспертных заключений по государственным премиям**. Довольно трудная задача. Когда что-то не рекомендуешь, чувствуешь себя цензором (атавизм советскости), но столько баракла выдвигают. Лишь бы отхватить премию. Одни это делают автоматически, как Табаков, другие политически, как, например, Брянский театр, выдвинувший спектакль про Чечню местного автора, типичную агитку – поделку, «идейно-выдержанную», безо всяких художественных достоинств. Режиссура ужасающая. А Табаков на все премии выдвигает своих людей. В прошлом году – выдвинул «Гамлета» Бутусова, только без Бутусова и Трухина, только Клавдия и Полония, Хабенского и Пореченкова. На этот раз – спектакль древнее «Гамлета» – «Белую гвардию», и тоже без режиссера С. Женовача, но со своим художником А. Боровским и своими актерами, опять Хабенским и Пореченковым (как же он хочет их обслужить!), Рогожкиной и Семчевым. Я-то пишу свое мнение, да кто к нему прислушивается. Я поддержала «Берег утопии» Бородин, В. Зельдина, В. Беляковича и А. Песегова (по совокупности: имеют право, пашут, любят пахать) – и все-таки пермского «Чонкина» М. Скоморохова. Видно, что материальные средства и техника театра ограничены, актерские таланты тоже скромные, но придумано талантливо и остроумно, перспективно. Не чета опусу Дашкевича-Кима-Оренова, получившему «Золотую маску».

20 августа

Поговорили с Генкой Деминим про Володю Панкова. Он странно спокойно соглашался со мной во всем и повторял то, что я говорила раньше.

* * *

Сдала дела Максимовой. Пусть она немного поделает № 4 ВТ.

* * *

Еще одна формула про антрепризу, актер Александр Малов придумал: «Что ел, что радио слушал».

22 августа

«**Берег женщин**» (*Хореографический спектакль по мотивам песен Марлен Дитрих*), реж. А. Холина (*литовский хореограф*), Театр Вахтангова.

Римас хотел устроить праздник в театре, он его устроил. Правда, не оригинальный праздник, но зритель сегодняшний, малообразованный, этого не знает. Спектакль сделан по типу «Бала» Э. Сколы (*музыкальный кинофильм, 1983*): время – через танцы в кабачке, через типажи, характеры, костюмы. Спектакль идет без единого слова. Эхо войны, на которое любой откликнется, мелодрама, женщины без мужчин, в мечтах о... Стильный спектакль в цитадели стиля. Правда, стиль – как его сегодня понимают и воплощают. Стандартное представление о стиле. Женщины все – копии Марлен Дитрих. Нет индивидуальности. И танцы мало индивидуальны.

У зрителей спектакль будет иметь успех. Профессионалы, пожалуй, разнесут. Есть ошибки элементарные и очевидные. Более того, мне кажется, их еще можно устранить. Две главные: Холина ритма не чувствует – длиннющее начало, действие не двигается, пустые паузы между номерами, (шипение грампластинки – длинное, сирена – длинная, слишком много иллюстративности). Актеры играют на зал, в то время как должна стоять «четвертая стена», иначе драматизму не веришь, декоративность истории еще возрастает. Любви между партнерами нет, чаще всего играют мимо, в движениях танца кое-какие отношения обозначены, но это надо играть. Не умеют.

Этим ребятам (в основном, с курса В. Иванова) выпал счастливый билет ни за что, ни про что. Они были средними и ничего не заслуживали. Но – оказались в нужном месте. Римас захотел обновить театр, сразу кучу новых молодых привести, чтобы все заметили и увидели. Ну, привел. А дальше что?

С. Сосновскому я все сказала. У нас с ним уговор, что я ему не вру. Да мы часто и совпадаем. И сейчас совпали. Он: «Может, ты Римасу скажешь?» А зачем я полезу? Он меня спрашивает? Вернее, два раза спрашивал, я ответила, после чего он сделал все наоборот. И общается со мной подчеркнуто официально.

На банкете поговорили с Володей Ивановым. Я ему сказала про ребят, что думаю. Что аванс они получили огромный, и надо обязательно его оправдать. Он сказал, что они его уже не слышат. А потом – «подстава». Собрал свой курс, представил меня и заставил сказать им то, что я говорила ему. Я-то сказала. Они слушали даже слишком внимательно. Но, подозреваю, ничего не поняли. Они сейчас в такой эйфории. И, увы, довольны собой. Я одного мальчика спросила: «Какой национальности ваш герой?» Удивился: «А что, это важно?» Холина даже этого им не объяснила? И Римас (!) им этого не сказал?

25 августа

«Дом в Левшинском». Воспоминания В. Русланова (*солист Краснознаменного им. Александрова Ансамбля песни и пляски Советской Армии, 1926–1996*) и его родителей, Н. Русиновой и Л. Русланова (*актеры театра им. Вахтангова*). Любопытно и неприятно. Опять убедилась, что в мемуарах ничего не скрыть. Есть поговорка «Ты – то, что ты ешь». Мой вариант: «Ты – то, что ты вспоминаешь». Про то, как пукал на сцене А. Горюнов, про то, что О. Глазунов был тупым, про то, что Ц. Мансурова заигрывала с молодыми... Даже про любимого друга Е. Леонова вспомнил только то, как он просил жену Русланова продать привезенные «тряпки» его Ванде. Возможно, даже, наверное, так всё и было, но когда других фактов рядом нет, объема не получается. В результате, всех, кого вспомнил, «прибил» к земле.

Папу своего так описал и дневниковые его записи такие выбрал, что получился человек-педант, завхоз, а не актер, явно неталантливый, неумный, очень дорожащий связями, своими и вахтанговскими, правительственными и гэнэушными. И без чувства юмора. И хотя дедушка В. Русланова был знаком с Л. Толстым, хотя его шаржи замечательно талантливы, но 25 лет работы в Ансамбле Александрова сделали его самодовольным салдофоном.

* * *

Метод физ. действий. Е. Вахтангов.

Самостоятельная работа Б. В. Щукина и Н. П. Русиновой, «Ведьма» Чехова. Пожелание: «Только без «ручек» (с. 88).

1922 г. Мейерхольд. Статья «Памяти вождя». О Вахтангове. «Станиславский правильно определяет образ Вахтангова – Вождь. Режиссера подготовить не так трудно, но как найти вождя... Качества вождя имел Л. А. Сулержицкий, вождем был и Е. Вахтангов». «Загляните в особняк на углу Арбата <...>. То, что здесь организовано – дело рук именно вождя. Здесь точно крепость, всегда готовая к осадному положению» (с. 120).

(стр. 126) Из выступления Мейерхольда на режиссерской конференции (пров.): «Там, где были лучшие театры мира, там царит теперь по вашей милости унылое и добропорядочное среднеарифметическое, потрясающее и убивающее своей бездарностью. К этому ли вы стремились? Если да – о, тогда вы сделали страшное дело. Желая выплеснуть грязную воду, вы выплеснули вместе с ней и ребенка. **Охотясь за формализмом, вы уничтожили искусство!**». Сказано в 1937-м, а и сейчас годится. Только последнюю фразу надо изменить: **«Охотясь за психологизмом, вы уничтожили искусство»**. Почему же все время надо за чем-нибудь охотиться и утверждать, кто первее и центрее?!).

(с. 137) «Зойкина квартира» А. Попова. По воспоминаниям Русиновой, она имела шумный успех, прошла более 100 раз и была снята. Снята под напором критики, которая клеймила спектакль. За нэпманский угар и любование красивой жизнью. Попов признал ошибки, и театр сдал позиции. Я вспомнила историю с «Королем-оленем», все повторилось. То же самое: Вахтанговский театр сдался и не сумел защитить свое. Не хочется разочаровываться.

26 августа

Д. Медведев сегодня признал независимость Абхазии и Южной Осетии. Похож на юного пионера, который хмурит брови, чтобы казаться старше. Подчеркнул, что это единственный выход, чтобы не убивали людей, вспомнил и Косово, и Гамсахурдия в 90-х годах. Мы признали независимость, а не к себе их взяли. Но это никого не успокоит. Весь мир против, уже осудили Россию США, Англия, Германия... То ли еще будет. Будто опять «холодная война» начинается. Сегодня, может быть, мир изменился.

В репортажах из Сухуми и Цхинвали люди танцуют и пьют вино от счастья. Саакашвили, как паяц, на фоне государственных причиндалов, которые кажутся вычурными и декоративными, рыцарскими какими-то плащами и доспехами, тоже похож на юного пионера. Говорит, что агрессор Россия нарушила территориальную целостность Грузии. А мне как быть? Где мое сердце? У меня только один аргумент, который я восприняла еще 20 лет назад, когда развалился СССР. Нельзя удерживать людей, если они не хотят вместе жить. Только поэтому, считала я (не важно, правы или не правы они исторически), все республики надо отпустить. Потом, через много лет, может быть, что-то сложится. Теперь точно такая же история. Грузия когда-то считала СССР империей. Сейчас сама ведет себя, как империя.

Меня напугала одна фраза из интервью Медведева: «Если кто-то не хочет с нами общаться, не надо. Мы и так проживем». Интересно, что будет дальше.

28 августа

Заходила в Ленком, чтобы отправить с Юлей К. в Питер (у них гастроли) «Вопросы театра». Пока Юля выходила, Надя Калинина, как всегда быстро-быстро, пыталась со мной поговорить о Толе Васильеве. «Ты ничего не слышала?» «А что случилось?» «Там в Греции такой скандал!!! – говорит она весело и смеясь. – Эти греки – такие идиоты, ничего не

поняли. Им показали театр будущего, а они не поняли. Рецензии были ужасными». И про скандал – с каким-то нездоровым весельем. Как будто скандал, а не спектакль – главная цель премьеры.

2 сентября

Грузия разорвала дипломатические отношения с Россией. Ужас. Это катастрофа для обоих, так рвать по-живому. Съездила я в Тбилиси...

* * *

Говорили с Пашей Любимцевым. Я, вечная «скорая помощь», как всегда, делала замечания по его книжке о Вите Г. Шутя, бросила: «Смотрите, не забудьте меня хотя бы поблагодарить в предисловии, когда выпустите книжку». Обещал, конечно. Шутили по поводу Коли Шейко, который такой неумелый-неумелый, но почему-то всегда все обращает в свою пользу.

* * *

Довольно странная фраза мелькнула по ТВ. Ведущий какой-то новостной программы, кажется, на НТВ, сказал, что в результате такой оценки действий Грузии, США в России потеряло молодое поколение, в которое вкладывало столько денег.

* * *

Была у родителей. Постоянная нежность к ним по любому поводу.

* * *

Отнесла наконец тексты Гинкасу и Яновской. Уже страниц 250. Хотя расшифровано 2/3. Но целого пока не вижу.

3 сентября

Звонила Каме с Гетой. Он сказал, что не выспался, потому что всю ночь читал. Сам себе не понравился, а вот Гета... «Это потрясающе! Столько деталей! Так интересно! Меня надо убрать до минимума, а книжку писать про Гету». Хорошо, что Гета из-за глаз сейчас не может читать, а то бы она сказала, что книжку надо писать про Каму. И получилось бы, что вся работа коту под хвост. А мне его читать интереснее, и, главное, его спектакли мне нравятся больше. Гетина политизированность и социальная агрессия, как у Машки Седых, точно, меня пугают. Она в жизни милейший и тончайший, с раненой душой человек, а эта, мне кажется, защитная реакция, уплощает ее талантливые спектакли.

4 сентября

Вручение премий мэрии Москвы. Называется «сходила в гости к Ю. Лужкову», который, кстати, мне больше всех понравился. Прост, естествен, говорит складно, шутит мило. Сто раз подчеркнул, что премии дают коллеги коллегам, т. е. мы, а не чиновники. Страшно горд, что строит новые театры. Это его пунктик. Постоянно про это.

Был П. Н. Фоменко, торжественный, в костюме, опять ручки мне целовал (это у нас ежегодный ритуал). Они получили премию за здание театра (директор А. Воробьев плюс

к архитекторам). Здание мне как раз не нравится. Похоже на вестибюль метро. Может, в пейзаж оно и вписывается, но по сути... бездушное.

Был С. Яшин, который кинулся ко мне с жаром по поводу К. Богомолова: «Как ты была права!». Я, к сожалению, всегда права. Там невооруженным глазом все было видно и давно. А уж когда ему захотелось занять освободившееся место Карбаускиса в Табакерке, оно и вылезло наружу. Он кинул Яшина точно так же, как и Шапиро.

5 сентября

ГИИ. Пришли обсуждать **статью Иванова** про 30-е годы, а там накрыт стол. Оказывается, ему 60 лет. Как огурчик, между прочим.

С Верой как всегда театр. «Как вы могли меня не предупредить!!! Я бы никогда не пришла!!! Я не ем и не пью на днях рождения тех, кого не люблю». Я отмахнулась и отшутилась. Через некоторое время: «Ой, я так есть хочу, пожалуй, я поем». И все принципы спрятала в карман. Вот это фантастический реализм и есть. Если так сыграешь, скажут, не бывает.

* * *

Документальное кино про то, что было в Южной Осетии. Ужас. Даже не верится. Особенно потрясают пижонские съемки грузинских солдат на мобильные телефоны. Как будто игра в войну. Но тон закадровый нашего ведущего тоже пугает: как будто Левитан рассказывает про «зверства немецко-фашистских оккупантов». При этом Саакашвили выглядит полным идиотом.

После этого понаблюдала съезд американских республиканцев. С Маккейни, похожего на старого, опухшего Чарли Чаплина, во главе, и Сарой Пейни, губернаторшей Аляски, по моему, дурой. Вытащила на сцену всех детей: пятерых взрослых и последнего, дауна, – на руках. Несовершеннолетняя дочь – в черном маленьком платье с пузом на носу, а рядом – растерянный мальчик, которому теперь уже не отвертеться, придется стать зятем. Несла чушь. «Чем отличается вице-президент от бультерьера? У него помада на губах». И зал, полный истеричных домохозяек, истово этому идиотизму аплодировал. Ощущение, что мир сошел с ума. И сильно измелечал. Какие-то карлики в прямом и переносном смысле нами управляют.

После чего – на сладкое: Саакашвили, разорвавший дипломатические отношения с Россией, вдруг сказал, что визы, пожалуй, будут выдавать (лететь-то через Россию проще). На что и наши два мальчика закусил удила и ответили, что это они еще посмотрят, выдавать или не выдавать.

* * *

И тут же по ТВ наш О. Табаков открывает сезон, показывает школу для детей, которых он будет учить театру (интересно, платная ли?). Учить будут Безруков, Мохов и пр. Здесь же дети будут жить, вставать в 7.30, ложиться в 10.30. И перед сном 3 часа читать. О. П. будет проверять. Детский сад.

Насыщенный ТВ-день у меня получился.

6 сентября

Были с Таней на Книжной ярмарке. Много шума, много пыли. А, в общем, ничего интересного.

* * *

«Сволочи» А. Атанесяна.

Наконец посмотрела кино, из-за которого было сломано столько копий. Демарш В. Меньшова на вручении премии MTV. У меня вопрос к фильму один – «было или не было?»: существовали ли во время войны у нас школы диверсантов, где из малолетних преступников делали камикадзе. Если такого исторического факта не было (он-то и вызывает смущение), то и говорить не про что. Сценарий, кроме этой завязки, хлипковат, хотя есть несколько локальных сильных ситуаций (парень-наркоман, которого застрелили при попытке бегства из лагеря; парень-форточник, разбившийся на скале; парень-сволочь, испортивший другому мальчишке парашют, которого по приказу командира (Панина) закопали вместе с разбившимся парашютистом). Дети хорошо играют, и очень хорошо и буднично (внутренне хорошо, драматично, трогательно) играют А. Панин и А. Краско. Концовка сусальная, хотя и тут актеры (В. Кашпур и В. Андреев) не подкачали. В общем, скандал, конечно, раздут. Причем, обеими сторонами. Привет «Детям Розенталя». Я даже подумала, уж не пиаровский ли это был ход.

«Тиски» В. Тодоровского.

Тоже неплохое кино. Держит. Очень хорошо играет Ф. Бондарчук, органика у него все-таки замечательная. Кстати, даже А. Серебряков похуже. Кислотные тона. Куцый восток. Натуральность кадра, когда даже царапина и зернистость кожи видны. Но все равно американский канон лезет местами в глаза. Т. е. Е. Кончаловский просто вату снимает, стандарт. А В. Тодоровский – вроде как умный стандарт, со сдержанной американской теплотой в отношениях мужественных мужчин.

7 сентября

Год как нет **М. Вайля** (*известный советский и узбекский театральный режиссёр. Основатель и художественный руководитель театра «Ильхом» в Ташкенте*). Миля и Владик (*сестра и друг*) собирают сегодня народ в Чайхане на Калужской. Пойду, конечно, но подозреваю, что увижу там «больших Марикиных друзей», о которых узнала только на похоронах. Удовольствие маленькое.

Посидели тихо, как будто в Ташкенте (интерьер такой). Были только Милины друзья, Владик с женой, из знакомых – Чингиз Гусейнов (*драматург*) из полужнакомых – Валера Сергеев (*директор академического театра им. И. С. Тургенева, продюсер и друг Вайля*). Позвали не без корысти. Миля и Владик решили организовать Фонд Вайля – для поощрения студийных начинаний. Само по себе неплохо. Марк умел собирать друзей, и ведь действительно, все мало-мальски талантливое в Ташкенте 80-х годов прошло через «Ильхом». Боюсь, что сейчас некого будет поощрять. На меня они рассчитывают, как на информационную поддержку. Отказаться я не могу. Марик мне все-таки – почти «друг детства». Но с легким сердцем этим заниматься я тоже не могу. Последние 20 лет мне почти все у Марка не нравилось, потому, что многое из того, что он делал, было довольно конъюнктурно. Бывает ведь и «левая» конъюнктура? Возможно, это все помогло ему вписаться в «новый европейский театр», но репутацию, на мой взгляд, подмочило. И я не верю, что это было для него органично. Я же помню его другим. Да, он всегда использовал людей (как часто делают все сильные режиссеры), но он делал замечательные спектакли. А после «Кломадеуса» (*визуальный театр-метафора, театр клоунады*) что-то сломалось и в нем, и в наших отношениях. Боюсь, что это он «слушал время» (он мне всегда советовал быть гибче) и старался «вписаться в меняющийся мир».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.